

В.Н. Земцов

А.И. Попов

1812 Бородино

Южный фланг

200-летие Отечественной войны 1812 г.

В.Н. Земцов

А.И. Попов

Бородино Южный фланг

Москва, 2009

ББК 63.3(2)47
Б 53

Издание осуществлено в рамках книжной серии
«200-летие Отечественной войны 1812 г.»
Руководитель проекта Пархоменко И.О.

Земцов В.Н., Попов А.И.

Б 53 Бородино. Южный фланг. – М.: ООО Издательство «Книга», 2009. – 104 с.

ISBN

Работа ведущих исследователей Отечественной войны 1812 года докторов исторических наук В.Н. Земцова и А.И. Попова посвящена важнейшим эпизодам Бородинского сражения – борьбе за Семёновские укрепления и бою в Утицком лесу. На основе обширной документальной базы авторы предлагают наиболее убедительную на сегодняшний день картину хода и результатов событий, разыгравшихся на южном фланге Бородинского сражения.

ISBN

© «200-летие Отечественной войны 1812 г.»
© Земцов В.Н., 2009 (текст)
© Попов А.И., 2009 (текст)
© Аверьянов А.Ю., 2009 (иллюстрации)
© Ежов А.Н., 2009 (иллюстрации)

Введение

Грандиозное Бородинское сражение, разыгравшееся 5-7 сентября 1812 г. в 124 км к западу от Москвы, стало кульминацией великой эпопеи наполеоновских войн. Поэтому не удивительно, что события, с ним связанные, привели к появлению в России и за рубежом необозримой исторической, художественной и публицистической литературы. Столь длительный интерес к Бородинскому сражению предопределил рождение иллюзии о некой «прозрачности» событий Бородинской битвы, об очевидности причин, её породивших, очевидности её хода и последствий.

События, произошедшие на южном фланге сражения, не стали в этом плане исключением. Истории о многочисленных и, как правило, безуспешных французских атаках Багратионовых «флешей», о роковом выдвижении на открытое пространство у д. Утицы 3-го пехотного корпуса Н.А. Тучкова 1-го, о беспримерной стойкости русских гвардейцев, которые не только отбили атаки кирасир, но и сами атаковали французских латников, вошли в большинство учебников и книг о Бородинском сражении.

Авторы двух очерков, посвященных действиям на южном фланге Бородинской битвы, задались целью

воссоздать наиболее убедительную картину этих событий. В этом стремлении они исходили отнюдь не из честолюбивых желаний «переписать» историю, но исключительно из чувства исторической правды и уважения к своим предкам, величие подвига которых вовсе не нуждается во лжи и «патриотической» подтасовке фактов.

Характерной особенностью обоих очерков является широкое привлечение зарубежных материалов, которые большей частью игнорировались ранее не только отечественными, но и зарубежными авторами. Это позволило А.И. Попову достаточно убедительно на сегодняшний день представить действия обеих армий в ходе боя на Старой Смоленской дороге и в Утицком лесу. В то же время акцентирование внимания на зарубежных материалах заставило автора другого очерка, В.Н. Земцова, сконцентрировать внимание почти исключительно на действиях армии Наполеона в бою за Семёновские высоты. Несмотря на известную самостоятельность двух частей книги, они могут, как нам представляется, предложить достаточно цельную картину событий на южном фланге и заложить хорошую основу для дальнейших исследований Бородинского сражения.

Глава I

Бой за Семёновские высоты

Отечественная традиция в описании боя за Багратионовы «флеши» и д. Семёновское берёт своё начало в работах К.Ф. Толя, в 1812 г. исполнявшего должность генерал-квартирмейстера действующих армий. Самым ранним документом, связанным с этой традицией, по-видимому, являются заметки (не исключено, что это был черновик донесения главнокомандующего объединёнными русскими армиями М.И. Кутузова императору Александру I), озаглавленные «Описание сражения при селе Бородино...».¹ Эти заметки были подготовлены Толем скорее всего в сентябре 1812 г. В них автор, ещё по горячим следам событий, попытался отделить эпизоды сражения один от другого и расположить их в строгой логической последовательности. Из этого текста было всё ещё не ясно, сколько атак сделал неприятель на Багратионовы «флеши», когда именно русские отошли к д. Семёновское, как по времени соотносились события у «флешей», возле Курганной высоты и в Утицком лесу. Однако было очевидно, что автор, во что бы то ни стало, пытался представить действия русских войск в наиболее благоприятном для русского командования свете: все атаки французов отбивались с огромным для них уроном, русские, если и отступали, то только под давлением целесообразности.

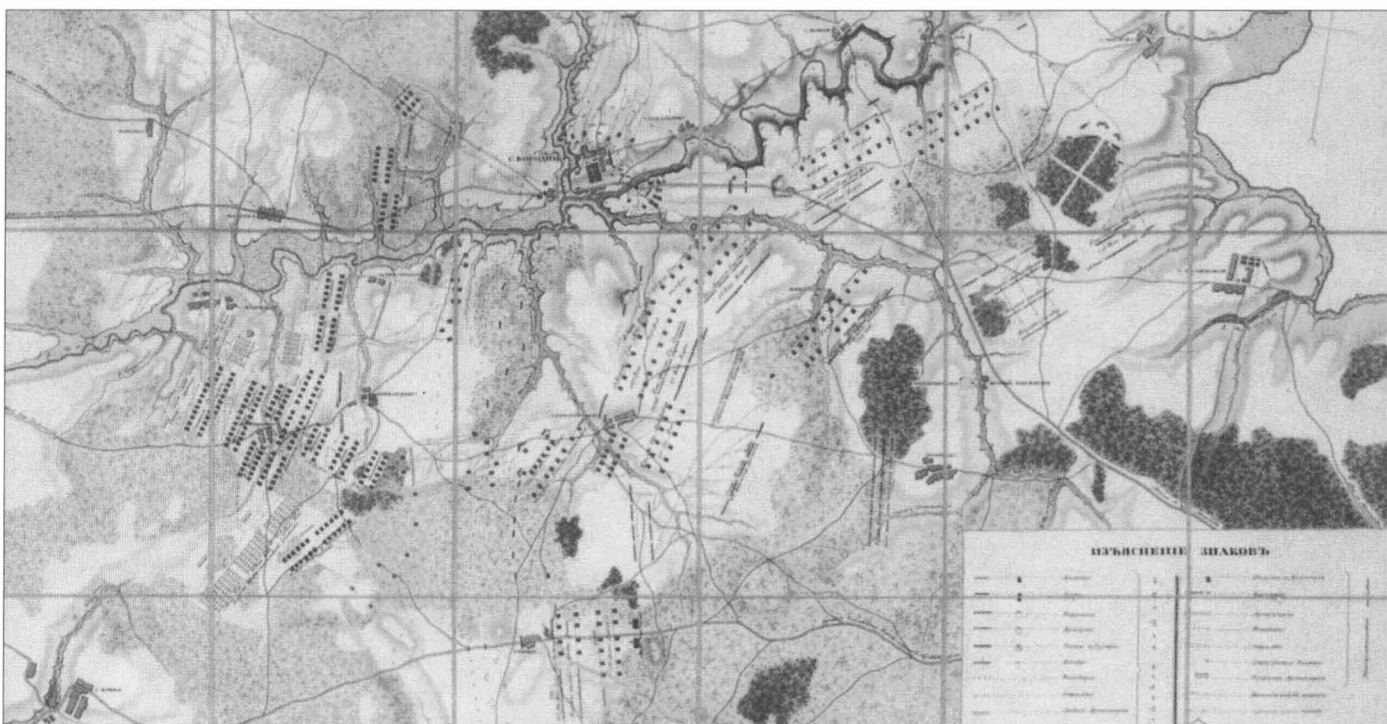
В 1822 г. в «Отечественных записках» была опубликована цельная работа Толя «Описание сражения при селе Бородине...»², в которой автор окончательно обозначил своё видение сражения. Численность неприятельских войск к началу битвы значительно превосходила численность русской армии (185 тыс. человек и более чем 1 тыс. орудий против 112 тыс. человек при 640 орудиях). Неприятель, выходя к «флешам», неоднократно «прогонялся» в лес, что дало в дальнейшем ряду авторов

возможность сделать из этого «парочку отбитых атак». «Флеши», как можно было понять из текста, были окончательно захвачены французами после ранения главнокомандующего 2-й Западной армией П.И. Багратиона около или даже после полудня. Только поздним вечером французы попытались было овладеть д. Семёновское, но были выбиты оттуда лейб-гвардии Финляндским полком, который якобы «удерживал оную за собою».

С тех пор многочисленные отечественные авторы (Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович, А.В. Геруа, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин и др.) с удивительным упорством воспроизводили ту схему боя, которую создал Толь. Только с момента появления в 1992 г. статьи А.А. Васильева и Л.Л. Ивченко, началась заметный отход от этой освящённой временем традиции.³

Не претендуя на окончательное разрешение тех многочисленных вопросов, которые всё ещё возникают перед исследователем при описании боя за Семёновские высоты, мы попытались максимально полно на сегодняшний день осветить действия армии Наполеона в ходе этих событий. Основными источниками для нас стали рапорты различных чинов армии Наполеона и русской армии о Бородинском сражении,⁴ их письма,⁵ дневники,⁶ воспоминания.⁷ Поиск наиболее убедительной интерпретации событий мы пытаемся осуществлять, не отвергая и не игнорируя предшествовавшие нам историографические традиции, но учитывая и объясняя специфику их появления.

Ордер де баталь войск бывших в сражении при селе Бородине 24 и 26 августа 1812 года. Сочинен генерал-лейтенантом бароном Толем в 1814 году

А. Ежов. *Маршал Ней в битве при
Москве-реке, 7 сентября 1812 г.*

1. Подготовка к бою

5 сентября 1812 состоялся первый акт Бородинского сражения – бой за Шевардинский редут. В результате упорной борьбы к позднему вечеру 5 сентября редут окончательно перешёл в руки французов. Это обстоятельство во многом предопределило направление главной атаки французской армии русских позиций 7 сентября. Захватив Шевардинский редут, Наполеон создал условия для давления на левый фланг русских, который не был прикрыт серьезными естественными препятствиями, что, помимо всего, позволяло Наполеону использовать кавалерийские массы. Но для окончательного решения о направлении атаки нужно было удостовериться в безопасности своего левого фланга и провести более детальную рекогносцировку местности.

В течение дня 6-го сентября Наполеон провёл две длительные рекогносцировки. Первая началась в 2 утра и закончилась в 9 – начале 10-го.⁸ Примерно в 2 часа дня – начале 3-го началась вторая рекогносцировка Наполеона (что следует из воспоминаний Деннье, генерал-адъютанта Ж. Раппа, воспоминаний и «Дорожного дневника» Коленкура, «Манускрипта» секретаря-архивиста Наполеона А. Фэна), которая также продолжалась довольно долго («до вечера» – в мемуарах Коленкура; до 6 вечера – в его «Дорожном дневнике»). Поздно вечером Наполеон еще раз приближался к русским позициям, пытаясь удостовериться в намерениях неприятеля дать сражение.

Итак, первая рекогносцировка началась рано утром, еще в темноте.⁹ Более того, когда уже стало светать, туман, лежащий в лощинах вплоть до 8 утра (Брандт), создавал серьезные трудности для обзора местности. Если верить Лежену, то при объезде левого фланга за группой Наполеона погнался патруль казаков.¹⁰ По линии постреливали егеря.

Первоначально, еще в темноте, Наполеон направился в район Шевардинского редута; отсюда, под прикрытием находившегося к северо-востоку леса, и пользуясь туманом, близко подъехал к центру русских позиций. Отсюда он наблюдал Курганную высоту, а сбоку – район ручья Каменки и Семёновского оврага. Затем Наполеон едет на левый фланг, обследует его «вплоть до сторожевых постов».¹¹ Потом снова возвращается к центру, где, вероятно, и объяснил командиру 4-го армейского корпуса Э. Богарне «все диспозиции на месте». След за этим Богарне начал возводить укрепления с целью «привлечь внимание неприятеля и обеспечить опорный пункт (pivot) и сообщение армии».¹² Далее Наполеон, вероятно, отправился на крайний правый фланг. К. Колачковский, помощник командира инженеров 5-го армейского корпуса, достаточно подробно описывает посещение императором расположения этого корпуса. Колачковский вспоминает, что Наполеон и Неаполитанский король Ж. Мюрат, командир резервной кавалерии Великой армии, прибыли с «целым штабом» к польскому лагерю, «расположенному на захваченной вчера позиции, и некоторое время оставались там, исследуя неприятельское расположение; рядом с нашим лагерем действовали егеря, которые ограничивали возможность обзора». С холма, на котором стоял Наполеон (по словам Пеле, это была одна «из высот, находившихся между Дорониным и Утицею»; отсюда Наполеон смотрел в подзорную трубу, положенную на плечо Мюрату), было видно главным образом море зарослей, протянувшихся в глубину и вправо неприятельской позиции. Справа

обозначалась Старая Смоленская дорога, проходившая через Утицу. Слева русская позиция просматривалась яснее, но зато пространство было покрыто оврагами. Линия русского лагеря, в котором виднелось много людей, простиралась так далеко, насколько мог охватить взгляд. Здесь Наполеон дал свои инструкции Ю. Понятовскому, командиру 5-го армейского корпуса. По мнению и Колачковского, и Пеле, инструкции сводились к тому, чтобы Понятовский двигался к Утице, «опрокинул все, что встретится на пути»; затем поворотом влево помог бы атаке русских позиций в районе Семёновского оврага.¹³

Затем Наполеон возвратился к центру, пройдя близко от русских аванпостов, и поехал к д. Валуево. В продолжение всей рекогносцировки Наполеон «разговаривал с начальниками, его приветствовали солдаты». В наиболее важные пункты линии он отправил «офицеров, которые должны были произвести частное изучение».¹⁴

Наполеон прибыл в ставку в 9 – начале 10-го. Убедившись, что русская армия осталась на месте и готовится к сражению, Наполеон вместе с тем был сильно озадачен. Правый фланг противника непонятным образом загибался на северо-восток и исчезал из поля видимости, а левый, не менее странно, примыкая правым крылом к Московской дороге, обрывался возле северной кромки Утицкого леса. Наиболее убедительным объяснением необычного расположения противника могло быть только то, что Шевардинский редут, взятый накануне, был не чем иным, как опорным пунктом левого фланга. Теперь, потеряв опору, русские отвели этот фланг, сделав «облический» загиб фронта, и это ставило их в весьма невыгодное положение. Они могли снова сняться и уйти без боя. Наполеон гнал от себя эту мысль. Проезжая бивак генерала К.П. Пажоля, он услышал бодрый припев: «*La victoire en chantant nous ouvre la barriere!*» («Поющая победа даст нам несметно преграду!»). Армия жаждала сражения, которое завершило бы тяготы неудачно начавшегося похода, и это питало оптимизм Наполеона. Возвратившись в ставку, император «объявил о приказе на день, по которому армия должна была в оставшееся время подготовиться к битве на следующий день».¹⁵

Распоряжения, отданные Наполеоном в ходе первой рекогносцировки, ясно говорят о том, что он решился, сделав свой северный фланг опорной точкой, произвести захождение правым крылом. Но конкретный план этого захождения был еще не до конца ясен. Коленкур полагал, что Наполеон колебался – «сделать ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля... или же занять такие позиции... чтобы иметь возможность атаковать неприятельский центр с фронта и тыла, начав атаку правым крылом».¹⁶

Возвратившись из первой рекогносцировки к своей палатке у Валуево, Наполеон застал там Л.Ф. Боссе, префекта двора и камергера, только что прибывшего после 37 дней пути и доставившего несколько бумаг от императрицы. В специальном ящике Боссе привез портрет сына Наполеона. Префект, видя, что завтра предстоит большое сражение, полагал, что император повременит несколько дней с лицезрением портрета. Но все произошло не так.¹⁷

Наполеон в волнении приказал немедленно достать портрет из ящика. Желая, чтобы портрет был все время перед глазами, он распорядился поместить его в палат-

ке. «Его глаза выражали истинное умиление», - пишет Боссе. Желая разделить свои чувства с соратниками, Наполеон созвал всех офицеров своей квартиры и всех генералов, находившихся рядом, чтобы и те увидели портрет. Затем Наполеон приказал одному из лакеев вынести картину из палатки, чтобы офицеры и солдаты гвардии также смогли полюбоваться.

Вскоре после Боссе в ставку императора прибыл капитан Ш.Н. Фавье, адъютант командующего французскими войсками в Испании маршала О.Ф.Л. Мармона. Известно, сообщение о серьезной неудаче Мармона при Арапилах 22 июля пришло к императору 2 сентября в Гжатске. Тогда Наполеон остался недоумен характером информации. Теперь же он мог узнать о сражении «из первых рук». Наполеон долго беседовал с Фавье, расспросил о ране Мармона. Хотя испанские дела не могли обрадовать императора, и он «смутно угадывал все последствия этого несчастного события» (Фэн), в целом рассказ Фавье был им воспринят спокойно, даже «с какой-то насмешливостью». «Русские дела в данный момент были слишком серьезны для того, чтобы его заботили неудачи герцога Рагузского (Мармона - В.З.) в Испании», - вспоминал позже Коленкур.¹⁸ Пытаясь отогнать от себя неприятные мысли об Испании, Наполеон после разговора с Фавье стал напевать строки из «Оды на фортуна» Жана-Батиста Руссо:

*L'impatience indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout le succès d'Annibal.*¹⁹

Сюжет, который пришёл на память Наполеону, касался событий 2-й Пунической войны, когда консул Гай Теренций Варрон, вопреки мнению другого консула Луция Эмилия Павла, сторонника постепенного истощения противника, настоял на решительном сражении

Белланже. Наполеон показывает портрет своего сына гвардии

с Ганнибалом, и это привело к страшному поражению римлян при Каннах. Теперь, сам выступая в роли Ганнибала и видя наконец-то перед собой противника, решившегося на генеральное сражение, Наполеон пытается вдохнуть в себя и в окружающих решимость одержать победу; мысли об Испании пока не должны были отвлекать его от главной задачи. Новости о проигранном Мармоном сражении было решено сохранить в тайне от армии, хотя реально этого сделать так и не удалось.

В 2 - начале 3-го часа пополудни Наполеон отправился во вторую рекогносцировку. Император хотел лучше разглядеть местность и русские позиции (чему в первой поездке мешал утренний туман), а также увидеть перемены, произошедшие днем в русском лагере. Необходимость второй поездки диктовалась и слухами о готовности русских снова начать отступление²⁰. Рапп, отправленный ранее на разведку и возвратившийся около двух часов в ставку, увидел Наполеона разговаривающим с Мюратом и Бертье. Сведения, принесённые Раппом, убедили Мюрата в том, что надо готовиться к бою. «Однако другие генералы продолжали считать, что русские не рискнут и уйдут без сражения». Рапп был противного мнения и стал убеждать, что русские атакуют французскую армию, если она их не опередит. Наполеон, как и Бертье, согласился с Раппом. После чего император потребовал своих лошадей и отправился в рекогносцировку²¹.

По всей видимости, во второй раз император начал осмотр с левого фланга, проехав довольно далеко вдоль р. Войны, а возможно, и перейдя ее. Наполеон «долго

А. Ежов. Капитан фузилерной роты 93-го полка
линейной пехоты, сентябрь 1812 г.

всматривался в русские биваки без помех» (Деннье), чему способствовал «туман от дождя» (Фэн). Вероятно, проезжая с левого фланга на правый, возле с. Бородино Наполеон был обстрелян русским оружием.²² Затем Наполеон проследовал на правый фланг, окончательно уверившись, «что линия русских продолжается облическим образом, пересекая Московскую дорогу, до высоты большого леса, на который опирался наш (французский. – В.З.) правый фланг».²³ По словам Деннье, Наполеон увидел, что «многочисленные редуты прикрывают позиции русских». Утром у Наполеона не было уверенности в «облическом» загибе русских позиций; и он предполагал, что русские попытаются вернуть Шевардинский редут. Теперь же, когда он ясно увидел возводимые на южном фланге укрепления, русская линия уже определенно предстала в «облическом» виде. Это «окончательно убедило его, что он не ошибся: по возвращении он отдал соответствующие приказы».²⁴ Наполеон окончательно решил начать главную атаку из района Шевардинского редута, откуда «прекрасное дело дивизии Компана открыло нам дорогу» (Фэн).

Конечно, ни первая, ни вторая рекогносцировка не позволили Наполеону до конца понять своеобразие местности и расположения русских войск.²⁵ Однако в целом Наполеон все-таки правильно оценил характер местности, в том числе в районе Багратионовых «флешей» (он не мог видеть только «третью флеш») и на примыкавших к ним участках. Император, вероятно, даже заметил небольшое укрепление, которое русские возводили «на развалинах Семеновской деревни» (Пеле).

Как оценивали французы характер русских укреплений? По мнению Деннье, «позиции русских были хорошо защищены». Лежен считал, «что линия противника была защищена потрясающими позициями, хорошо укрепленными, с редутами и реданами, в которых были пушки».²⁶ Но это крайняя точка зрения. Гораздо более убедителен Фэн и, особенно, 18-й бюлетень Великой армии: «Позиция была хорошо укреплена и давала возможность маневрировать и ретироваться. Но это (атака такой позиции – В.З.) составило честь, и эта позиция не была в такой степени сильной, чтобы отказаться от возможности сражаться. Было видно, что редуты не были закончены, рвы были неглубокими, палисадов не было».²⁷ Общие русские силы оценивались Наполеоном в 120 - 130 тыс. чел.²⁸

Насколько эти цифры были близки к реальной численности русской армии? Наиболее точные подсчеты были сделаны А.А. Васильевым и А.А. Елисеевым. По их мнению, с учетом потерь, понесенных 5 и 6 сентября, русские войска без ратников Московского и Смоленского ополчений насчитывали около 118 тыс. человек и примерно 620 орудий. Ополченцев на 5 сентября имелось около 31,7 тыс. Следовательно, на 7 сентября в составе соединенных армий было всего 150 тыс. человек, включая ополченцев.²⁹ Помимо этого, следует отметить значительное количество новобранцев в регулярных частях. Некоторые авторы утверждают даже об ¼ новобранцев, но это явно завышенная цифра; полагаем, что новобранцев было до 20 тыс.

Таким образом, штаб Наполеона, беря за основу только регулярные части и казаков, имел верное представление о численности и составе сил противника.

Какова была численность главных сил армии Наполеона к утру 7 сентября? Основой для любых серьезных вычислений сегодня, как и ранее, могут быть только данные Ж. Шамбрэ и Пеле о переключке 2 сентября в Гжатске. Все попытки более точного исчисления французских войск являются только вариациями на тему «гжатского расписания». Напомним, что переключка дала (с учетом подхода в течение 5 дней «откоманди-

рованных») 133.819 человек, находящихся в строю. С учётом 2-й дивизии лёгкой кавалерии, строевых чинов Главной квартиры, предполагаемых боевых и небоевых потерь со 2-го по 6-е сентября и других уточнений,³⁰ полагаем корректным утверждать о том, что к утру 7 сентября численность Великой армии могла быть 128 – 129 тыс. человек в строю при 583 – 593 орудиях.

Почти все авторы, повествующие о Бородинском сражении, считают своим долгом остановиться на возможности глубокого обхода русских войск на южном фланге, что позволило бы французам обойти Багратионовы «флешы», избежав тем самым больших потерь. Это предположение, по свидетельству Сегюра, исходило от маршала Л.Н. Даву, командира 1-го армейского корпуса, во время второй рекогносцировки. Тьер относит это событие к более позднему времени, когда вторая рекогносцировка уже была закончена, и Наполеон формулировал свои приказы на следующий день. Маршал предлагал задействовать для этого обхода не только 5-й, но и 1-й армейский корпус. Комбинированные действия этой группировки с главными силами французов могли бы привести к дезорганизации армии Кутузова, которая оказалась бы отброшенной в мешок между р. Колочью и р. Москвой. Несмотря на плохие карты, было все-таки понятно, что сразу от Бородина Большая дорога заметно отклоняется к югу и что, таким образом, выход на нее французов заметно облегчается. Но Наполеон не принял предложения Даву, бросив, согласно тому же Сегюру: «Вечно вы со своими обходами! Это слишком опасный маневр».

Об этом эпизоде писали чуть ли не все мемуаристы или авторы - участники Бородинского сражения с французской стороны – Ф.Ф. Гийом де Водонкур, Коленкур, Фэн, Фезанзак, Пеле, Пельпор... У нас не осталось сомнений, что предложение Даву об обходе действительно имело место. Существуют и свидетельства тому, что Даву 6 сентября действительно углублялся в Утицкий лес с Понятовским и генералом Л. Фрианом, командиром 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса.³¹ Кажется, эта идея вообще витала в воздухе. Поляки, находясь весь день в перестрелке в районе Утицкого леса, обнаружили слабое сопротивление неприятеля. «Сопротивление русских в этом пункте было не совсем таким, каким оно должно было бы быть и каким оно было в других местах», - отмечал Коленкур, повествуя о колебаниях Наполеона насчет маневра на южном фланге. Наполеон был даже обескуражен, не найдя крупных сил в районе Старой дороги. Пеле отмечает, что, по расчетам Наполеона, русская армия должна была располагаться между двумя дорогами, но северный ее фланг странно загибался, оставаясь большой загадкой для императора, а южный фланг не менее странно обрывался, не дойдя до Старой дороги. То, что русские перебрасывали туда 3-й пехотный корпус Н.А.Тучкова, Наполеон в течение дня 6 сентября не обнаружил, хотя, разумеется, не исключал возможности встретить значительные русские силы ближе к Утице.

Подавляющее большинство историков и военных писателей вполне оправдывали отказ Наполеона. Они обращали внимание, во-первых, на возможность отхода русских, если бы те увидели признаки стратегического обхода (Гурго, Коленкур, Фэн, Фезанзак, П. Хольцхаузен, А.В. Геруа, Д. Чандлер, К. Даффи, Р. Рьен, Нафziger); во-вторых, на опасность разделения французской армии на две части, совершенно отделенные одна от другой (причем сорокатысячный отряд двигался бы ночью через лес по малознакомой местности), что в случае ответных маневров противника могло бы закончиться весьма плачевно (Тьер, М. Кукель, Чандлер, Даффи); в-третьих, на то, что сказало вполне понятное нежелание

Император французов Наполеон I (1769-1821)

Маршал Л.Н. Даву (1770-1823)

Наполеона отдаляться от основной коммуникационной линии – Новой Смоленской дороги (Пеле справедливо пишет, что *«император не мог протянуть свой правый фланг, не отдалив его совершенно от дороги»*) (Пеле, Кукель); в-четвертых, на недостаточно удовлетворительное состояние французской артиллерии и кавалерии, что автоматически ограничивало возможность широкого маневра (Чандлер, Даффи); в-пятых, на то, что Наполеон высоко оценивал ожидаемое сопротивление русских, зная по своему опыту и на основе изучения истории военных кампаний, что русские могли оказывать сопротивление даже при разрыве коммуникационной линии (К. Клаузевиц, Чандлер). Сравнительно немногие авторы осуждали Наполеона за такое решение.³²

Но столь ли уж уверен был Наполеон в бессмысленности предложения Даву? Согласно рассказам, ходившим среди деятелей Первой империи, после слов Даву император обратился к государственному секретарю П.А. Дарю: *«Что Вы думаете?»* – спросил он. *«Сир, - ответил Дарю, - я полагаюсь на маршала Даву, так как из всего Вашего окружения он провёл рекогносцировку наиболее основательно»*.³³ И все же предложение Даву было отвергнуто. Наполеон решился на фронтальный бой, отказавшись от глубокого манёвра.

Среди перечня причин, которыми авторы обычно объясняют отказ императора от предложения Даву, главной, как правило, считают его боязнь отхода русских войск. Наполеон якобы испытал такое давление времени, ему столь срочно требовалась решительная победа, что он предпочёл наиболее кровопролитный и наименее эффективный вариант боя. Но ведь полководцу была прекрасно известна стойкость русских, хотя бы по Прейсиш-Эйлау, и, принимая в расчет соотношение сил, можно было предугадать, что избранный вариант сражения не принесет Великой армии полного успеха. Чисто военные причины, таким образом, вряд ли смогут объяснить решение Наполеона. Очевидно, что у императора все более обострялось состояние напряженности и неуверенности, столь нехарактерные для него ранее. Множество раз исчезавший призрак

русской армии, отказ Александра I от каких-либо переговоров, неимоверные лишения, которые уже испытала Великая армия, тревожные вести из Испании, под влиянием которых Наполеон был должен действовать не только как полководец, но и как государь, и, наконец, общая физическая усталость и болезни – все это не могло не сказаться на поступках военного гения. Обращает на себя внимание еще один момент, обычно ускользающий из поля зрения военных историков. На о.Св.Елены Наполеон заявил, что *«при Бородине Даву допустил ошибки»*.³⁴ Какие?! Ведь в итоге оказалось, что, передав две дивизии от Даву Богарне, Наполеон столь ослабил 1-й корпус, что тот не смог сходу взять «флеш», чем сразу был сбит темп действий французской армии. И в этом императору следовало винить прежде всего себя, а не кого-то другого. Отвергнув предложение Даву и приняв свой вариант боя, Наполеон, тем не менее, не обеспечил маршала должными силами для первого, и наиболее решающего, удара всего сражения. На это не мог не повлиять общий характер тех личных отношений, которые складывались между государем и маршалом в недели, непосредственно предшествовавшие Бородинскому сражению. Напомним, что 29 августа у Вязьмы произошла серьезная стычка между Мюратом и Даву. Последний прямо перед строем фактически выругал Мюрата и приказал пехоте 1-го армейского корпуса, которая должна была поддерживать авангард под командованием Неаполитанского короля, не подчиняться ему. Возмущению Наполеона, узнавшему об этом инциденте, не было предела: Даву не только забыл о дисциплине, но и нарушил принципы имперской иерархии, позволяя себе третировать зятя императора и короля.

Каков был основной замысел Наполеона в отношении предстоящего сражения? Значительная часть общих и частных приказов на сражение сохранилась,³⁵ и это дает возможность воссоздать общую картину планов императора, даже несмотря на то, что ясные положения инструкций распространялись только на начало сражения.³⁶

Маршал М. Ней (1769-1815)

Итак, 5 и 6 сентября центр ожидавшегося сражения оставался в районе Новой Московской дороги. Наполеон, хотя и осуществлял главный нажим на южный фланг русских, продолжал держать основные войска вдоль главной коммуникационной линии. В ночь на 7-е центр французской армии, а с ним и центр сражения, переместился южнее Новой Смоленской дороги – к Шевардинскому редуту, откуда французы намеревались атаковать русских на небольшом пространстве от северной кромки Утицкого леса до Курганной высоты. Таким образом, центр и правый фланг французской армии, опираясь на группировку Богарне (которая, как мы уже отметили вслед за Пеле, планировалась стать опорной точкой), должны были совершить захождение, оттесняя русских в мешок, созданный Москвой и Колочью, с возможным разрывом их коммуникационной линии где-то восточнее д. Татариново. Причем Наполеон, действуя на поле, разделенном Колочью на две неравные части, и имея силы, равные неприятельским, попытался использовать принцип «двойного сражения» (Чандлер): войска Богарне, первоначально обеспечивая только безопасность левого фланга и центральной коммуникации (с отвлекающей диверсией на с. Бородино), должны были, после успехов в центре и на правом фланге, захватить Курганную высоту, фактически становясь частью центральной группировки. Передача двух дивизий корпуса Даву, корпуса Груши и 12-й бригады легкой кавалерии К.Р. Гюйона в распоряжение Богарне с военной точки зрения определялась не только необходимостью обезопасить северный фланг от любых неожиданностей и необходимостью укрепления опорной точки для войск Нея и Даву, но также и стремлением использовать эти войска для успешного наступления южной группировки после захвата Семеновских укреплений. Действия войск Понятовского, предназначенных для диверсии в районе Старой Смоленской дороги и Утицкого леса, также должны были поддержать войска Даву в случае его успешных действий в районе «флешей».³⁷

Как должны были действовать войска центральной группировки, предназначенные для атаки «флешей» и

Дивизионный генерал Ж.Д. Компан (1769-1845)

д. Семеновское? Окончательный вариант определился только после того, как состоялась встреча Наполеона с командиром 5-й пехотной дивизии Ж.Д. Компаном.³⁸ Согласно Гурго, Наполеон вызвал Компана, чтобы объяснить ему задачу по атаке «редута, расположенного на нашем крайнем правом фланге». Генерал предложил провести свою дивизию по лесу, чтобы избежать потерь от картечи. Ней, который присутствовал при разговоре, стал уверять, что это может вызвать расстройство движения. Компан настаивал на своем, утверждая, что обследовал лес и установил, что он проходим. Наполеон согласился с мнением Компана. Тогда генерал поделился опасениями за свой правый фланг, обеспокоенный возможностью русской атаки между частями Понятовского и своей дивизией. Император разделил опасения Компана, распорядившись передвинуть дивизию Дессэ правее.³⁹

2-я пехотная дивизия Л. Фриана должна была оставаться в резерве в районе Шевардинского редута. 3-й и 8-й армейские корпуса должны были начать движение после удачных действий Компана, как бы вторым эшелонем (в приказах и в рапорте Нея направление атаки не указано, но, вероятно, исходя из обстановки, направление было на северную «флеш» и д. Семёновское). Успех пехотных частей предполагалось подкрепить введением в бой трех корпусов резервной кавалерии (1-го, 2-го и 4-го), а в случае необходимости – и частями Молодой гвардии. Наполеон особо отметил требование действовать «в порядке и методически, сохраняя по возможности войска в резерве». Причем резервы должны были быть не только значительными, но и достаточно сближенными с передовыми частями, а войска каждой дивизии следовало вводить в бой постепенно, по бригадно. Такой порядок давал Наполеону возможность, во-первых, избежать неожиданностей; во-вторых, сразу начать бой с большим напряжением; в-третьих, быстро развивать успех в любой точке прорыва русских позиций.

Особую роль должна была сыграть французская артиллерия. Согласно распоряжениям императора, ночью

Бруствер батареи генерала Фуше. Современная фотография

должно было быть сооружено два эполемента для артиллерии. Левая батарея должна была располагаться напротив д. Семёновское; там занимали позицию 16 тяжелых пушек и 8 гаубиц 3-го армейского корпуса под командованием генерала Л.Ф. Фуше. Правая батарея, построенная для 24 орудий гвардии, сооружалась напротив Багратионовых «флешей» (ее обычно называют батареей генерала Ж.Б. Сорбье). Обе батареи должны были вести огонь в направлении д. Семеновское и по укреплениям к югу от нее, а батарея Фуше должна была позже направить часть своих усилий и на Курганную высоту, обстреливая ее совместно с орудиями 4-го корпуса перекрестным огнем.⁴⁰ Все остальные орудия предполагалось использовать в составе мобильных батарей. Так, в общей диспозиции и в приказе войскам Даву было указано сформировать перед исходной позицией дивизии Компана батарею из 30 орудий под командованием генерала Пернети (16 орудий корпусного резерва и 14 орудий дивизионной артиллерии); к ней должны были примкнуть 8 батарейных орудий дивизии Фриана и Дессэ. Этим 38 орудиям было предписано вести огонь в тесном взаимодействии с 24 тяжелыми орудиями гвардии, соединив таким образом огонь 62 орудий.⁴¹ Точно также к батарее Фуше должна была примыкать оставшая артиллерия 3-го и 8-го корпусов.⁴² По мнению Фэна, общее количество орудий перед 3-м корпусом составляло 60. Таким образом, против Багратионовых «флешей», д. Семеновское и, частично, против Курганной высоты должно было сосредоточиться в первой линии 102 орудия.⁴³ К этому стоит добавить подвижные батареи, сформированные из орудий резервных кавалерийских корпусов.⁴⁴

До недавнего времени казалось, что тексты диспозиции и имеющихся приказов на сражение достаточ-

но ясно определяли реальное местоположение и состав французских батарей напротив Семёновских укреплений. Однако недавняя публикация воспоминаний генерала Пернети заставила А.И. Попова усомниться в точности соответствия реального положения дел тому, что было определено в диспозиции и приказах, а также заставила попытаться дать свои варианты разрешения возникших противоречий.⁴⁵ По его мнению, напротив Багратионовых «флешей» были созданы две стационарные батареи – Фуше (24 орудия) и из части орудий Сорбье (24 орудия) – и расположились три мобильных батареи: Пернети (30 орудий), дивизионного генерала Б. Балтю де Пуйи (10 орудий) и Сорбье (40 гаубиц гвардии). Причем, батарея Пернети (это определено следовало из его воспоминаний) изначально была прикрыта земляными укреплениями и располагалась непосредственно южнее от орудий Сорбье. Мы полностью согласны с Поповым в том, что материалы Пернети действительно еще раз ставят проблему несоответствия реальных обстоятельств боя официальным бумагам, и, прежде всего, приказам, отданным перед сражением. Однако у нас нет полной уверенности в необходимости сразу следовать за буквой воспоминаний генерала, которые писались, как полагает издатель, только в октябре 1840 г. Как следует из последнего отрывка, сам автор 29 октября 1840 г. попытался соотнести собственные воспоминания с мемуарами своего адъютанта капитана Море: что-то совпало, но что-то, видимо, согласовать оказалось трудно. Какие же все-таки уточнения (но не исправления) следует внести в картину, нарисованную на основе текстов диспозиции и приказов? 1. Батарея Пернети включала не 16 орудий корпусного резерва, а только 10; 6 пушек было взято из резерва 1-й пехотной дивизии; остальные 14 орудий были из резерва 2-й пе-

Дивизионный генерал Ж.М. Пернети (1766-1856)

хотной дивизии. 2. Батарея Пернети, возможно, в начале сражения действительно располагалась за земляным бруствером, находясь к югу от орудий Сорбье и примерно на одной линии с ними. 3. Общее количество орудий первой линии, сосредоточенных против Семёновских укреплений следует увеличить на 6 единиц (именно столько орудий было передано из резерва 1-й пехотной дивизии батарее Пернети).

По замыслу Наполеона, более сотни орудий, с самого начала действовавших по укреплениям первой линии левого фланга русских, должны были подавить или ослабить их сопротивление (особую роль здесь должны были сыграть гаубицы, ведущие огонь гранатами). Затем, по мере развития наступления и захождения правым флангом, особый урон неприятелю нанесли бы французские пушки, ведущие анфилирующий огонь ядрами по тесным русским порядкам, в том числе поражая и их тылы. Артиллерия не только должна была вести огонь с большим напряжением с самого начала, но и наращивать силу огня по мере вступления в бой менее дальнотойных орудий. При этом сохранение весомого резерва из числа гвардейских орудий давало возможность быстро реагировать на неожиданное изменение ситуации, в том числе для парирования контратак врага и для нанесения решающего удара.

Против линии русских, простиравшейся от Курганной высоты до северной кромки Утицкого леса, Наполеон сосредоточил около 80 тыс. человек (около 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии, включая штат артиллерии) и 382 орудия. Однако из этих цифр следует вычесть примерно 11,5 тыс. пехоты, 4 тыс. кавалерии, 2,5 тыс. артиллеристов и 85 орудий, входивших в состав (либо прикомандированных) императорской гвардии и представлявших своего рода главный резерв (мы исключили

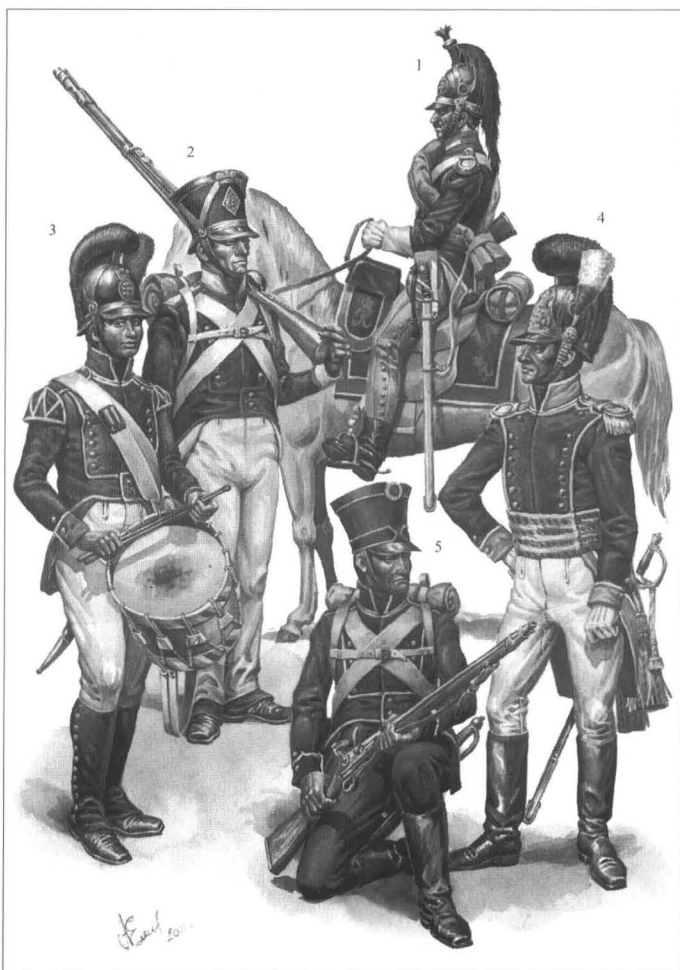
Дивизионный генерал Ж.Б. Сорбье (1762-1827)

из этих цифр 24 орудия гвардии и прислугу, с самого начала участвовавших в сражении).

У Понятовского было около 8,5 тыс. пехоты и примерно 1,5 тыс. кавалерии при 50 орудиях. У Богарне – около 33 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии при 146 орудиях.⁴⁶

Итак, первым эшелоном должны были пойти войска Даву. 5-й дивизии Компана и 4-й дивизии Дессэ предписывалось атакой из района Шевардинского редута взять русские укрепления на южном фланге. 2-я дивизия Фриана оставалась до поры до времени в резерве, предназначенная «исправлять ошибки» либо развивать успех правого крыла. Дивизии Компана и Дессэ, начав атаку Семёновских укреплений, должны были «зацепиться» за «флеш» и обеспечить упор для атаки севернее вторым эшелоном (3-м и 8-м корпусами). Этот массивный двойной удар поддерживался резервной кавалерией (1-м, 2-м и 4-м корпусами с приданной им кавалерией 1-го, 3-го и 8-го армейских корпусов) и огнем около 300 орудий, постепенно вводившихся в бой. Безопасность правого фланга атакующих войск обеспечивал 5-й корпус Понятовского, который, кроме того, должен был поворотом влево помочь атаке русских позиций в районе Семёновского оврага. Действия центральной группировки французских войск, выполненные «в порядке и методически», должны были опрокинуть южный фланг русской армии, что, в конечном итоге, предопределило бы её полное поражение. Как видим, многое зависело от того, насколько удачно войска Даву начнут бой. Это должно было предопределить дальнейшие действия всех остальных французских войск.

Численность и состояние дивизий Дессэ и Компана, а также Фриана внушали Наполеону надежды на их успешные действия. 5-я дивизия, которая должна была

А. Ежов. **Вюртембергский контингент в России.**

1. Шволежер 2-го полка. 2. Рядовой 6-го пехотного полка. 3. Барабанщик 2-го пехотного полка. 4. Офицер 4-го пехотного полка. 5. Рядовой 1-го лёгкого полка

начать бой за «флеш», насчитывала ко 2 сентября в строю 9.838 человек пехоты, 520 человек в артиллерии и 30 орудий. Она включала четыре полка (25, 57, 61 и 111-й линейные), каждый в составе пяти батальонов и одной артиллерийской роты, а также дивизионную артиллерию. Командовал дивизией 43-летний дивизионный генерал Ж.Д. Компан, снискавший славу «покорителя редутов». Накануне, 5 сентября, при штурме Шевардинского редута, 5-я дивизия понесла существенные потери примерно в 2 тыс. человек и потеряла несколько орудий.

4-я дивизия под командованием 48-летнего дивизионного генерала Ж.М. Дессэ, прозванного «савойским Баяром», во время переключки 2 сентября насчитывала 5.468 человек пехоты, 586 человек в артиллерии при 21 орудии (85-й и 108-й линейные полки пятибатальонного состава, две роты полковой артиллерии, а также дивизионную артиллерию). Два батальона Гессен-Дармштадского лейб-режима, входившие в 4-ю дивизию, 7 сентября не были в её составе, будучи откомандированными. В бою 5 сентября дивизия Дессэ не участвовала.

2-я пехотная дивизия под командованием 54-летнего дивизионного генерала Л. Фриана имела 2 сентября в 15-м легком, 33-м и 48-м линейных (все состояли из пяти батальонов и артиллерийской роты) и в двух батальонах испанского полка Жозефа-Наполеона (также имевших артиллерийскую роту) 6.896 человек пехоты, 418 человек в артиллерии при 26 орудиях (включая полковую и дивизионную артиллерию). В бою 5 сентября дивизия не пострадала.

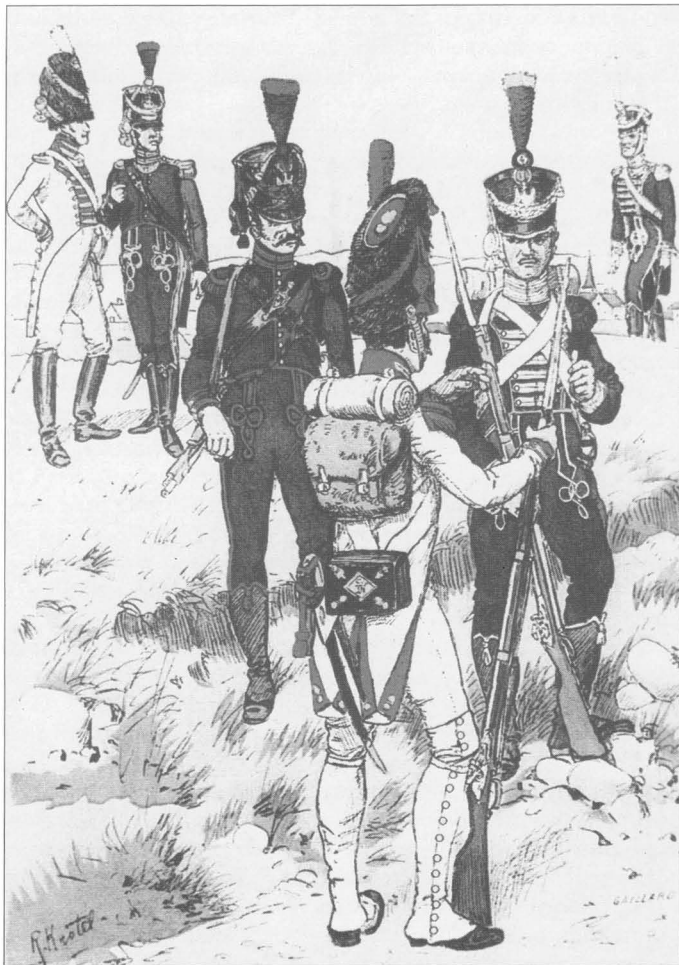
М. Борисов. **Португальский легион в России.**

Слева-направо: гренадер 2-го полка, пехотный офицер в сюртуке, офицер элитной роты конных егерей, рядовой центральной роты конных егерей

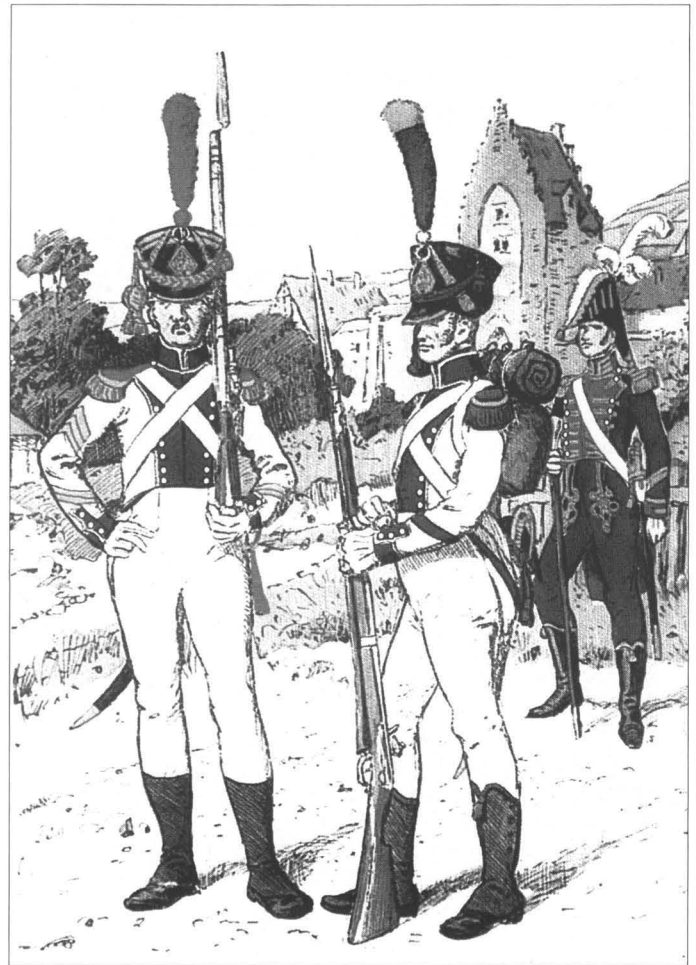
1-я и 3-я дивизии, как мы уже знаем, находились в распоряжении Богарне, а дивизия лёгкой кавалерии бригадного генерала Жирардена, также входившая в 1-й армейский корпус, была придана кавалерийскому резерву Мюрата. В целом в трёх пехотных дивизиях Даву, оказавшихся против Семёновских укреплений, насчитывалось примерно 20 тыс. пехоты и 1,5 тыс. артиллеристов при 80 орудиях (условно считая, что 5 сентября было потеряны 3 пушки, а в батарею Пернети было передано из 1-й пехотной дивизии 6 орудий).⁴⁷

Командовал тремя дивизиями 42-летний маршал Луи Николя Даву, принц Экмюльский.

Вторым эшелонам должны были нанести удар севернее войска 43-летнего маршала Мишеля Нея, герцога Эльхингенского. Помимо 3-го армейского корпуса, на день сражения под его командование был передан и 8-й (вестфальский) корпус, командир которого дивизионный генерал Ж.А. Жюно, герцог д'Абрантес, всё более терял доверие как Наполеона, так и своих собственных солдат. 10-я пехотная дивизия, которую планировалось разместить в голове 3-го корпуса, насчитывала на 2 сентября в составе двух батальонов 24-го лёгкого, двух батальонов 1-го пехотного полка Португальского легиона, двух батальонов 46-го линейного, двух батальонов 72-го линейного 3.593 человека при 14 орудиях. Ею командовал дивизионный генерал Ф. Ледрю. 11-я пехотная дивизия под командованием дивизионного генерала Ж.Н. Разу включала два батальона 2-го пехотного полка Португальского легиона, два батальона 4-го, два батальона 18-го и два батальона 93-го линейных общей численностью 4.546 человек при 14 орудиях. 25-я

Р. Кнётель. **Вестфальская гвардейская пехота, 1812 г.**
Слева-направо: офицер гвардейских гренадер, офицер егерей-карабинеров, егерь-карабинер, гвардейский гренадер, гвардейский егерь, офицер гвардейских егерей

Р. Кнётель. **Вестфальская линейная пехота, 1812 г.**
Слева-направо: старший сержант гренадер, капрал вольтижёр, тамбур-мажор

вюртембергская дивизия, также входившая в 3-й армейский корпус, имела сразу двух начальников: помимо вюртембержца дивизионного генерала И.Г. Шелера, император назначил командиром ещё и француза дивизионного генерала Ж.Г. Маршана, который должен был «контролировать» действия первого! Но по устной договорённости между ними, Маршан реально не вмешивался в командование войсками, тем более что к началу сентября три бригады 25-й дивизии, вследствие больших потерь, были свернуты в три временных батальона. Общая численность была в 1.518 человек при 16 орудиях.

8-й армейский корпус состоял из 23-й пехотной дивизии (дивизионный генерал Ж.В. Тарро) в составе 3-го лёгкого батальона, двух батальонов 2-го и двух батальонов 6-го линейного полка, 2-го лёгкого батальона, двух батальонов 3-го линейного полка и трёх батальонов 7-го линейного полка; 24-й пехотной дивизии (дивизионный генерал А.Л. Окс) в составе 1-го батальона гвардейских гренадер, 1-го батальона гвардейских егерей, 1-го батальона егерей-карабинеров, 1-го лёгкого батальона и 5-го линейного полка. Всего в 23-й пехотной дивизии было 5.579 человек при 16 орудиях, в 24-й – 2.074 человека при 12 орудиях.⁴⁸

Кавалерия 1-го, 3-го и 8-го армейских корпусов была придана резервной кавалерии Мюрата. 1-й, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, совместно с четырьмя отдельными бригадами лёгкой кавалерии, должны были поддерживать войска Даву и Нея. Численность 1-го кавалерийского корпуса (дивизионный генерал Э.М. Нансути) была 4.999 человек при 25 орудиях, а в придан-

ной ему лёгкой кавалерийской дивизии корпуса Даву (1-я и 2-я бригады лёгкой кавалерии) – 1.078 человек. Численность 2-го кавалерийского корпуса (дивизионный генерал Л.П. Монбрён) составляла 5.300 человек при 29 орудиях. В кавалерии 8-го армейского корпуса, прикомандированной ко 2-му кавалерийскому корпусу, было 974 человека при 2 орудиях. В кавалерии 3-го пехотного корпуса (9-я и 14-я бригады лёгкой кавалерии), также приданной 2-му кавалерийскому корпусу, – 1.903 человека при 6 орудиях. Численность 4-го кавалерийского корпуса (дивизионный генерал М.В.Н. Латур-Мобур) была примерно в 3.600 человек при 24 орудиях.⁴⁹

В целом общая численность кавалерийской группировки составляла 17.854 человека и 86 орудий.

Какими силами располагали русские войска в районе Семёновских укреплений? В каждой из «флешей» разместились по одному батальону 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора М.С. Воронцова; оставшиеся 8 батальонов той же дивизии построились позади в одну линию. Далее в линию батальонных колонн разместилась 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского (10 ослабленных батальонов; Неверовский писал, что накануне при Шевардине он «вошел в сражение с 6 тыс., а вышел с тремя»). Трудно абсолютно точно установить место расположения 27-й дивизии – либо сразу за батальонами Воронцова, либо несколько северо-восточнее «флешей» перед развилкой Семёновского оврага.

Южную «флешь» заняли 12 орудий 32-й батареей роты (подполковник Ф.И. Белингаузен), северную – 7

орудий 11-й батарейной роты и восточную – 5 орудий той же 11-й батарейной роты. В боевых порядках 2-й сводно-гренадерской дивизии разместились 1-я конная рота Донской артиллерии и 4 орудия 21-й легкой роты, в порядках дивизии Неверовского – 3-я батарейная рота.

В д. Семёновское и восточнее располагалась 2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Карла Мекленбургского (12 батальонов), составив резерв 2-й Западной армии; в небольшом укреплении, построенном на северо-западной окраине деревни, стали 6 орудий 1-й батарейной роты, а на южной окраине – 31-я батарейная рота. Правее 2-й гренадерской дивизии построился 4-й кавалерийский корпус генерал-майора К.К. Сиверса (32 эскадрона), имея при себе 8-ю конную роту; перед ними – 12-я пехотная дивизия генерал-майора И.В. Васильчикова (всего 8 батальонов, но 4 батальона *«было взято»*); юго-восточнее деревни – 2-я кирасирская дивизия генерал-майора И.М. Дука (20 эскадронов). Наконец, у д. Псарёво пребывал крупный артиллерийский резерв, насчитывавший 80 орудий. Лес и кустарники, которые росли на западной стороне в низовьях Семёновского оврага, заняли 6-й, 49-й и 50-й егерские полки (6 батальонов), вдоль ручья Каменка вплоть до Утицкого леса – 42-й, 5-й и 41-й егерские полки (6 батальонов). В Утицком лесу занял позицию отряд генерал-майора И.Л. Шаховского в составе 20-го, 21-го егерских и двух сводно-гренадерских батальонов 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына (всего 6 батальонов). Таким образом, в районе Семеновских укреплений русские сосредоточили 92 орудия (52 у «флешей» и 42 в районе д. Семёновское), не считая 80 орудий резерва. Численность живой силы в районе «флешей» и д. Семеновское составила 33 батальона и 20 эскадронов (с учётом потерь 5 сентября — примерно 15,8 тыс. человек пехоты и 2,5 тыс. кавалерии). В трёх егерских отрядах (18 батальонов) было примерно 9 тыс. человек. Позднее подошли три полка 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Н.М. Бороздина (12 эскадронов), дивизия Коновницына (7 батальонов). В район д. Семёновское выдвинулись сводно-гренадерская бригада полковника Н.Р. Кантакузена (4 батальона в составе 12 рот), части гвардейской дивизии под командованием генерал-майора Г.В. Розена (12 батальонов). В бою также приняли участие полки 4-й пехотной дивизии генерал-майора принца Евгения Вюртембергского (8 батальонов) и части 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора Ф.К. Корфа (24 эскадрона). Таким образом, принимая во внимание потери 5 сентября и без учета Таврического гренадерского, Брестского и Рязанского пехотных полков (6 батальонов), принявших позже участие в бою за Утицкий лес (всего 3,5 тыс. человек), а также штата артиллерии, получается, что в конечном итоге в бою за «флешу» и д. Семёновское приняли участие примерно 40 тыс. пехоты и чуть больше 11 тыс. кавалерии при 236 орудиях. Впрочем, число орудий, подсчитанных А.П. Ларионовым, может быть оспорено в сторону уменьшения.⁵⁰

Баграгионовы «флешу» (реально флешью можно назвать только восточное укрепление; северное и южное были люнетами) начали сооружаться еще с 4 сентября. Но из-за слабости грунта и недостатка сапёрных инструментов работы затянулись и не были в полной мере закончены: наружный ров был недостаточно глубоким и широким, волчьих ям перед укреплениями, вероятно, тоже не соорудили, наличие рогаток спорно.⁵¹ *«Баграгионовы шанцы сам видел. Так, дрянь, и шанцами стыдно назвать»*, — вспоминал унтер-офицер Тихонов. *«Ров мелкий, в колено, амбразуры до земли, и лезть через них ловко, и каждого солдата внутри видно».*⁵² У се-

веро-западной окраины деревни также было сооружено небольшое укрепление. Дома д. Семёновское, которых насчитывалось до ста, были разобраны; оставлены только два или три дома.⁵³

Основные перемещения французских войск на позиции, определенные диспозициями, произошли в ночь с 6-го на 7-е. Но это не значит, что 6 сентября все части и соединения Наполеона провели без движения на тех местах, которые они занимали с вечера 5 сентября. Во-первых, значительно вперед продвинулись 3-й и 8-й армейские корпуса. К полудню 6-го подошёл к Шевардинскому редуту и расположился к западу от него 3-й армейский корпус. 10-я пехотная дивизия, по-видимому, примыкала правым флангом к редуту, к северу от нее были 11-я и 25-я дивизии (трудно сказать, как именно они располагались – то ли вытянувшись к северу последовательно 11-я, а затем 25-я, то ли только 11-я, стремясь примыкать левым флангом к войскам Жерара и Морана, а 25-я – в тылу 10-й и 11-й). К вечеру за войсками 3-го корпуса встали вестфальцы Жюно – 23-я и 24-я пехотные дивизии, располагавшиеся, вероятно, друг за другом.⁵⁴

Подошёл к главным силам и 4-й корпус резервной кавалерии – он расположился так же, как 1-й и 2-й, – к юго-западу от редута. К вечеру показалась 2-я дивизия лёгкой кавалерии К.П. Пажоля. Постояв некоторое время на Большой дороге где-то перед д. Валуево, она получила приказ присоединиться к корпусу Монбрёна, который бивакировал вблизи д. Доронино.⁵⁵ Три дивизии Даву, стоявшие рядом с Шевардинским редутом, оставались там весь день 6-го, но приняла своими рядами вправо и сгруппировались (Ле Руа), а к вечеру продвинулись вперед (Гардые). 3-я пехотная дивизия М.Э. Жерара, переданная из корпуса Даву Богарне, вероятно, готовилась переправиться на левый берег Колочи с тем, чтобы встать позади войск Ш.А. Морана (1-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса, также переданной Богарне).⁵⁶

Совершала ли какие-либо передвижения 6 сентября императорская гвардия? Так, майор Ж.Ю. Булар из пешей артиллерии Старой гвардии утверждал, что вечером 6-го гвардия перешла Колочь и передвинулась к редуту. Орудия самого Булара (он был под командой начальника пешей артиллерии Молодой гвардии А. Друо) *«разместились между маленьким лесом и этим редутом».*⁵⁷ Судя по воспоминаниям Брандта, Легион Вислы также бивакировал в ночь с 6-го на 7-е возле Шевардинского редута. И все же, представляется, что гвардия, по крайней мере, её большая часть, провела день 6-го возле Валуево и перешла Колочь только ночью.⁵⁸

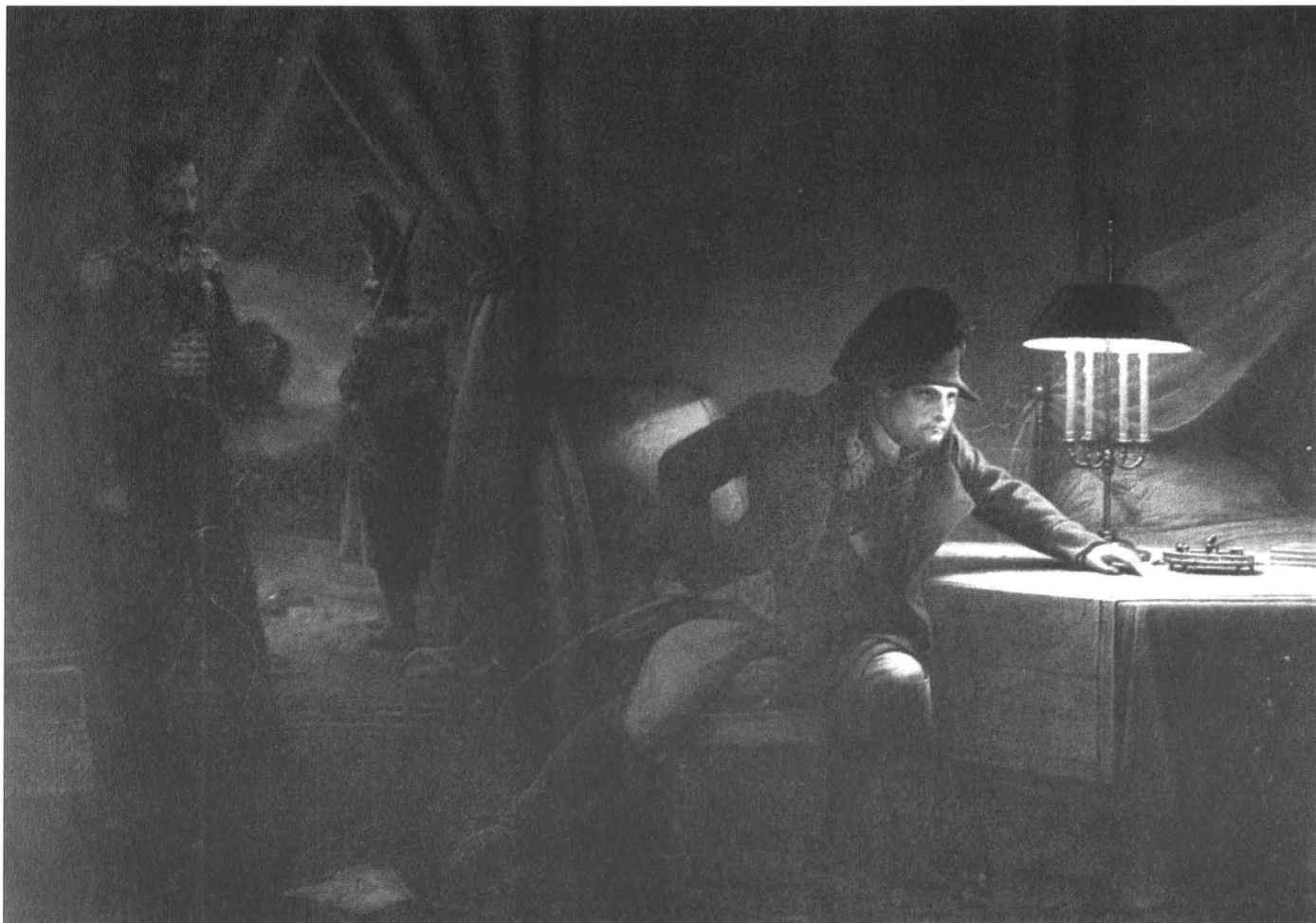
Некоторые передвижения совершались на северном фланге, в расположении вице-короля.⁵⁹ Наконец, 6 сентября ближе к полю сражения удалось подтянуть артиллерийские парки. Что же касается 5-го армейского корпуса, то достоверных данных о его передвижениях найти не удалось.

День 6 сентября не был отмечен активными боевыми действиями.⁶⁰ Но перестрелки были, и по временам очень интенсивные. Так, во второй половине дня разгорелся стрелковый бой между застрельщиками дивизии Морана и русскими егерями в оврагах и перелесках перед Бородиным.

Нечто более серьезное происходило на крайнем южном фланге. Утром и вечером 6 сентября в районе Утицкого леса активно действовали польские застрельщики. Они, вероятно, вели бой не по собственной инициативе (в отличие от солдат Морана), а по распоряжению командования. Их целью было, во-первых, оттеснить русских стрелков как можно дальше в лес, «выиграв» некоторое пространство, а во-вторых, произвести разведку

А. Ежов. Егерь 2-го егерского батальона
(Вюртемберг), 1812 г.

К. Штайбен. **Наполеон в палатке ночью.** 1846 г.

боем в районе Старой Смоленской дороги. Этот участок фронта оставался для французов большой загадкой. Полякам действительно удалось оттеснить русских, что позволило Даву, Понятовскому и Фриану, а возможно, и Компану, даже проехать по лесу некоторое расстояние. Но обширность леса и сопротивление русских солдат (в разное время в этом бою участвовали не только русские егеря, но и солдаты Смоленского пехотного и сводно-гренадерской дивизии М.С. Воронцова) не дали возможности французскому командованию получить ясное представление о расположении русских войск на этом участке.⁶¹

Можно предположить, что действия поляков, наряду с передвижением при свете дня французских войск к югу от Новой Смоленской дороги, сослужили Наполеону плохую службу. Русское командование, уже ранее обеспокоенное давлением неприятеля в районе Старой Смоленской дороги и его передвижениями напротив Семёновских укреплений, расположило в районе Утицы 3-й корпус Тучкова. Это сорвало замысел императора совершить обход «флешей» корпусом Понятовского.⁶²

К вечеру 6 сентября Наполеон почувствовал себя очень уставшим. Только на две рекогносцировки у императора ушло около 11 часов; большую часть этого времени он был на лошади (утром на Эмбели, во второй половине дня – на Эмире). Не могла не сказаться и тревожная ночь с 5-го на 6-е, когда Наполеон спал не более трёх часов в палатке, сгорая от нетерпения перед долгожданной битвой и опасаясь того, что русские могут снова уйти. Погода была плохой – дул порывистый ветер, временами шёл холодный дождь. Наполеон простыл, все ранее дремавшие болезни дали о себе знать. В письме Марии-Луизе он сообщает: *«Мой добрый друг. Я очень устал. Боссе доставил мне портрет Короля. Это*

*шедевр. Я очень ценю Твою добрую заботу. Он [Римский король на портрете] прекрасен, как Ты. Я напишу Тебе более подробно завтра. Я очень устал. Прощай, моя дорогая. Наполеон, 6 сентября».*⁶³

Поздно вечером Наполеон закончил отдачу приказов войскам на следующий день. Как мы уже знаем, все приказы касались только начала сражения. Дальнейшие приказания должны были отдаваться императором в зависимости от хода событий. Таким образом, предполагалось, что все нити управления боем 7 сентября будут находиться в руках Наполеона, а командиры корпусов смогут проявить только частную инициативу. К ночи Наполеон получил несколько часов беспокойного отдыха. Но подремать на походной кровати удалось недолго – не более двух часов. Наполеона охватило лихорадочное волнение, сухой кашель и сильная жажда, продолжались приступы затрудненного мочеиспускания. Наполеон нервно ожидал наступления утра, то посылая дежурного проверить, не ушли ли русские, то – один раз – выходил из палатки сам.⁶⁴

Ночью с 6 на 7 сентября шёл легкий дождь (Брандт, Бургонь). Утром было *«холодно, туманно и тихо»* (Дюмонсо). *«Было ясно, но очень холодно»* (Буржуа). *«Хотя был сентябрь, - отмечал 18-й бюллетень, - было так же холодно, как в декабре в Моравии».*⁶⁵ Когда взошло солнце, войска увидели, что по всему полю расстилается густой туман.⁶⁶

Между половиной третьего и тремя часами утра Наполеон сел на коня по имени Люцифер и в полной темноте поехал к Шевардинскому редуту (Брандт и Бургонь уверяют, что видели его тем утром, едущим в темноте). Он был болен, мучимый насморком и сильной головной болью. Сопровождаемый дежурными эскадронами, он прибыл к редуту. Большая часть офицеров штаба при-

соединилась перед рассветом – в начале шестого. Дождаясь восхода солнца возле редута, император отдавал приказы и наблюдал за передвижениями войск.

Под утро, в темноте, французская армия пришла в движение. Войска должны были занять обозначенные в приказах позиции к 5 утра. Согласно «Дорожному дневнику» Коленкура, передвижение войск началось в 3.30.⁶⁷ Но многие части были подняты раньше – в 2 утра. Дюмонсо, например, подробно описывает, как, вместе со всей гвардией, шло передвижение 2-го полка гвардейских шволежеров-улан: они были подняты в 2 утра, «без сигнала, с советом избежать какого-либо шума», сразу сели на лошадей. Как и другие гвардейские части (по крайней мере, гвардейской кавалерии), красные уланы двинулись «в направлении правого фланга», спустились в овраг, пересекли Колоочь по мостам и остановились в плотной массе перед обширным свободным пространством, прикрытым эполементами. Сзади гвардейской кавалерии подошла и выстроилась Старая гвардия.⁶⁸

Выдвижение резервной кавалерии, как и корпусов Нея (3-го и 8-го) произошло, вероятно, в районе четырёх утра.⁶⁹ Приблизительно в то же время заняли свои позиции три дивизии корпуса Даву. Уже в 2 часа утра Даву собрал у подножия Шевардинского редута командиров своих дивизий, генерала Пернети и командира инженеров бригадного генерала Ф.Н. Аксо. После чего солдаты 1-го корпуса были подняты, построены и двинулись на исходные позиции. За передвижениями войск Даву внимательно наблюдал император.⁷⁰

Согласно приказу императора, который без изменений был продублирован Даву своему начальнику штаба бригадному генералу Ж.Л. Ромёфу, Компан должен был построиться побригадно впереди и по правую руку от захваченного накануне редута. В приказе говорилось, что дивизия должна была иметь впереди себя 16 орудий из артиллерийского резерва 1-го корпуса и 14 орудий, «принадлежащих этой дивизии». Направление движения было указано в общей диспозиции – вдоль леса.⁷¹ Дополнительные материалы позволяют представить расположение и построение 5-й дивизии более подробно. Дивизия стала в густой «сдвоенной дивизионной колонне сразу справа от позиции большой орудийной батареи» (полагаем, что батареи Пернети). Вся дивизия должна была двигаться по опушке леса, перейти ручей Каменку, а затем уже углубиться в лес, подступавший к южному русскому люнету. Дивизия образовала две колонны: левую – из 57-го и 111-го полков, с 57-м во главе, правую – из 61-го и 25-го во главе с 61-м. Правая предназначалась для того, чтобы отбросить многочисленных русских егерей и обезопасить левую колонну от неожиданного удара из глубины леса. Левая колонна должна была осуществить захват южной «флеши». Как уже отмечалось выше, в батарее Пернети 6 орудий были из 1-й пехотной дивизии и, соответственно, 6 орудий 5-й пехотной дивизии находились в порядках последней. Что же касается расположения батареи Пернети, то она, принимая в расчет воспоминания ее начальника, могла размещаться в эполементах севернее пехоты 5-й дивизии. Её изначально прикрывали два батальона полка Жозефа-Наполеона, а затем 2-й и 3-й батальоны 111-го линейного.⁷²

О дивизии Дессэ в приказе императора было сказано, чтобы она расположилась «таким же образом», как и 5-я — между редутом и лесом, с 14-ю своими орудиями на левом фланге. Однако во время беседы Наполеона с Компаном было решено разместить войска Дессэ правее 5-й дивизии. На основе этого французский историк Ж. Тири помещает Дессэ правее войск Компана.⁷³ Так ли это было в действительности? В приказе, продиктованном Даву Ромёфу, говорилось: «Дивизия

Дивизионный генерал Ж.М. Дессэ (1764-1834)

Дессэ разместится тем же образом (как и 5-я дивизия. – В.З.) в то же время, побригадно, и разместится на одной линии с редутом». В приказе для самой 4-й дивизии, в передаче адъютанта Дессэ капитана Жиро де л'Эна, было сказано, что Дессэ должен опираться правым флангом на лес, а левым – выдвинуться к редуту. Дивизия должна была поддержать движение 5-й и двигаться также по лесу. Тест, упоминая расположение войск Дессэ, просто отмечает, что эта дивизия разместилась «впереди от редута, упираясь крылом в него». Пеле писал, что Дессэ идет следом за Компаном. Наконец, сам Компан утверждал, что Дессэ расположился в резерве позади 5-й дивизии.⁷⁴ Таким образом, нет оснований утверждать, что утром 7 сентября войска Дессэ были развернуты правее 5-й дивизии; скорее всего, они стояли сразу за Компаном, на близком от него расстоянии. Два батальона 85-го линейного были оставлены при батарее Сорбье.⁷⁵

Войска Фриана, согласно приказу императора, должны были построиться побригадно и «на одной высоте с редутом». «Исторический рапорт 48-го линейного полка» утверждает, что на рассвете 7 сентября 2-я дивизия покинула позицию, которую она занимала с позднего вечера 5-го числа, «чтобы следовать за движением 1-го корпуса. Она растянулась по кромке большого леса». О том же пишет и Тест. Но, в отличие от Компана и Дессэ, войска Фриана действительно были примерно на одной высоте с Шевардинским редутом. Их левый фланг был рядом с этим укреплением. Поэтому в «Журнале дивизии Фриана» было сказано, что дивизия получила «приказ находится у редута в центре, который она занимала». Пеле считал, что дивизия Фриана была расположена сзади Дессэ и несколько к северу.⁷⁶ Оба батальона полка Жозефа-Наполеона, входившие в дивизию

А. Ежов. *Рота 7-го полка пешей артиллерии в сражении при Бородино, 7 сентября 1812 г.* Две роты, 9-я и 16-я, 7-го полка пешей артиллерии входили в состав «мобильных батарей» Ж.М. Пернетти и Б.Г. Балтю де Пуйи

Фриана, как мы уже знаем, «прикрывали батареи генерала Балтю (бригадный генерал Б.Г. Балтю де Пуйи был помощником Пернетти – В.З.), который вёл огонь по крайнему левому флангу правой линии неприятеля».⁷⁷

Точное расположение войск Нея к началу сражения определить еще более сложно. В инструкциях для 1-го корпуса местоположение Нея обозначено так: он должен был построить свои дивизии побригадно позади Шевардинского редута, имея артиллерию на левом фланге. За тремя дивизиями 3-го корпуса должны были построиться побригадно две дивизии 8-го с артиллерией на левом фланге.⁷⁸ В своем рапорте Ней пишет: «6-го 3-й корпус так же, как и 8-й, занимал высоту в тылу этого Шевардинского редута... Инструкции, которые Ваше величество адресовали мне 7-го утром, определили, что с 3-м корпусом и 8-м, который император отдал под мое командование, я занимаю центр сражения, поддерживая моим правым флангом 1-й корпус, а левым – 4-й».⁷⁹ По словам Теста, расположение 3-го корпуса даже покрывало д. Алексинки.⁸⁰ Однако следует обратить внимание на то, что на французской карте Пресса, Шеврие и Ренью, составленной, как известно, на основе инструментальной съемки сразу после сражения, часть строений д. Шевардино обозначена как д. Алексинки. В условиях полного отсутствия местного населения французы могли неверно идентифицировать местоположение и названия некоторых населенных пунктов. Но даже если Тест имел в виду Шевардино, а не Алексинки, смещение центра 3-го корпуса к северу от редута очевидно. Вопрос только в том, каким было это смещение. Конечно, исходя из указанного Нею направления атаки, было бы логичным расположить его корпуса западнее Шевардина с неболь-

шим смещением к северу. Тем более, что на упомянутой карте ясно просматриваются три моста, наведенные для перехода через овраги в районе Шевардина.

Полагаем, что к 6 утра, когда началось сражение, дивизии 3-го корпуса несколько сгруппировались к центру, а затем, когда в 7 часов началось их движение вперед, они оказались развернутыми побригадно: справа – 10-я дивизия, слева – 11-я; 25-я, вероятно, — в центре и немного сзади. Дивизии 8-го корпуса, также побригадно, были позади 3-го корпуса – вначале 23-я, затем – 24-я.

Пожалуй, позже всех были подняты поляки 5-го корпуса – в 4 часа утра – и в 5 часов начали движение с целью выхода на Старую Смоленскую дорогу.⁸¹

Большие трудности при выдвигании на позиции возникли у артиллерии. Капитан А.О.Ф. Пьон де Лош, командир артиллерийской батареи Старой гвардии (находился под командованием майора Булара, но 6 сентября был передан в подчинение Друо), повествует о своих злоключениях той ночью. Эпизод этот столь показателен, что мы перескажем его подробно. Офицер штаба, вероятно, еще 6 сентября, определил для батареи позицию, которую та должна была занять к утру 7-го. На рассвете, в клубах пыли и во мгле, Пьон де Лош, ведя батарею, попытался найти указанное штабным офицером место и, как полагал, нашёл его верно. Неожиданно перед ним возникла фигура самого императора. «Что здесь за артиллерия?» – спросил он. «Резервная батарея корпуса его превосходительства маршала герцога Тревизского (маршала А.Э. Мортье. – В.З.). – «Почему вы здесь?» – «Ординарец Вашего величества приказал двигаться в расположение резерва пешей артиллерии гвардии». – «Это <...> дурак. Я и так имею здесь достаточно

артиллерии. *Возвращайтесь к вашему корпусу.* Пьон де Лош, развернув батарею, двинулся с ней в тыл искать артиллерию Мортье, думая про себя, как легко было Наполеону отдать такой приказ и как тяжело этот приказ выполнить. Через полчаса марша Пьон де Лош все же увидел маршала Мортье и объяснил ему, что он был послан назад самим императором. *«Кто отдал вам приказ выдвинуться?»* - спросил Мортье. *«Ординарец, говоривший от имени императора».* - *«Эти <...> дураки всегда говорят от его имени!»* - закричал Мортье. - *«Слышано ли, чтобы корпус лишился своей резервной артиллерии перед сражением?»* Мортье запретил Пьон де Лошу выполнять чьи-либо приказы прежде, чем он сам, Мортье, не подтвердит их. Но путаница продолжалась. А.Д. Лальман, начальник штаба гвардейской резервной артиллерии, который оказался поблизости, спросил Пьон де Лоша, не видел ли тот батареи генерала Дево (бригадный генерал Ж.Ж. Дево де Сент-Морис командовал гвардейской резервной конной артиллерией). Пьон де Лош ответил, что не видел. *«Если где-либо увидите, то скажите, что я ищущего»*, - приказал Лальман. *«А где генерал Сорбье?»* - крикнул Пьон де Лош вслед удалявшемуся Лальману, но тот уже умчался и не расслышал вопроса.⁸²

Рядом с Шевардинским редутом расположилась императорская гвардия: 3-я пехотная дивизия Кюриала Старой гвардии - сразу за Шевардинским редутом, имея впереди себя на правом фланге 2-ю пехотную дивизию Роге (из Молодой гвардии). Влево от солдат Кюриала - значительная часть гвардейской артиллерии, еще левее - гвардейская кавалерия, первую линию которой, вероятно, составляли гвардейские уланы (1-й и 2-й полки), конные егеря и драгуны; вторую - конные гренадеры и элитные жандармы. Четыре дежурных эскадрона гвардейской кавалерии находились отдельно, готовые сопровождать императора. Легион Вислы, что следует из воспоминаний Брандта и работы Пеле, был северо-восточнее от Старой гвардии (возможно, на одной линии со 2-й пехотной дивизией), впереди гвардейской кавалерии.⁸³

Три корпуса резервной кавалерии Мюрата утром 7 сентября заняли обширное пространство к юго-западу от Шевардинского редута, разместившись по бригадам в полковых эскадронных колоннах: справа - 1-й, затем 2-й и 4-й. Кавалерия Нансути имела задачу поддержать пехоту Даву, Монбрёна - корпуса Нея, 4-й корпус (Латур-Мобура) находился *«в резерве центра, и должен был поддержать кого-либо в случае необходимости»* (Мюрата). По словам Шамбрэ, войска Монбрёна предназначались для овладения Семеновским оврагом. В порядках 2-го кавалерийского корпуса располагалась кавалерия Х.Г. Хаммерштайна 8-го вестфальского корпуса.⁸⁴

В четверть шестого начало всходить солнце. С земли поднимался густой туман, небо было ясным, предвещая теплый и хороший день. *«Сегодня немного холодно, - сказал император, обращаясь к свите, - но всходит прекрасное солнце. Это солнце Аустерлица».* Все наперебой ответили, что это счастливое предзнаменование.⁸⁵ Наполеон покинул подножие Шевардинского редута и вместе с Даву, Бертье и Коленкурром проехал немного вперед, к кромке небольшого оврага. Между половиной шестого и шестью со всех сторон затрубили трубы и затрещали барабаны, раздались клики *«Да здравствует император!»* - войскам читалась прокламация Наполеона.

Войска Компана и Дессэ, построенные возле Утицкого леса, должны были двинуться в бой первыми. Прокламация императора эти солдаты восприняли по-разному. Одни, как адъютант Дессэ Жиро де л'Эн, вспомнили о ней с энтузиазмом, другие, те, кто должен был пойти в первых рядах на русские укрепления (генерал

Офицер гвардейской конной артиллерии в парадной форме

Тест, капитан 111-го линейного Гардье, су-лейтенант 57-го Дютейе де Ламот, старший сержант 111-го линейного Фоссен), отзывались о ней более сдержанно. *«Едва прочли это воззвание, как неприятельские ядра стали уже ложиться среди наших рядов»*, - вспоминал Фоссен. Еще более любопытную запись сделал в своем журнале Гардье: *«Мы заходим в лес, который находится на нашем правом фланге и в котором на минуту остаемся, чтобы прочесть прокламацию (которую я не запомнил)».*⁸⁶ Возможно, что для войск 5-й дивизии прокламация действительно была прочитана немного позже - когда они уже оказались в лесу.

Около 6 утра по местному времени раздался первый выстрел. Возможно он прогремел с батареи Сорбье. Затем выстрелила пара орудий с французских батарей севернее - Фуше и 4-го корпуса. Через несколько минут ответила русская артиллерия в виде нескольких одиночных выстрелов. Одним из первых был убит капитан Пантинье, командир батареи, прикомандированной к бригаде генерала Ж.П. Фридрикса дивизии Дессэ, когда 4-я дивизия только начала движение.⁸⁷ Потом на некоторое время орудия стихли. Оказалось, что французские укрепленные батареи были расположены слишком далеко от русских позиций.⁸⁸ Это было вызвано ошибкой в оценке дальности до противника, так как разметка эполементов происходила вечером 6-го, когда уже быстро стало темнеть, а сами укрепления сооружались ночью (о том, что строительство шло именно ночью, свидетельствует рапорт Нея, работы Шамбрэ, Сегюра, Пеле и мемуары Пернети).

Как только началась канонада, вперед на Семеновские укрепления двинулись войска маршала Даву.

2. Жаркая борьба за «редуты»

Итак, войска Компана и Дессэ пошли вперед. Даву наблюдал за ними, расположившись возле батареи Сорбье. Благополучно пройдя расстояние до Каменского оврага и преодолев его,⁸⁹ Компан углубился в лес. Здесь движение несколько замедлилось, и порядок строя стал нарушаться, особенно правой колонны из 61-го и 25-го полков, которая оказалась в глубине леса. В один момент Компану показалось, что направление движения было потеряно, но грохот орудий впереди и слева рассеял все сомнения. Чем дальше продвигались солдаты Компана, тем ожесточеннее становился огонь русских стрелков, ведущих огонь, казалось, со всех сторон.

Ближе к опушке леса вел свой 57-й полк 47-летний Ж.А. Шарьер, за день до того произведенный в бригадные генералы (впрочем, формальное производство состоялось только 21 сентября). Поняв по звуку орудийной пальбы, что 57-й скоро выйдет на уровень русского укрепления, которым надо было овладеть, Шарьер решил провести полк несколько дальше по лесу и охватить люнет с фланга. Этот маневр удался. Два батальона – 1-й и 2-й – сделали четверть поворота направо с тем, чтобы отогнать наседавших из леса егерей и обезопасить тыл, в то время как 3-й, 4-й и 6-й батальоны, зайдя правым крылом вперед, изменили направление движения влево и стали двигаться к «редуту». Выйдя на самую опушку леса, батальоны 57-го были встречены сильным огнем русских орудий.⁹⁰ Как только французские колонны, гласит рапорт начальника артиллерии русской 2-й Западной армии К.Ф. Левенштерна, «приблизились на настоящую дистанцию, то выстрелы были обращены на оные. Действие с наших батареями было ужасно. Колонны заметно уменьшались, несмотря на подкрепления, одно за другим следующие».⁹¹ Компан, следующий со своим штабом рядом с идущими в атаку батальонами, был ранен картечной пулей в правое плечо и уведён вглубь леса. Вечером, вспоминая произошедшее с ним в половине 7-го или около 7 утра, генерал считал, что, уже раненный, он видел, как его солдаты бросились на русский «редут».⁹² Примерно так же описывал в своем письме из Москвы те минуты Шарьер: «Мой полк предпринял атаку, чтобы захватить редут, на котором было двенадцать 12-фунтовых пушек. Тотчас же, как я прибыл на место, которое лежало перед редутом, я командовал "à la redoute" и "à ras de charge", и полчаса спустя я был хозяином редута».⁹³

Эти полчаса вобрали в себя для тех, кто участвовал в штурме, очень многое! Но только позже эти люди смогли начать припоминать и воспроизводить то, что же именно произошло. Одним из этих немногих был генерал Тест, раненный вскоре после захвата укрепления. Он утверждал, что в момент ранения Компана и позже движение войск замедлилось, и атака приостановилась.⁹⁴ Но вскоре, минут через 10, когда батальоны, оттесненные в лес, оправившись, они снова пошли вперед. Слева их поддержала артиллерия Пернети, которая уже развернулась метрах в трехстах от «редута» и стала интенсивно его обстреливать. Генерал Тест, шедший во главе 57-го, отдал приказ о штурме люнета.

21-летний Дютейе де Ламот, бывший в составе своей 6-й роты 6-го батальона, шёл с крайнего левого фланга полка и оказался дальше всех от «редута». Вдруг сквозь грохот пальбы он услышал: «На редут, марш на редут!» Скорым шагом он, вместе с несколькими офицерами

Бригадный генерал Ф.А. Тест (1775-1862)

батальона и с двумястами-тремястами солдатами, устремился на укрепление.⁹⁵ Но первым ворвался туда, по видимому, майор Луи Шарль Жаже во главе 3-го и 4-го батальонов. Атаку 57-го поддержал 1-й батальон 111-го полка.⁹⁶

Когда французы оказались на бруствере, русские орудия с люнета были уже свезены («Стремления неприятеля на батарею были таковы, что она принуждена отступить», - писал Левенштерн), но некоторые солдаты из гренадерского прикрытия все еще пытались защищаться. Они «были перебиты и переранены» (Тест). Дютейе де Ламот и его товарищи из 6-го батальона уже не застали схватку в самом «редуте» и устремились далее, преследуя отходивших русских, по его словам, метров двести. Молодому лейтенанту, увлеченному пылом боя и первыми успехами, казалось, что его маленький отряд, поддержанный другими батальонами 57-го, вполне мог опрокинуть вторую линию русских войск, и пехоту и кавалерию, которые угрожающе концентрировались «в ложине» (возле ответвления Семёновского оврага). Майор Жаже, увидев горсть солдат 6-го батальона, бесцельно топтавшихся в полутора сотнях метров от укрепления, приказал им возвратиться. Однако разгоряченный Дютейе де Ламот и его товарищи пытались убедить офицера, передавшего им приказ, что, дескать, достаточно небольшого подкрепления, и они опрокинут русских. «Поддержите нас другими войсками!» — кричали они. Однако русские пули и картечь, убившие нескольких французов из этого небольшого отряда, заставили его быстро возвратиться в «редут».⁹⁷

Вид на позиции французской армии с южной «флеши»

В то время как три батальона 57-го полка при поддержке батальона 111-го штурмовали *«редут»*, остальные части 5-й дивизии были заняты перестрелкой в лесу. Генерал П.Ж. Гюйардэ провёл свой 61-й полк, прикрывая движение 57-го, несколько далее высоты русского *«редута»*. Как только он был уведомлен, что 57-й вошел в *«редут»*, Гюйардэ отделил две роты вольтижеров для дебуширования кромки леса впереди взятого укрепления, где сконцентрировалось множество русских стрелков и где, казалось, подготавливали атаку две сильные неприятельские колонны, поддержанные артиллерией и многочисленной кавалерией. Вслед за двумя вольтижерскими ротами, вперёд двинулись 61-й и 25-й полки. Гюйардэ надеялся, полностью овладев кромкой леса, помочь в обороне *«редута»*.

Продолжали топтаться в лесу, ведя бой с егерями, и два батальона 57-го полка, и часть 111-го (5-й и 6-й батальоны). 2-й и 3-й батальоны 111-го полка вскоре были отделены для защиты орудий Пернети.⁹⁸

Дивизия Дессэ двигалась сразу вслед за войсками Компана. Когда она оказалась в лесу, то, согласно ранее полученному приказу, вступила в бой с русскими стрелками, двигаясь вглубь леса так, чтобы прикрыть 5-ю дивизию справа.⁹⁹ Сразу после ранения Компана Дессэ помчался к опушке леса, а затем к люнету, сопровождаемый тремя офицерами – своими адъютантами капитанами дю Бурже, Жиро де л'Эном и Маркьяном (Marquiant), адъютантом генерала Ж. Брейсана.¹⁰⁰ Дессэ принял командование обеими дивизиями в то время, когда 57-й уже утвердился на *«редуте»*. 4-й диви-

зией временно стал командовать бригадный генерал Фридрикс, а 5-й, согласно рапорту Компана, генерал Тест.¹⁰¹

Взятию русского *«редута»* активно способствовала французская артиллерия. Выдвинувшись из эполементов, она оказалась недалеко от Каменского оврага: батарея Пернети рядом с кромкой оврага возле опушки леса, батарея Сорбье – северо-западнее (*«Орудия генерала Сорбье, оставшиеся позади и немного выше, бесположили канониров»*, – заметит позже Пернети), а батарея Фуше – севернее Сорбье, видимо, примерно на одном уровне с ним. Когда войска Компана только начали атаку южной «флеши», маршал Даву, наблюдая с батареи Сорбье за движением корпуса и видя некоторое замешательство, галопом помчался к своим войскам. Но шквал огня опрокинул его лошадь и поразил его самого. Картечная пуля попала в один из пистолетов, находившихся в ольстрах, и ствол пистолета сильно ударил маршала в пах. Одновременно осколок, также ударившийся в седельные кобуры, контузил седока в правое бедро.¹⁰²

Первое сообщение о ранении Даву император получил от офицера, посланного Сорбье, либо самого Сорбье, который видел, как маршал вместе с лошадью был опрокинут и скрылся в туче дыма и пыли. Не было ясно, жив ли Даву или мёртв. Моментом позже императору сообщили, что лошадь принца Экмюльского убита, но сам маршал только легко ранен. Наполеон сказал с чувством: *«Слава Богу!»* Он приказал Мюрату немедленно отправиться к Даву и принять от него командова-

ние, если принц выбыл из строя. Генерал-адъютанту Ж. Раппу был дан приказ заменить выбывшего Компана.¹⁰³ Мюрат немедленно поскакал туда, где вели бой солдаты 1-го корпуса. Даву уже немного оправился от контузий. Пыл боя заставил забыть о боли внизу живота и в бедре. «Его голова была обнажена, одежда в лохмотьях и грязи», — писал об этих минутах биограф Даву. Таким он и предстал перед Мюратом, когда последний передавал ему слова императора. Даву решительно не хотел передавать командование Мюрату, утверждая, что его контузии не вызвали беспорядка в войсках и он готов продолжать руководство боем.¹⁰⁴ Даву тем более не хотел уступить командование Неаполитанскому королю, помня, как они соперничали и конфликтовали в последнее время. Благородный Мюрат решил не настаивать и спешно поскакал назад сообщить императору о том, что увидел.

В тот момент, когда Дессэ, приняв командование над обеими дивизиями, оказался на захваченном люнете, русские начали готовиться к контратаке. Недалеко, в лощине, стала концентрироваться русская пехота (гренадеры Воронцова и, возможно, солдаты 27-й дивизии). Сопровождавший Дессэ Жиро де л'Эн позже вспоминал, какое впечатление произвела на него защищаемая 57-м полком позиция: «Эти редуты были простые реданы... в форме шеврона, не закрытые у входа, так что неприятель со вторых позиций ружейными и картечными залпами выметал всех, кто находился внутри них. Удержаться в них было значительно труднее, чем овладеть. Поэтому солдат 5-й дивизии поместили за этими редутами и в складах окружающей местности, стараясь в ожидании атаки, по возможности, укрыть их от неприятельского огня». Жиро де л'Эн находился рядом с генералом Дессэ, который изучал, не слезая с лошади, позиции и движение русских, оставаясь несколько минут совершенно открытым. Вдруг пуля попала в ольстры его седла и разбила бутылку с водкой, которая там была. Генерал с досадой воскликнул, обернувшись к Жиро де л'Эну: «Этим я обязан вашей проклятой белой лошади».¹⁰⁵

Все защитники «редута» с большим беспокойством наблюдали концентрацию русских войск для контрудара. Мало того, что Шарьер должен был оставить часть 57-го в самом лесу, он потерял связь с 61-м. Зная, что 61-й полк должен быть на правом фланге 57-го, Шарьер, тем не менее, не мог понять, где же тот реально находится и придет ли ему на помощь. «Я не сомневался», — писал Шарьер в рапорте, — что неприятель добивается выбить нас силами, которые я видел на ближайших редутах с того, который занимал. Таким образом, становилось важным взять другие редуты, чтобы сохранить тот, который был взят».¹⁰⁶

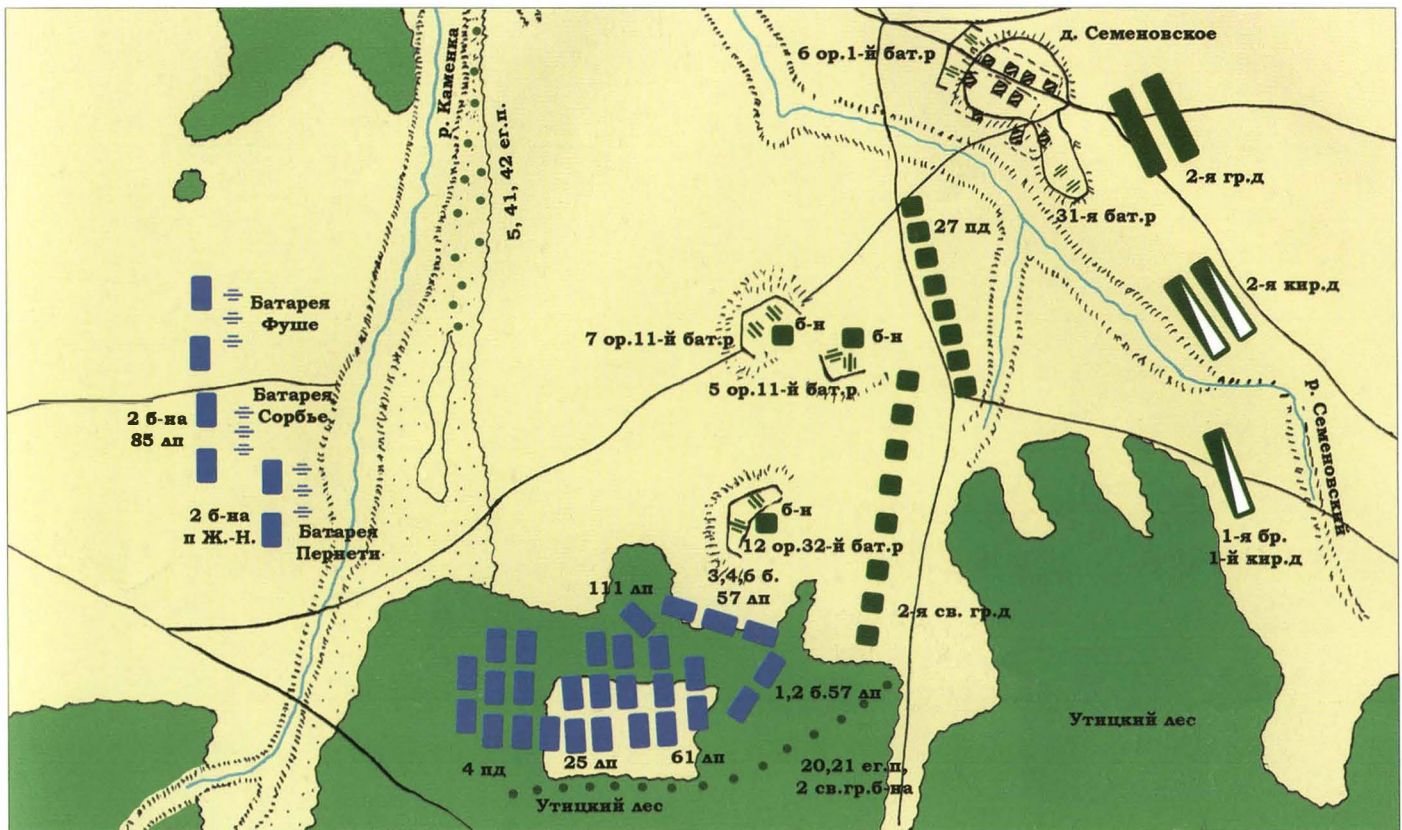
Огонь русских нарастал. Горсть картечи ударила генерала Теста в правую руку и раздробила её. В тот же миг его адъютант лейтенант Л. Мушон упал возле ног своего начальника, поражённый картечью в грудь. Тест, превозмогая боль и пытаясь остановить кровь, которая залила ему весь рукав, еще некоторое время командовал солдатами 57-го. Словно в тумане, он видел, как французы пытались отбить идущие на них русские батальоны. Но через несколько минут он потерял сознание из-за большой потери крови. Сержант Болье (он выживет в русскую кампанию и позже выйдет в отставку лейтенантом) и один из барабанщиков 57-го стащили генерала в ров люнета, а оттуда солдаты вынесли его из боя и доставили в гвардейский амбуланс. Меньше повезло адъютанту генерала Мушону, который умер на месте; оказавшийся рядом Дютейе де Ламот, убдившись в его смерти, стянул с его ног сапоги и здесь же, несмотря на русский огонь, обул их, бросив

рядом жалкие остатки своих сапог. Чуть позже будет смертельно ранен майор Жаже. Всё тот же Дютейе де Ламот напишет о его смерти с сожалением, вспоминая, как тот обещал ему награждение крестом Почетного легиона.¹⁰⁷

Смогли ли солдаты Даву удержать южную «флешь»? Русские материалы свидетельствуют, что южная «флешь» множество раз переходила из рук в руки, по крайней мере, так их принято трактовать в отечественной литературе. Однако при внимательном их прочтении все же возникают многочисленные вопросы. «Видя, что один из редутов на моем левом фланге потерян, — вспоминал Воронцов, — я взял батальон 2-й гренадерской дивизии и повёл его в штыки, чтобы вернуть обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра... Два редута потеряны и снова отбиты обратно». (Какие именно «редуты» — северный и восточный либо южный и северный?). Неверовский писал: «Граф Воронцов с дивизией своею поставлен был защищать батарею, но множеством неприятеля был сбит и сам Воронцов ранен. Я был послан с дивизией подкрепить его и вошел в жестокий огонь, несколько раз дивизия и я вместе ходили в штыки». Из рапорта К.Ф. Левенштерна (где речь идёт одновременно об 11-й и 32-й батарейных ротах) так же не ясно, смогла ли 32-я батарейная рота Белингаузе-на, оставив южную «флешь», возвратиться в нее либо просто продолжала огонь, находясь вне укрепления. Из воспоминаний Коновницына не понятно, завершилась ли его атака, которая была уже между 8 и 9 часами, захватом всех «флешей» либо только северной и восточной. В дневнике начальника штаба 2-й армии генерал-майора Э.П. Сен-При тоже не уточняется, отбил ли Коновницын все три «флешы», хотя по смыслу документа можно подумать, что это именно так.¹⁰⁸

Чрезвычайно противоречивы и зарубежные свидетельства боя за «флешы». В рапорте Мюрата говорится об оставлении французами «второго редута». По словам Раппа, дивизия Компана «овладела одним из укреплений вражеских позиций», другие войска — остальными, но позже «мы очистили два из этих укреплений; даже третье было в затруднительном положении. Русские стояли уже на гребне рвов». Зукков из 25-й пехотной дивизии 3-го корпуса, появившийся в южном люнете уже ближе к полудню, утверждал со слов тех однополчан, которые еще застали бой: «Этот редут был взят и отобран множество раз». В рапорте Нея говорится, что 57-й оставил захваченный люнет, но атаковал его снова совместно с солдатами 3-го корпуса. Пеле утверждал, что «реданты взяты первыми войсками, которые, в свою очередь, были выгнаны. Быв поддержаны, они снова занимают укрепления». Шамбрэ уверяет, что «полк дивизии Компана бросился на редан, ближайший к лесу, и захватил его; но не смог сохранить».¹⁰⁹

Вероятно, разговоры о том, что вся слава захвата Багратионовых «флешей» принадлежит войскам Нея, но не солдатам Даву, начались уже в день сражения. Еще не закончился бой, когда дивизионный генерал Маршан, командир вюртембергской пехоты, заявил одному из ординарцев Наполеона: «Сообщите императору, что укрепления, которые покинуты 57-м и 72-м полками, освобождены солдатами Вюртемберга». Лейтенант Зукков также передает заявление Маршана со слов своих однополчан: «Скажите императору, что вюртембергцы продолжают удерживать редут, который перед тем два французских полка захватили, но вынуждены были затем отступить, и которые (вюртембергцы — В.З.), в этих обстоятельствах, предотвратили пленение Неаполитанского короля».

Расположение русских войск в районе Семёновских укреплений. Продвижение Французских войск, выход 57-го полка линейной пехоты на рубеж атаки (6.30-6.45 утра) 7 сентября 1812 г.

Генерал-лейтенант Шелер, командир вюртембержцев, в своем рапорте, составленном сразу после сражения, смог в максимально выгодном для своих солдат свете изобразить их участие в борьбе за «флеш». ¹¹⁰ Поэтому не случайно, что Шаррьер, составляя рапорт, попытался защитить честь своего полка. Он писал, *«что несколько человек заявляют, будто, дескать, полк не захватил ни одного редута. Я... подтверждаю, как уже сказал выше, что мой полк ни разу не оставлял редута и что в течение трех четвертей часа, после того как полк утвердился там, не было видно никаких других войск»*. ¹¹¹ В то же время Дютейе де Ламот, хотя и утверждает, что *«многочисленные последовательные штурмы были отбиты»*, признаёт, что русским удалось *«проникнуть в редут»*. ¹¹² Попытаемся соотнести между собой все достоверные свидетельства и реконструировать картину боя, насколько это возможно.

До 7 часов утра войска маршала Нея находились на исходной позиции и не получали приказа идти вперёд. Наполеон ждал, когда солдаты Даву возьмут *«русские редуты»*. Для французов, вюртембержцев и вестфальцев, составлявших основу войск Нея, это было тревожное ожидание. *«Полное молчание царило в рядах, – вспоминал командир 18-го линейного Пельпор. – Каждый из нас предавался своим воспоминаниям и своим чувствам. Не бывает сильного духа в подобной ситуации; даже фанфароны не искали ничего, кроме забвения»*. ¹¹³

Когда солдат 3-го и даже 8-го корпусов стали достигать неприятельские ядра и появились первые жертвы, напряжение заметно возросло. Деревня Шевардино, лежавшая справа от войск Нея, горела. Орудийная канонада заглушала ружейную трескотню. Трудно было разглядеть что-либо определённое, но было ясно, что основные события развернулись прямо и правее от 3-го корпуса, где войска Даву атаковали русские укрепления. В этой напряженной атмосфере, когда все ожидали приказа двинуться в огонь, к капитану Ф. Мор-

генштерну из 2-го полка линейной пехоты 8-го корпуса подошел старший сержант его роты, послуживший уже в армиях Гессен-Касселя, Пруссии, Австрии, и достаточно повидавший на своем веку. Желая немного разогнать гнетущую атмосферу, а заодно подшутить над своими солдатами и офицером, он предложил Моргенштерну провести эксперимент. По приказу капитана солдаты роты высунули языки. Они все оказались белыми, как вестфальская униформа! Сержант объяснил, что это верный признак страха у тех, кто впервые готовится идти в огонь. Тогда Моргенштерн потребовал, чтобы сержант показал свой язык, что последний немедленно и сделал с большим удовольствием. Язык был ярко-красным, *«как лобстер»*. *«А вы, капитан? – сказал сержант. «Это останется моим секретом», – ответил Моргенштерн. «Тест» с языком немедленно был проведен и в соседних ротах, где языки у солдат также оказались совершенно белыми»*. ¹¹⁴

Иначе отвлекал себя от тревожных мыслей подполковник 3-го вестфальского полка линейной пехоты Ф.В. Лоссберг. За утро, сидя в седле, он успел написать карандашом три письма на родину! ¹¹⁵

Дабы вселить в солдат Нея уверенность, им сообщили, что *«многочисленные укрепления и редуты, построенные русскими»* были уже взяты штурмом. ¹¹⁶

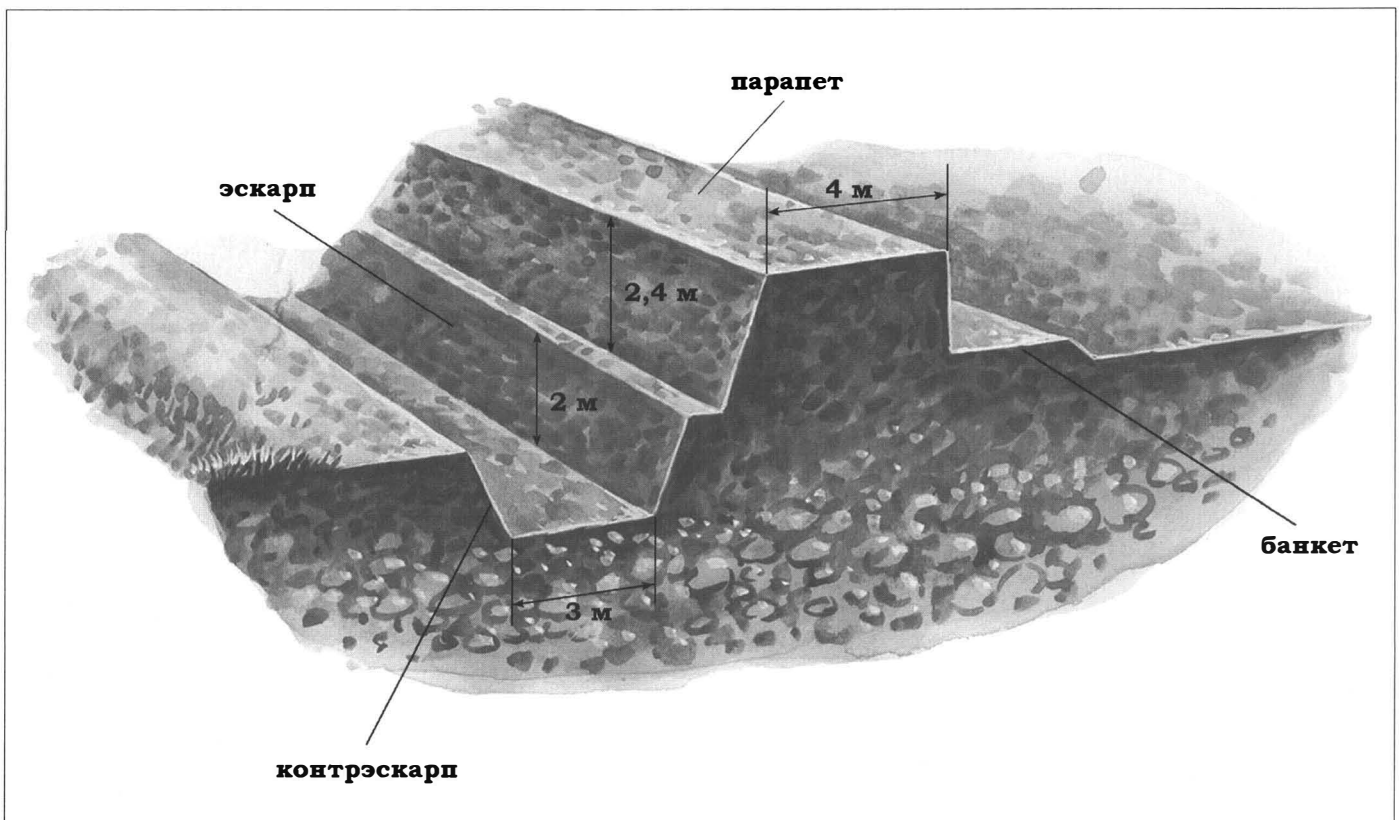
Примерно в одно время с тем, как Наполеон узнал о контузии Даву, или чуть раньше император приказал генерал-адъютанту Ж. Мутону двинуть в атаку корпуса Нея. ¹¹⁷

Большая часть источников свидетельствует, что этот приказ Нея получил около 7 утра. Однако не совсем ясно, с какого пункта 3-й и 8-й корпуса начали движение вперед (либо из района Шевардино, где они могли расположиться за небольшим оврагом к западу и чуть

Стр. 26-27. А. Ежов. Атака 3-го, 4-го и 6-го батальонов 57-го полка линейной пехоты на южную «флеш», утром 7 сентября 1812 г. ►

Багратионова «флеш» в разрезе

севернее деревни, либо из района чуть южнее Алексинок, либо же из пункта юго-западнее Алексинок за Чубаровским ручьем).¹¹⁸ Кроме того, из рапорта Нея и воспоминаний Зуккова можно понять, что маршал после получения приказа не только вновь собрал генералов для отдачи последних инструкций, но ещё и задержал войска у кромки поля для прочтения прокламации императора (хотя из других материалов явствует, что прокламация была зачитана около 6 утра).¹¹⁹

«Едва мы сделали несколько сот шагов, — вспоминал лейтенант Зукков из 25-й дивизии, — как оказались под действием ожесточённой канонады, которая велась из редутов и батарей, размещённых в их интервалах. Мы предполагали, что третий корпус должен был атаковать эти редуты, чьи орудия извергали смерть в наши ряды, с целью их захвата; но мы еще не получили приказов маршала Нея на этот счет. Наши потери были бы безусловно намного меньшими во время марша с целью сближения, если бы этот марш был более или менее быстрым. Казалось, что маршал хотел сделать попытку, которая не имела каких бы то ни было шансов на успех: он старался с помощью маневра добиться того, чтобы русские оставили свои позиции. Но мы ошиблись в отношении их намерений».¹²⁰

Иначе всё происходившее представлялось командиру 18-го линейного Пельпору. По его мнению, Ней двинулся «на противника, выдерживая направление на пространство между Семёновской и большой батареей (Курганной высотой – В.З.), в которую упирался левый фланг Баркляя де Толли. Это движение было выполнено как в полном порядке, так и с быстротой».¹²¹

Но то, что виделось лейтенанту так, а полковнику иначе, совсем по-другому воспринималось штабными офицерами, генералами, маршалом Неем и самим На-

полеоном. Войска Нея должны были не просто выдержать то направление, которое изначально предполагалось для их движения, то есть между д. Семёновское и батареей Раевского, но и помочь войскам Даву, которые увязли у южной «флеш».

Кто же стал инициатором изменения первоначального плана движения войск Нея, которые неожиданно бросились вправо? В свое время Сегюр высказал мнение, что это был результат импровизации самого Нея. Гурго немедленно выступил с опровержением, заявив, что Ней только исполнял приказ, данный ему императором. Пеле, вступивший в полемику чуть позже, поддержал позицию Сегюра. В наше время А.И. Попов вновь поднял этот, казалось бы, частный вопрос, разделив точку зрения Сегюра и Пеле.¹²² И все же, на наш взгляд, творцом изменения задуманного Наполеоном плана сражения мог быть в равной степени как темпераментный рыжеволосый Ней, так и выглядевший 7 сентября достаточно апатичным Наполеон. То, что приказ Нею на движение вперед поступил тогда, когда надо было «исправлять» ситуацию, может быть истолковано в пользу Гурго, полагавшего, что маршал действовал в соответствии с указаниями Наполеона. Но приказ императора не мог не быть сформулирован только в самой общей форме – двигаться вперед, оказав поддержку Даву в захвате «редутов», а Ней уже на месте (скорее всего, когда уже вышел на уровень ручья Каменка) должен был принять конкретное решение, что он и сделал.

Как бы то ни было, вероятно, где-то около 7.30 утра соединения Нея оказались в районе Каменки; затем 10-я дивизия Ледрю бросается вправо к южной «флеш», тогда как солдаты Разу из 11-й дивизии продолжают двигаться на северный люнет.

Пока 3-й и 8-й корпуса выходили на рубеж атаки, части 57-го продолжали оборонять захваченный «редут». Однако устоять они не смогли и под давлением Воронцова и Неверовского начали медленно отходить. Русская кавалерия (Ахтырский гусарский и Новорос-

Стр. 28-29. А.Ю. Аверьянов. Бой за Семёновские флешы. Контратака 2-й гренадерской дивизии. Музей-панорама «Бородинская битва»

Генерал-майор И.М. Дука (1768-1830)

сийский драгунский, а по Д.П. Бутурлину, и Литовский уланский), пытаясь довершить поражение неприятеля, была встречена бригадами лёгкой кавалерии П. Мурье и Ф.О. Бёрманна. Завязался скоротечный кавалерийский бой.¹²³ К этому времени недалеко от южной «флеши» оказались войска Нея, и Шарьер, как он писал сам, «ад-ресовался» к генералу Ледрю «для того, чтобы он принял на себя часть вражеских войск». «Я также сказал ему, — продолжал Шарьер, — что мой полк не имеет патронов, чтобы сохранить занятый редут, если не будут направлены свежие войска. Господин генерал приказал тотчас же нескольким ротам войти в редут».¹²⁴ Из рапорта 57-го полка может сложиться впечатление, что полк, обратившись за помощью к Ледрю, не покинул южный люнет. Но рапорт Нея, как и некоторые другие материалы, это опровергают. «Этот редут был в то же время атакован войсками 1-го корпуса, так что 24-й пехотный лёгкий и 57-й линейный вошли туда вперемешку».¹²⁵

В то время как французская пехота вновь захватывала люнет, пошли в атаку вюртембергские кавалеристы Бёрманна; но под ударами русской пехоты и кирасир Дука они бросились назад. Русские кирасиры, преследуя всадников 2-го вюртембергского лейб-шволежерского полка, оказались даже в самом люнете. Солдаты 57-го линейного и, возможно, 24-го лёгкого, еще не успевшие закрепиться, стали отходить. Тогда генерал Шелер приказал своей пехоте немедленно захватить укрепление, что и было исполнено вюртембергской легкой пехотой и 2-м временным линейным батальоном. Ворвавшиеся в люнет вюртембергцы увидели, что там все еще продолжается бой между их шволежерами и русскими кирасирами; последние были отогнаны штыками, а частью пленены.¹²⁶

Судя по рапорту Шелера, 57-й полк в люнет уже не возвратился. Вместо него там водворился 72-й линейный дивизии Ледрю и 1-й вюртембергский временный батальон; вместе со вновь подошедшим 2-м временным батальоном и 3-м, стоявшим рядом, а также 3-м бата-

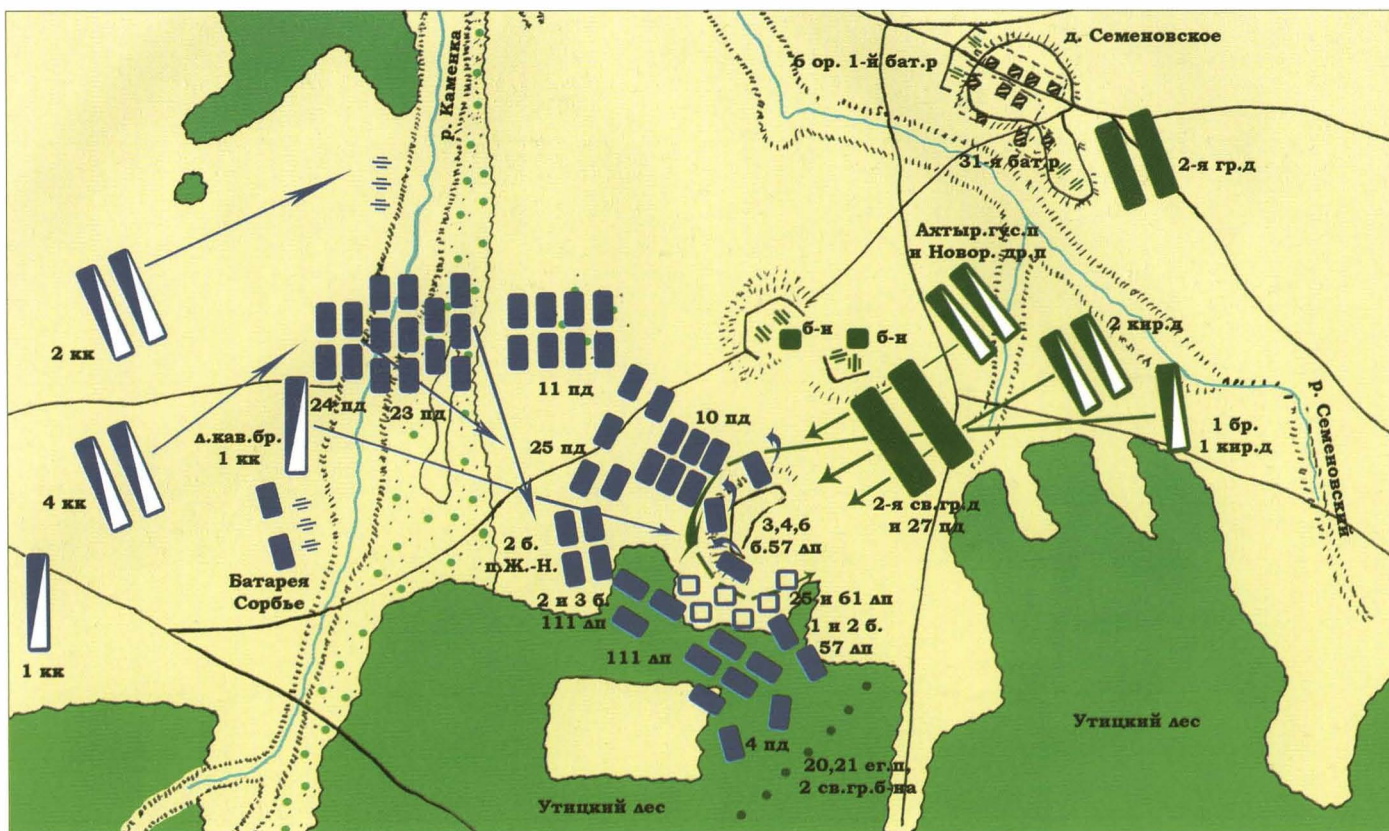

Полковник П. Пельпор (1773-1855)

льоном 7-го линейного вестфальского полка они отбивали последующие атаки русской пехоты и кавалерии.¹²⁷ Южная «флеш», хотя и была еще не один раз атакована, более уже не покидалась немецкими войсками.

Как в это время развивалась борьба за северное и восточное укрепления? «Дивизия Ледрю, — вспоминал Пельпор, — которая была на правом фланге 3-го корпуса, подойдя вначале к зарослям высокого кустарника, свернула затем вправо для того, чтобы соединиться с войсками Даву, задействованными преимущественно для атаки Семеновского; но дивизия Разу маршировала прямо вперед. Прибыв на плато, которое было ей указано, она завладела двумя вражескими батареями; но они вскоре были отняты русскими, которые были прогнаны в свою очередь. Эта часть поля битвы, довольно небольшая, оспаривалась с невообразимым упорством. Сегодня уже невозможно вспомнить с точностью различные обстоятельства происходившего там боя».¹²⁸

Однако капитан Г. Бонне из 4-го батальона того же 18-го линейного, делавший записи в своем журнале сразу же по следам событий, оставил нам более подробную картину: «10-я дивизия вступила в сражение и двигалась вперед, мы оказались перед фронтом позиции противника... движением вправо мы бросились вперед через мелкий кустарник и очутились, несмотря на многочисленные выстрелы орудий, перед первым редутом, который был взят войсками, шедшими в голове (определенно, той же дивизии. — В.З.). Полк двинулся тогда ко второму (т.е. к восточной «флеши» — В.З.), четыре батальона или развёрнутыми в боевую линию, один за другим, и он легко был взят тремя первыми [батальонами] вместе с четырьмя орудиями, которые оказались подбитыми; на половине пути от первого ко второму редуту командан Фурнье был ранен, и я принял командование батальоном, который я свернул в колонну, справа у рта взятого полком редута; у меня было знамя, и я ожидал момента действовать. Полковник (известный нам Пельпор — В.З.) подошел пешком, мы обсудили ситуацию, и я попросил разре-

Расположение французских и русских войск в районе Семёновских укреплений (около 8 часов утра) 7 сентября 1812 г.

шить мне отправить знамя на ту позицию полка, которая была у 1-го редута и в поле видимости лесной поросли в нашем тылу; это было разрешено. Через 5 минут стрелки неприятеля появились в большом числе немного слева и большой колонной справа, я развернул мой батальон и двинулся вправо на колонну; без стрельбы; она отошла; выполняя это движение, мы оказались подставленными под огонь орудий, которые были перед деревней, о которой я говорил, под который я попал и который проделал в линии батальона своего рода зубчатую стену; тем не менее мы все еще двигались, когда наконец оказались на краю оврага, который нас отделял от высоты деревни, мы вышли к другой колонне, которая угрожающе двигалась, и двигалась неспешно. Нога 4-го батальона ничего не оставалось, как сделать поворот, и мы медленно ретировались, стреляя по этой колонне, и мы возвратились к редуту; это место, будучи открытым с этого бока, не годилось для обороны; русские вынудили нас бежать и захватили [редут], остаток батальона быстро был эвакуирован; я вспрыгнул на парашют последним, в момент, когда русские, казалось, схватили меня за сюртук, но я перескочил через ров одним прыжком, и они сделали по мне 20 ружейных выстрелов, почти в упор, но не задев мне ничего, кроме кивера; мы ретировались вплоть до кустов, которые были перед первым редутом. Русские кирасиры нас неожиданно атаковали, отбросив нас от этого редута; мы были оттеснены к лесной поросли, и я никогда не забуду испуганного вида обозного солдата, впрягавшего зарядный ящик орудия, ведущего огонь, который, получив удар саблей по спине от этих кирасиров, обернулся посмотреть, кто ему так неожиданно дал подзатыльник. Когда он увидел и понял, что это русский, он нырнул с головой между двумя своими лошадьми без каких-либо дополнительных просьб. Эти различные атаки стоили полку много народу, и так как он был рассеян в стрелки, и даже не знаю, где

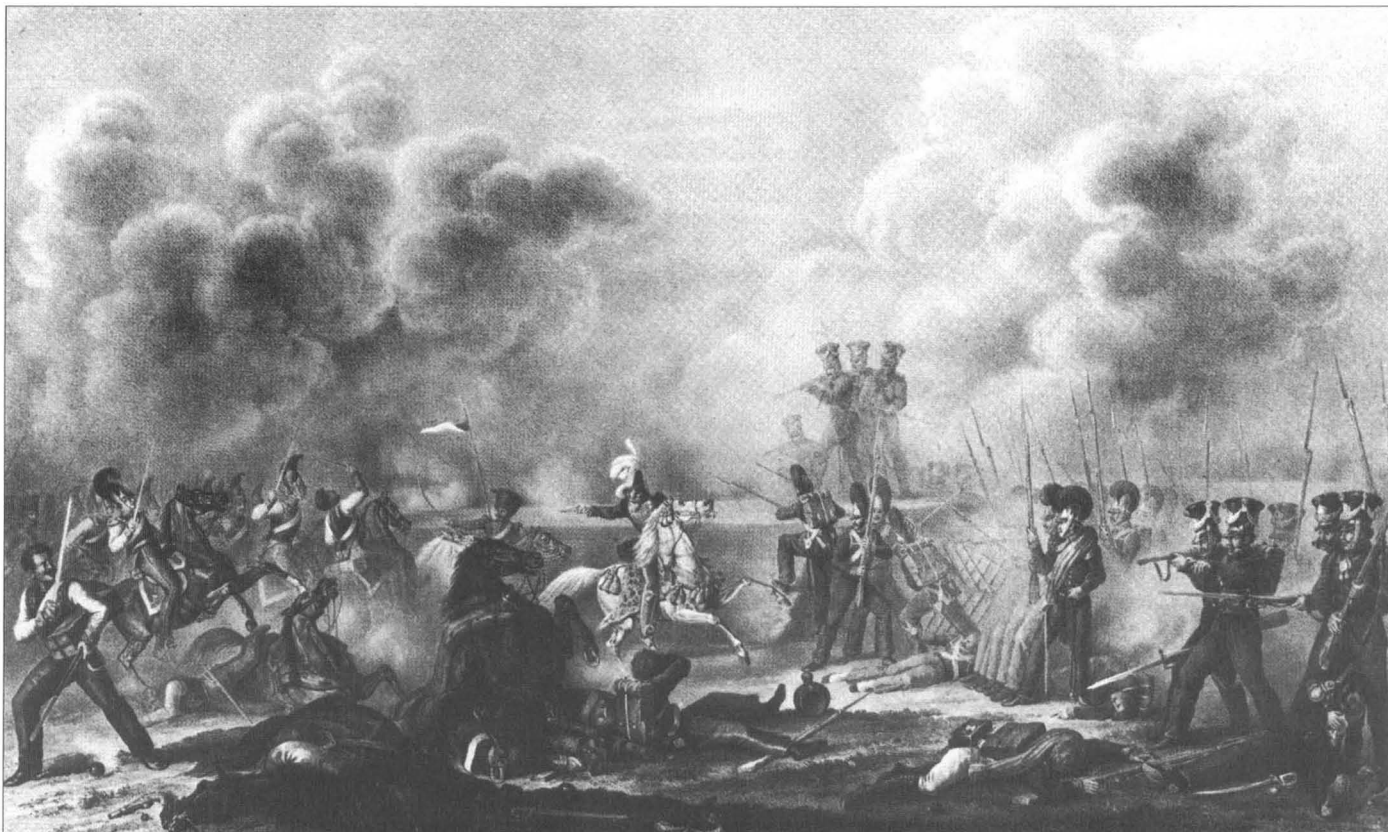
именно, мы к 11 часам не смогли собрать более одного батальона».¹²⁹

Сколько раз переходили из рук в руки северная и восточная «флеш»? Два раза? Три раза? Сказать точно невозможно.

Но и количество атак и контратак южной «флеш», предпринятых французами и русскими, также не поддается точному исчислению. Даже после того как французы и немцы, казалось, прочно обосновались в «редуте», борьба за него не прекратилась. Атаки и контратаки следовали одна за другой. Во время одной из таких атак кавалерия Мюрата (вероятно, из состава 1-й дивизии легкой кавалерии Брюйера) была опрокинута огнем русской артиллерии и контратакована русской кавалерией. Сам Мюрат неожиданно оказался в тяжелейшем положении. «Король Иоахим, — повествовал об этом происшествии лейтенант Зукков, правда, с чужих слов, — оказался случайно без эскорта и без какого-либо сопровождения, кроме берейтора, негра, имевшего костюм столь же экстравагантный, как и его собственный. Вдруг, ясно увидев себя окруженным со всех сторон, он бросился со своей лошади и укрылся в укреплении, занятом нашими (имеется в виду вюртембергская дивизия – В.З.)... Этот кирасирский полк, продолжая преследовать нашу кавалерию, приблизился на расстояние ружейного огня с редута; но наша пехота воздерживалась от стрельбы, потому что, обманываясь похожестью униформы, она приняла эти войска за саксонский полк... Между тем, благодаря учтивости полковника этих псевдосаксонцев, наше заблуждение вскоре было рассеяно, так как он предупредил криком по-немецки своих людей: «Порубите всех этих немецких собак!» Для того чтобы не встретиться с ним, по

А. Ерош
2009.

Х.В. Фабер дю Фор. На поле Бородина, рядом с Семёновским, 7 сентября 1812 г.

нему дали несколько хороших залпов. Со своей стороны, храбрый негр, который не потерял головы, несмотря на трудную ситуацию, в которой он оказался, не переставая, кричал нашим людям: «Стреляйте, стреляйте!» Это было красиво, потому что в этом месте, между русскими и нами, «стреляйте» могло быть исполнено только с фатальными последствиями для его собственного существования. Но этот храбрый мальчик со своими двумя лошадьми достиг нас целым и невредимым». ¹³⁰

Вся эта история могла бы показаться одной из тех многочисленных выдумок, которые возникали после каждого сражения и потом, спустя десятилетия, превращались уже в подлинную «историю», бывшую в действительности, говоря словами Стендаля, участника русской кампании, «только всеми принятым вымыслом», ¹³¹ если бы не рапорт генерала Шелера, составленный сразу после боя. «При отступлении кавалерии, — докладывал он, — Неаполитанский король попал в очень трудное положение, так как его лично преследовали многочисленные кирасиры и казаки. Его величество подскочил к нашей пехоте, которая внезапно открыла огонь по тем, кто его преследовал, и выстрелами сверху облегчила положение Его величества. Но поскольку кавалерия противника оказалась уже на флангах и в тылу, то король бросился внутрь редута и доверился нашей защите». ¹³² Достоверность описания событий подтверждается и ординарцем Мюрата саксонцем В. Буркерсродой. ¹³³ Этот эпизод запечатлен со слов очевидцев на одной из своих работ К.В. Фабер дю Фор. ¹³⁴ Любопытно, насколько национально-избирательной оказалась память — все три источника этого эпизода оказались немецкими!

В целом же, если любознательный историк попытается прийти к каким-то определенным выводам в отношении борьбы за южный люнет, он сможет констатировать только следующее: а) французы и немцы были дважды вытеснены из южного укрепления, но здесь же, еще до того, как русские могли там закрепиться,

снова возвращались; б) французские и немецкие войска, если и добивались полного контроля над люнетом, то предпочитали располагаться не в нём самом, а по внешним сторонам бруствера и во рву, так что само укрепление было как бы и не занятым. Всё это походило на своего рода топтание вокруг люнета, во время которого стороны истребляли друг друга, зачастую просто не соблюдая законов «правильной тактики». Данное обстоятельство и обусловило, кажется нескончаемый, спор о том, сколько же атак сделала армия Наполеона на Семёновские укрепления.

В районе 8 часов, когда дивизия Разу ворвалась на северный люнет и сразу затем была выбита, а 57-й полк совместно с солдатами Ледрю и Шелера начал отражать русские контратаки на южную «флешь», 61-й и 25-й полки оказались в пространстве между этой «флешью» и лесом. Солдаты Гюйардэ видели вокруг люнета крутящиеся массы пехоты и кавалерии, а немного западнее редута — французскую артиллерийскую батарею (скорее всего, батарею Пернети, которая где-то в 7 утра, вслед за батареей Сорбье пересекла Каменский овраг и приблизилась к южной «флеш»). «Три или четыре полка русских кирасир», огибая люнет, неслись на артиллеристов. Французская пехота, прикрывавшая батарею (это были 2-й и 3-й батальоны 111-го полка, а возможно, и испанцы), встретили кирасир сильным огнем. Не доскакав до батареи, кавалерия повернула влево и начала отход, оказавшись между южным люнетом и солдатами Компана. Последние успели быстро построиться в каре и встретили кирасир огнем с очень близкого расстояния. Кирасиры, не имея намерения атаковать каре 61-го и 25-го полков, тем не менее, понесли большие потери от их огня. Эта атака была повторена «второй и третий раз», и завершилась с тем же результатом. ¹³⁵

Рапп, посланный Наполеоном заменить Компана, появился среди солдат 1-го корпуса примерно около 8 часов. По крайней мере, из сбивчивого рассказа Раппа можно понять, что по его прибытии маршал Ней

уже находился в районе укреплений. Генерал отвёл 5-ю дивизию во вторую линию, к кромке леса (вследствие этого, а также большого расстройства 57-й окончательно расстался с южным люнетом), а дивизию Дессэ выдвинул в первую. *«Мы были продвинуты вперед на некоторое расстояние, и выстроились в колоннах в поле видимости леса, который был на нашем правом фланге»,* — вспоминал Жиро де л'Эн. Сзади и левее себя солдаты Дессэ видели *«батарею из 30 орудий»*.¹³⁶ Биографы Дессэ попытались более точно определить новое расположение 4-й дивизии. По их мнению, она стояла в 400 шагах впереди и справа от *«редутов»*; справа от 4-й дивизии был лес, занятый ее стрелками.¹³⁷ Артиллерия Пернети, продвигаясь вслед за пехотой, встала, как полагаем, юго-восточнее «флеша». Не успели войска Дессэ занять новую позицию, как начался настоящий *«штурм, атака русских кирасир, которые имели направление... на батарею из тридцати наших орудий»*. *«Эта атака, проходя перед нами, — вспоминал Жиро де л'Эн, — подверглась нашему огню, но не замедлилась; более того, залпы картечью нашей батареи не смогли их остановить, так что батарея была опрокинута саблями, и канониры бросились между колес орудий и зарядных ящиков, пытаясь спастись от неприятельских кирасир»*.¹³⁸

Итак, на этот раз артиллеристам Пернети повезло меньше. По всей видимости, эта атака оказалась более неожиданной, чем предыдущие, и в непосредственном прикрытии батареи оказался только батальон из дивизии Дессэ. Однако на помощь батарее не замедлили прийти несколько эскадронов французской кавалерии, которые *«вызвали беспорядок»* среди русских кирасир и заставили их отходить. Кирасиры вновь должны были пройти рядом с пехотой Дессэ, *«испытыв вновь наш огонь и удары штыком наших солдат, которые, выскакивая в безрассудстве из рядов, выбежали вперед для того, чтобы ударить отступавших»*, вновь вспоминает Жиро де л'Эн. *«Мы оценили число русских кирасир, которые совершили эту ужасную атаку, примерно в 1500. Но из этих 1500 едва 200 возвратились в свои линии; все остальные, и люди и лошади, остались на земле; я не припомню, чтобы кто-либо был взят в плен. У них не было кирас, кроме как спереди»*.¹³⁹

Было примерно начало 10-го. Уже час, как генерал Рапп руководил действиями 4-й и 5-й дивизий. Большею частью он находился в расположении 61-го полка, бывшего у кромки леса. Несмотря на то, что полк был как бы во второй линии, он беспрестанно подвергался обстрелу как русской артиллерии, так и многочисленных стрелков, бывших в лесу. *«Ядра и пули ложились со всех сторон, — вспоминал Рапп. — В течение одного часа я был задет четыре раза, первый раз относительно легко двумя пулями, затем пулей в левую руку, которая вырвала рукав моего мундира и рубашки... Я был в ту минуту во главе 61-го полка, который я знал еще с Верхнего Египта. В нём от того времени оставалось еще несколько офицеров, и странно было нам встретиться здесь. Вскоре я получил 4-ю рану; пуля ударила меня в левое бедро и сбросила меня с лошади; это была моя 22-я рана, я вынужден был покинуть поле боя; и я сообщил об этом маршалу Нею, войска которого смешались с моими»*.¹⁴⁰

Раппа сменил Дессэ; теперь он уже во второй раз командовал обеими дивизиями. Но... через минуту у него была перебита рука. На обстоятельствах ранения командира 4-й дивизии подробно останавливается всё тот же Жиро де л'Эн, но его рассказ был позже серьезно уточнён биографами генерала, использовавшими, без сомнения, собственные воспоминания Дессэ и его бумаги.

В. Мазуровский. Атака русских кирасир на французскую батарею в сражении при Бородине

Итак, когда описанная выше кирасирская атака была отражена и последние отступившие кирасиры исчезли из поля зрения, солдаты Дессэ увидели недалеко колонну русской пехоты. Эта колонна, используя кавалерийскую атаку как прикрытия, заметно продвинулась к французским порядкам, но остановилась, будучи теперь совершенно открытой и не имея поддержки. Солдаты 108-го и 85-го полков быстро двинулись вперед и заставили русских отойти. Но русская колонна своим отходом обнаружила батарею, которая дала по французам несколько залпов картечью. Пехота Дессэ стала отходить и отступила в чащу леса шагов на двести. Но и там, несмотря на защиту деревьев, продолжала сильно страдать от огня русских. По словам Жиро де л'Эна, во время первых картежных залпов (а из биографии генерала можно решить, что уже в самом лесу) Дессэ раздробило картечной пулей правое предплечье. Мгновением раньше был убит его адъютант капитан Ф. дю Бурже. Начальник штаба штабной полковник Ж.Ж. Кутюр получил контузию в левое бедро, а затем — пулю, и оставил поле битвы. Жиро де л'Эн и капитан Маркьян вывели раненого генерала из-под огня в тыл и предоставили его заботам хирургов; среди них был главный хирург Неаполитанского короля (видимо, Ж. Пейборд), который и оказал Дессэ первую помощь.¹⁴¹

После ранения Дессэ командование 4-й дивизией принял генерал Фридрикс. Остатки дивизии более не торопились в гущу боя. Когда Жиро де л'Эн возвратился к дивизии, он обнаружил ее примерно в том же месте, где оставил. *«Вот и всё, что у меня осталось»*, — сказал ему с грустью полковник Ашар, командир 108-го, указывая на горсть людей и своего орла. Сам полковник был ранен осколками разорвавшегося ядра, которые нанесли ему две глубокие раны в правую руку и в спину.¹⁴²

В не менее тяжёлом состоянии находилась и 5-я дивизия. Фоссен из 111-го линейного, вспоминая позже

В. Юэн. Линейная пехота. Барабанщики и охранение орла за боевым построением

тот страшный день, мог только очень сбивчиво пове­дать о том, как он бросился в лес, «где началась с обеих сторон ружейная перестрелка. Неприятель поставил орудия и гаубицы близ леса, и гранаты из них были в линию наших стрелков. Генералы и штаб-офицеры появи­лись за фронтом, и слышно было, как они кричали «Смелей, друзья! Солдаты, вперед!» Солдаты проявили значительную храбрость и отвагу». «Около 11 часов (полагаем, что это произошло раньше – В.З.) мы достиг­ли наконец опушки леса и увидели левую от нас часть большого поля битвы: несколько высот были заняты нашими и орудия взяты, но, тем не менее, неприятельская кавалерия атаковала и прорывалась сквозь наши ряды, захватывая орудия и забирая в плен. Нашей ка­валерии пришлось даже отступить: огонь из орудий был так силен, что команды не было слышно. Некоторое время нельзя было решить, на чьей стороне победа, как вдруг, слева от нас, проскакал отряд кирасиров, ге­нерал, во главе их, громко крикнул: «Кирасиры, вперед! Саблы вон! Атакуйте неприятеля!»». Весьма сбивчив и рассказ капитана Гардые из того же 111-го линейного. Из него только можно заключить, что 111-й (видимо, 2-й и 3-й батальоны) приняли участие в отражении атаки русских кирасир возле опушки леса, а затем скрылись в лесу. Несмотря на это, они продолжали вести непре­рывную борьбу – на этот раз с русскими стрелками. Сам Гардые, занятый организацией передвижения своего 3-го батальона, был ранен пулей в левую ногу.¹⁴³

Таким образом, значительная часть 111-го линейного с самого начала вынуждена была бороться в лесу с рус­ской пехотой. Позже, уже весьма ослабленный, 111-й отражал атаки русской кавалерии у самой кромки леса.

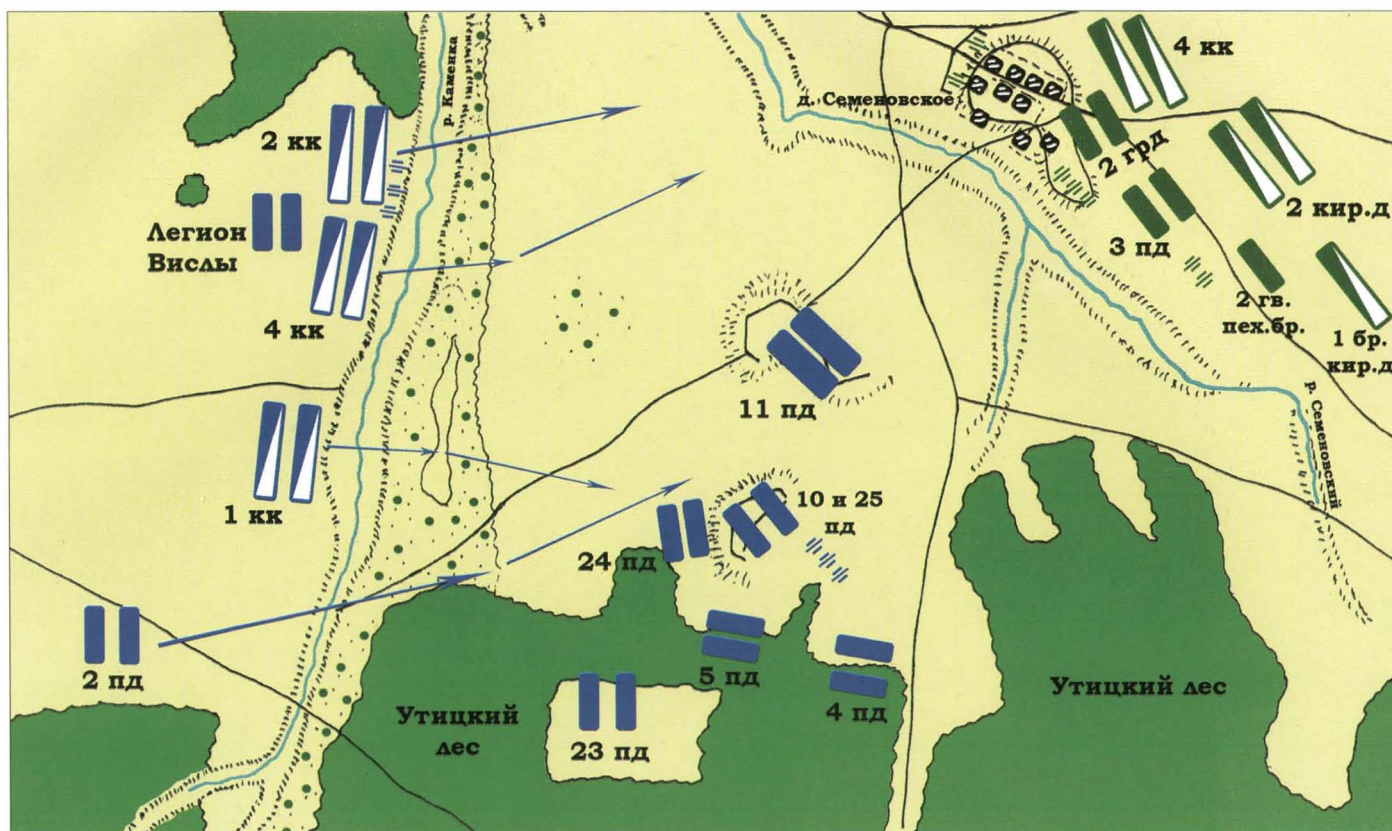
Затем – вновь сражался в лесу с русскими стрелками (об этом, помимо материалов Фоссена и Гардые, свиде­тельствует и рапорт полка).¹⁴⁴ Значительные силы тра­тили на борьбу в лесу с егерями и 61-й, и 57-й полки, о чем также говорят их рапорты: основные потери части понесли в лесу, либо от артиллерийского огня, либо от русских застрельщиков.¹⁴⁵ В 10-м часу эти полки удер­живали только кромку леса.

Кто теперь осуществлял командование французски­ми войсками на этом участке боя? Общее командование было сразу у двух человек – у Нея и Мюрата, из кото­рых первый руководил в основном действиями пехоты, второй – кавалерии. Даву, хотя и не покинул поле боя, реально в ход событий вмешивался слабо, продолжая ощущать последствия своей контузии. Командующие 4-й и 5-й дивизиями теперь адресовывались непосред­ственно к Нею (это делали Рапп, Фридрикс и частные начальники). «Маршал Ней, — вспоминал Жиро де л'Эн, — когда я к нему явился (это было в 2 часа пополудни) один командовал по всей линии». 4-й дивизией после ранения Дессэ, по всей видимости, командовал Фридрикс, командующий же 5-й дивизией нам точно не известен. Возможно, им был Гюйардэ, но достоверных сведений нет. Все смешалось. Майор 85-го Ле Руа позже почему­то даже утверждал, что генерал Дессэ был заменён ге­нералом Жераром (!).¹⁴⁶

А у капрала-вольтижера 61-го полка Дюмона отло­жилось в голове, что после ранения Компана офицер, занявший его место, тоже был ранен, затем ранен тре-

Примерное расположение французских и русских войск в районе Семёновских укреплений (около 10 часов утра) 7 сентября 1812 г.

тий и, наконец, четвертый, «который был из гвардии»; это был генерал Анабер (Anabert). Он-то и приказал барабанщикам бить атаку и бросил 61-й на какой-то редут, «редут был взят, а генерал ранен».¹⁴⁷ Но, во-первых, согласно всем документам, 61-й не ходил на «редут», а во-вторых, Ж.П. Ланабер (Lanabere), командир 1-й бригады 2-й пехотной дивизии Молодой гвардии, 7 сентября сражался совсем в другом месте, сменив раненого Морана (Ланабер действительно был ранен 7-го и умер в Можайске 16 сентября). Мы предполагаем, что капрал 61-го имел в виду всё же генерал-адъютанта Раппа.

Капрал Дюмон, рассказывая далее о сражении своему земляку сержанту фузилеров-гренадеров гвардии Бургоню, поведал печальную историю о том, что позже произошло с ним и с людьми его полка. Во время атаки, в которую «гвардейский генерал» бросил 61-й полк, капрал Дюмон был ранен ружейной пулей в предплечье и вскоре после того, как рана стала доставлять ему сильную боль, пошел в амбуланс вынуть пулю. Не успел он сделать десяток шагов, как встретил полковую кантиньери (маркитантку), симпатичную испанку Флорен-

сию. «Она была в слезах. Ей сказали, что почти все барабанщики полка убиты или ранены. Она сказала, что хочет увидеть их, помочь им, чем сможет. Несмотря на боль, которую я чувствовал из-за раны, — продолжает свой рассказ Дюмон, — я пытался посочувствовать ей. Мы ходили между ранеными. Некоторые пытались с трудом и преодолевая боль двигаться сами, других несли на носилках». Внезапно, когда Дюмон и Флоренсия проходили рядом с одним из укреплений, кантиньери «начала громко и надрывно кричать: она увидела барабанщиков 61-го, разбросанных по земле. «Здесь, мой друг, здесь! — завопила она. — Они здесь!» Действительно, они были там, лёжа с переломанными конечностями; их тела были побиты картечью. Помешавшись от горя, она ходила от одного к другому, нежно говоря с ними. Но ни один из них ее не слышал. Некоторые, однако, всё еще проявляли признаки жизни, и среди них — тамбурмажор, которого она называла своим отцом. Остановившись перед ним, и опустившись перед ним на колени, она подняла его голову и влила несколько капель коньяка между его губ». В этот момент русские контратаковали, «и канонада началась снова. Внезапно испанка закричала от боли. Она была поражена в левую руку ядром, которое сломало ей большой палец и ударило в плечо умиравшего человека, которого она держала». Флоренсия упала без чувств. Дюмон попытался своей здоровой рукой оттащить ее к амбулансу; но это было выше его сил. К его счастью, рядом проходил спешенный кирасир, который, без всяких просьб со стороны капрала, сказал: «Быстро! Мы должны торопиться, это не самое лучшее место, где можно было бы находиться». «Без всякой суеты он схватил молодую испанку и понес её как ребенка. Она все ещё была в сознании. После 10 минут мы достигли небольшого леса, где был амбуланс гвардейской артиллерии. Здесь Флоренсия пришла в чувство. Ларрей, императорский хирург, ампутировал ей большой палец и очень искусно вынул пулю из моей руки».¹⁴⁸

Стр. 38-39. А. Ежов. 46-й полк линейной пехоты в сражении при Москве-реке. На картине изображен бой за Семёновские укрепления около 9 часов, когда идущая на южную «флеш» 10-я дивизия Ледрю была контратакована 2-й бригадой 2-й кирасирской дивизии И.М. Дуки. На переднем плане кирасиры Малороссийского полка. 46-й линейный (в центре), как и остальные полки дивизии, свёрнут в полковое каре. На заднем плане, 1-я бригада 2-й кирасирской дивизии атакует вестфальскую пехоту, направляющуюся в Утицкий лес. За пехотой занята перестроением лёгкая кавалерийская дивизия П.Ж. Брюйера. Вдалеке виднеется 1-й кавалерийский корпус Э.М. Нансути

3. Атака и захват д. Семёновское. Итоги

Итак, в районе 10 часов «флешей» окончательно оказались в руках французов; но силы были истощены. Капитан 18-го линейного из дивизии Разу Бонне, как мы уже упоминали, уверял, что к 11 часам в его полку удалось собрать не более одного батальона. Силы вюртембергцев уходили в основном на удержание захваченных редутов. 5-я дивизия, значительно обескровленная, держалась кромки леса. 57-й, например, в дальнейших действиях уже просто не мог участвовать. Аналогичной была ситуация и в 4-й дивизии, изначально немногочисленной. 24-я вестфальская дивизия всё ещё продолжала находиться возле «флешей», удерживая занятое пространство, а 23-я еще в 8 часов была направлена в Утицкий лес для борьбы с русскими егерями и для того, чтобы установить контакт с поляками Понятовского.

Между тем такое стояние на захваченных позициях вызывало огромные потери. Удержание этих редутов, писал в своем рапорте Шелер, *«требовало большой стойкости и мужества, поскольку противник из расположенных позади батарей очень сильно обстреливал эти редуты гранатами, ядрами и картечью»*. О том, что южный люнет *«беспрестанно обстреливала вражеская батарея, состоявшая из 20 орудий»*, пишет и Зукков, появившийся в нём, когда его товарищи пробыли там уже некоторое время. *«Вестфальский корпус, — вспоминал А.Н. Плана де ла Фэ, адъютант Ларибуазьера, — стоял массой в колонне позади редута и получал время от времени снаряды, которые, разрываясь, поднимали в воздух кивера и штыки. При каждом подобном ударе бедные солдаты бросались плашмя на живот, и не все из них снова поднимались»*.¹⁴⁹

В похожем положении находились и две дивизии корпуса Даву. *«В эту минуту, — вспоминал Лежен, посланный к Даву с сообщением о том, что 5-й корпус не может обойти левый фланг русских, — положение маршала было на самом деле критическое, так как, хотя кавалерия короля Мюрата и покрыла равнину впереди, с которой ожесточенно атаковала русскую кавалерию, невыносимый огонь русской пехоты и артиллерии осыпал позицию маршала. Он был ранен в руку, но продолжал командовать. Его начальник штаба генерал Ромёф был поражен ядром в то время, когда мы разговаривали. Маршал, очень смущенный тем, что приходилось брать с фронта позицию, которая, по его мнению, должна была быть сразу атакована с трех сторон, сказал мне с досадой: “Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога”*.¹⁵⁰ Французам было ясно, что следует немедленно атаковать русские позиции за Семёновским оврагом, взять деревню и отбросить неприятельские войска дальше. Пеле писал, что теперь *«судьба сражения решается к северу от Семёновского, на берегах последнего оврага, через который наши солдаты желают перейти и который представляет русским линиям превосходную защиту»*.¹⁵¹

Обстоятельства захвата французами д. Семёновское оказались довольно запутанными и в отечественной и в зарубежной литературе. Вероятно, одним из первых отечественных авторов, кто внёс заметную путаницу, был Д.П. Бутурлин. На основе интерпретации имевшихся к тому времени немногочисленных зарубежных публикаций, он утверждал, что около 10 часов генерал Ф.М. Дюфур, командир 1-й бригады 2-й дивизии, с 15-м легким полком перешел Семёновский овраг и овладел деревней, в то время как остальные

войска дивизии Фриана разместились в резерве побригадно. Далее, как считал Бутурлин, гренадеры прогнали французов из деревни, а в ходе атаки Коновницына, происходившей в то время, был убит генерал Ромёф. Затем это повторил М.И. Богданович, отмечая, правда, что Фриан только поддерживал Нея, но одновременно смещая время этих событий на 11 час.¹⁵²

Однако вопросы о том, сколько раз французы атаковали д. Семёновское, когда и какими войсками, каким образом деревня была окончательно захвачена, не до конца ясны и во французской литературе. Так, из текста Тьера явствует, что взятие Фрианом деревни произошло одновременно с рейдом Платова и Уварова, или даже позже; а контратаки русской пехоты, происходившие в то же время, имели целью возвращение не только д. Семёновское, но и Багратионовых «флешей».¹⁵³

Вне всякого сомнения, путаница в описании этого эпизода Бородинской битвы связана не только с конъюнктурными соображениями исследователей или стремлением к литературной драматизации описываемых событий, как в примере с Тьером, но и с особенностями имеющихся источников. Так, из текста 18-го бюллетеня можно заключить, что *«сгоревшая деревня»* была взята ещё до подхода дивизии Фриана, на солдат которой была возложена задача удержать её во время неприятельских контратак. Рапорт Мюрата, который был опубликован уже в 1821 г., утверждал, что атаке Фриана на д. Семёновское предшествовали действия 1-го и 4-го кавалерийских корпусов, которые очистили пространство *«слева и справа от деревни»*. В работе Пеле, которую можно отнести к разряду первоисточников, но в которой автор пытался учесть все другие материалы (в том числе, и работу Бутурлина), не только указывалось на явные противоречия в имеющихся источниках и работах, но и привносились новые неясности. По мнению Пеле, как только д. Семёновское была взята, ее атаковали гренадеры принца Мекленбургского и Воронцова, поддержанные остальной армией; во время этого боя Багратион был ранен, а все попытки вернуть деревню были отбиты.¹⁵⁴ Определенные неясности возникают и при чтении документов, исходящих от самой дивизии Фриана, а также воспоминаний её офицеров. И все же попытаемся воссоздать картину наиболее убедительную.¹⁵⁵

Ещё во время одной из атак северного и восточного люнетов части дивизии Разу попытались перейти Семёновский овраг и взять деревню, но были выбиты оттуда русскими кирасирами и гренадерами.¹⁵⁶

Теперь, к 10 часам, после окончательного захвата Багратионовых «флешей» стало ясно, что сил для новой атаки д. Семёновское у Даву и Нея было недостаточно. Когда ещё шёл бой за «флешей» и французские войска, казалось, должны были вскоре начать захождение правым флангом, как это предполагалось по замыслу сражения, части 8-го корпуса Жюно пришлось направиться в Утицкий лес для установления связи с поляками. Понятовский не смог выполнить той роли, которую отводил ему император, и Утицкий лес, в случае захождения войсками Даву и Нея к центру, *«мог оказаться за спиной»* (Фэн). Поэтому Жюно *«заполнил пустоту»* (Фэн), которая образовалась из-за несовпадения атак Даву и

К. Ланглюа. Атака 3-го корпуса маршала Нея на Семёновские укрепления

Понятовского. Судя по всему, это решение было принято Неем по согласованию с императором.¹⁵⁷ Между тем, взятие «флешей» потребовало больших усилий, чем предполагалось вначале, а Понятовский всё никак не мог добиться успеха. К началу 11-го силы Нея и Даву были истощены. Французам пришлось вводить в сражение тяжёлую кавалерию Мюрата и пехоту резерва.

Резервная кавалерия Мюрата начала движение вперёд почти сразу же после начала сражения. Но эти передвижения были медленными и постепенными. Примерно в начале 9-го главным направлением движения 2-го кавалерийского корпуса стало место впадения Каменки в Семеновский ручей. Подойдя к Каменке, корпус остановился на его западном берегу. 4-й кавалерийский корпус оказался сразу за порядками войск Нея, а 1-й корпус – южнее, прямо напротив южной «флешки».¹⁵⁸ К началу 11-го часа резервная кавалерия, хотя и посылала вперёд на поддержку пехоте только дивизии лёгкой кавалерии, уже значительно пострадала от огня русских орудий. «Полк не принимал участия в атаке, — поведал в своей рукописи Клод Орио, капитан 9-го кирасирского из 1-го корпуса, о тех часах и минутах, — но постоянно находился под ядрами, гранатами и картечью... Всюду были видны умирающие и мертвые. Дважды я проехал вдоль фронта, всматриваясь в лица кирасиров моей роты, чтобы убедиться, brave ли они. Я был вполне доволен. Частью я их спешил. Двигаясь таким образом, я поздравил одного молодого офицера за его выдержку (г-на де Грамона) и стал свидетелем ужасных вещей. Как только он мне сказал, что не жалуется, и хотел бы только немного холодной воды, прилетела пуля и попала сразу в двоих (видимо, в Грамона и в какого-то второго кирасира – В.З.). Я оказался вблизи другого офицера и сказал, что сильно огорчён в отношении бедного г-на де Грамона. Раньше, чем он мне ответил, в его лошадь попал снаряд, убивший его. Наконец, случились

и другие вещи; я дал поддержать на полминуты мою лошадь кирасиру, который упал навзничь убитым. Я сам оказался засыпанным землей, которой меня забросал снаряд, между тем я не получил ни малейшей царапины».¹⁵⁹ 2-й и 4-й корпуса страдали не меньше. В начале 11-го командир 2-го корпуса дивизионный генерал Монбрён получил смертельную рану.¹⁶⁰

Помимо резервной кавалерии, помощь ослабленным силам Даву и Нея в штурме д. Семёновское должны были оказать и свежие пехотные части. Пеле писал, что с начала сражения «Наполеон держал подле себя дивизии Фриана и Клапареда; он хотел сохранить резервы для всей армии и сберегал силы, смотря по ходу сражения».¹⁶¹ Генерал Дедем, командир бригады 2-й дивизии, вспоминал, что когда утром «император приблизился к моей бригаде, солдаты стали просить его бросить их в огонь; левый фланг был уже в деле, так же как и центр. Он ответил: «Полки, подобные этим, не посылаются в огонь иначе как для того, чтобы решить победу».¹⁶² Однако отсутствие резервов у Нея и Даву заставило императора уже в 10-м часу задействовать обе резервные дивизии. Вскоре после 9 часов утра Легион Вислы (дивизия Клапареда) получил приказ двинуться «во вторую линию»; пройдя шагов 1000-1200, он был остановлен в районе Каменского оврага.¹⁶³ Вероятно, чуть позже вперед была послана и дивизия Фриана.¹⁶⁴ Сложно сказать с определенностью, сразу ли Наполеон предполагал использовать её для атаки д. Семёновское или, скорее всего, дивизия должна была первоначально просто подтянуться ближе к полю сражения в целях занятия пространства и последующего использования, смотря по обстоятельствам. Так, в «Журнале дивизии Фриана» говорилось, что 7 сентября дивизия «получила приказ находиться в резерве у редута в центре... Скоро она получила другое направление и двинулась к Семёновскому». В то же время из «Исторического рапорта о кампании 1812», составленного капи-

таном 48-го линейного полка Роббом, явствует, что ещё «на рассвете дивизия покинула позицию... для того, чтобы следовать движению 1-го корпуса, выполняя различные маневры под очень сильным огнем».¹⁶⁵

В целом, вероятно выступив в начале 10-го от Шевардинского редута, дивизия Фриана, двигаясь рядом с Утицким лесом, в районе 10 часов оказалась возле «флешей». К этому времени французские войска оказались перед необходимостью немедленной атаки д. Семёновское. Подход Фриана был как нельзя более кстати. То ли Лежен, то ли генерал О.Д. Бельяр, начальник штаба Мюрата, то ли генерал М. Сокольниковский, а может быть, и все трое доставили Фриану приказ взять д. Семёновское.¹⁶⁶

Вероятно, Сокольниковский и Бельяр передали Фриану общий приказ императора помочь войскам Нея и Даву, а Лежен выполнил роль координатора между Даву и Неем, с одной стороны, Мюратом – с другой, и Фрианом – с третьей. Непосредственный приказ Фриану о взятии д. Семёновское мог исходить, скорее всего, от Нея и Даву. 2-я дивизия должна была наступать на саму деревню, в то время как 4-й кавалерийский корпус слева и 1-й – справа от деревни, атаковали русскую пехоту и артиллерию.¹⁶⁷

В начале либо в половине 11-го французская пехота и кавалерия пошли вперед. Генерал Дюфур во главе трёх батальонов 15-го лёгкого полка двинулся на деревню, предполагая взять также и земляное укрепление, сооруженное к северо-западу от деревни и обстреливавшее кавалерию 4-го резервного корпуса. Правее Дюфура наступал 48-й полк, имея у себя в резерве два батальона полка Жозефа-Наполеона. Общий резерв дивизии составил 33-й полк, находившийся на крайнем правом фланге, «у лесной поросли».¹⁶⁸ Дюфур с 15-м лёгким быстро перешел овраг и стал взбираться на высоту, на которой лежали обгорелые развалины деревни. Однако атака удалась не сразу. Адьютант командира 1-й бригады 7-й тяжёлой кавалерийской дивизии 4-го кавалерийского корпуса Рот фон Шрекенштайн увидел, как расстроенная французская пехота, не сумев взять деревню сразу, откатилась назад в овраг и там стала перестраиваться. Через 10 – 12 минут она вновь атаковала деревню, на этот раз удачно.¹⁶⁹ Пехота Фриана бросилась налево, где русская батарея, находившаяся в эполементе, еще продолжала обстреливать кавалерию 4-го корпуса. Укрепление было взято штыками. Захвачены ли были орудия, оборонявшие эполемент, и сколько, совершенно не ясно.¹⁷⁰

Через минут тридцать или чуть меньше после начала атаки д. Семёновское была в руках французов. Теперь её надо было удержать. «Русская армия, — пишет Шамбрэ, — быстро перестроилась позади деревни. Правый фланг её занимал редут, левый упирался в тот же лес, что и ранее, но в полульё позади реданов; на плато, которое доминировало над Семёновским, стояли многочисленные батареи, открывшие сильный и смертельный огонь».¹⁷¹

В ожидании русской атаки Фриан поспешил сконцентрировать свою дивизию. 48-й полк занял холм позади развалин деревни, 15-й лёгкий – слева от деревни; на месте самих развалин расположился 33-й, выдвинутый вперед. 15-й и 33-й, в ожидании кавалерийской атаки, свернулись в каре.¹⁷² На протяжении последующих примерно двух часов солдаты Фриана выдержали шквальный артиллерийский и ружейный огонь и множество кавалерийских атак. Дюфур утверждал, что его 15-й лёгкий отразил семь атак русской кавалерии, что сопровождалось криками «Vive l'Empereur!». Что касается 33-го, то Дедем писал то о пяти, то о трёх отраженных атаках, журнал дивизии – о трех. Мюрат, оказавшийся

Дивизионный генерал Л. Фриан (1758-1829)

рядом с 33-м, дважды вынужден был укрываться в его каре. Между кавалерийскими атаками солдат Фриана осыпал град ядер и картечи. Сам командир дивизии, вначале потеряв лошадь, затем был поражен в грудь картечной пулей. Если бы не аксельбант, который Фриан носил как полковник пеших гренадеров гвардии, он, как считают его биографы, определенно был бы убит. Вероятно, немного ранее был ранен и унесен с поля боя его сын. Сам же генерал, усевшись на ствол поваленного дерева, отказался уйти и продолжал руководить дивизией. Позже, с помощью своих адъютантов, он даже взобрался на лошадь и поехал в первую линию, чтобы самому направлять огонь орудий 2-й дивизии.¹⁷³

Генерал Сегюр, склонный к эффектным описаниям, рассказывает, как один из полковников 2-й дивизии попытался отступить. В эту минуту к нему подбежал Мюрат и, «схватив за шиворот, воскликнул: “Что вы делаете?” Полковник, указывая на убитых, сказал: “Вы сами понимаете, что здесь невозможно дальше держаться!” “А! Я-то остаюсь здесь!” — воскликнул Мюрат. Полковник, пристально посмотрев на Мюрата, хладнокровно сказал: “Вы правы! Солдаты, вперед! Идемте умирать!”».¹⁷⁴ Сохранившиеся материалы заставляют предполагать, что неназванный Сегюром полковник был не кто иной, как благородный Ж. Груань, командир 48-го. Будучи совершенно больным и уже «неся смерть в себе», он находился при полку, «не прекращая вызывать воодушевления своим примером». Согласно документам 2-й дивизии, Мюрат во время сражения обрушился на Груаня с незаслуженными упреками, будто бы его солдаты прячутся от огня. На это полковник отвечал так: «Я должен поставить моих солдат закрыто, чтобы сбросить их для победы; Вы видите, что я показываю им, как выдерживают неприятельский огонь».¹⁷⁵

Генерал Дедем, который явно чувствовал себя обойденным в рапорте Мюрата и не скрывавший своей оби-

Жоб. Мюрат среди 48-го линейного в сражении при Москве-реке

ды, с удовольствием поведал о другом эпизоде, тоже касавшемся Мюрата. Когда 33-й, совершенно открытый для русской артиллерии, стоял в каре на развалинах деревни, Ней, оказавшийся рядом, несколько раз громко произнес, явно рассчитывая, что его услышит Мюрат: «Кто этот дурак, разместивший их здесь?» Вероятно, не без ехидства заметил американский исследователь К. Кэйт, Ней хорошо знал ответ на этот вопрос и моментом позже спросил Мюрата: «Неаполитанский король, почему бы не атаковать вашей кавалерией, или двинуть вперед эту пехоту, пока она вся не будет перебита?»¹⁷⁶

Кавалерия Мюрата действительно производила атаку как севернее д. Семёновское (2-м и 4-м корпусами), так и южнее (1-м корпусом). Но севернее кавалерия неизменно получала отпор со стороны русской пехоты из дивизии Е. Вюртембергского и 4-го пехотного корпуса, а также кавалерии, а на юге – со стороны русской гвардейской пехоты, поставленной в каре за Семёновским оврагом, и также кавалерии. Впрочем, то, что согласно русским источникам и литературе, гвардейская бригада полковника М.Е. Храповицкого героически отразила несколько бешеных атак кавалерии Нансути и даже сама перешла в атаку (!), нашло во французских материалах только слабые отклики. Французским мемуаристам из 1-го кавалерийского корпуса (к примеру, Тириону) запомнились совсем другие эпизоды. Так, Тирион из 2-го кирасирского особенно подробно описал, как его полк, пытаясь атаковать русских, неожиданно оказался на краю оврага, который ранее не был замечен и за которым как раз и расположился неприятель. «Доказывая наше желание видеть русскую армию поближе,

мы спустились в овраг с целью выскочить на противоположный берег, но дно оврага оказалось болотистым, передовые лошади в нем завязли, и нам, волей-неволей, пришлось вернуться обратно и стать в боевом порядке фронтом к неприятелю, по сю сторону оврага и на краю его». Этим, согласно Тириону, и закончились все «бешеные атаки» его полка. Французские кирасиры далее стояли под ружейным огнем, поджидая пехоту. Наконец подошли вестфальцы. Тогда кирасиры попытались отойти за пехоту и, несмотря на протестующие крики пехотинцев «Мы здесь не останемся, мы здесь не останемся!», все же оказались у них в тылу, а затем стали напирать на них сзади, заставив спуститься в овраг и открыть огонь по русским с близкого расстояния. После этого французских кирасиров вообще отвели назад в «вырубленный лесочек».

Разрешить эту загадку в отношении боя русской гвардейской пехоты с кирасирами Нансути недавно попытался А.И. Попов. Опираясь на рапорт генерал-майора И.Д.Панчулидзева от 5/17 сентября 1812 г., он предположил, что французские кирасиры действительно бросались в атаку на русскую гвардейскую пехоту, каждый полк которой имел более 2 тыс. человек, но каждый раз по одному полку (состоявшему менее чем из 300 человек). К тому же в отражении французских атак приняла участие не только русская пехота, но и русская кавалерия – эскадроны Черниговского и Киевского драгунских и Екатеринославский кирасирский полки.¹⁷⁷

Постепенно давление русских стало ослабевать. Большая батарея, примерно в 80 стволов, спешно составленная из орудий Фриана и кавалерийских соединений, нанесли большой урон массам русских войск; в то же время французская кавалерия беспрепятственно контратаковала неприятеля.¹⁷⁸

В 2 – начале 3-го часа маршал Ней послал приказ войскам 1-го, 3-го и 8-го армейских корпусов продолжить движение и перейти Семеновский овраг. Как только Жиро де л'Эн доставил этот приказ генералу Фридериксу, тот немедленно двинул 4-ю дивизию вперед; прикрывая левый фланг, вместе с войсками Фридерикса двинулся вперед и полк Жозефа-Наполеона.¹⁷⁹ «Мы перешли ретраншементы, которые были перед нами; враг... отошел к своему центру, где на него активно оказывали давление Ней и кавалерия Неаполитанского короля», — вспоминал Ле Руа, заменивший во время боя выбывшего из строя Ж.Л. Байона (Baillon), второго майора 85-го линейного.

Иначе поступил Жюно. Когда тот же Жиро де л'Эн доставил ему приказ Нея, то «нашел его на лесной поляне, стоящим пешим на земле и приказавшим своим солдатам составить ружья в козлы; он не проявлял ни малейшего желанья двигаться». Герцог д'Абрантес остался совершенно безучастным к тому, что ему передал Жиро де л'Эн.¹⁸⁰ Вместо этого Жюно отправил приказ совершенно расстроенным частям 5-й пехотной дивизии, все еще находившимся на опушке леса в районе южной «флешы». «В 2 с половиной, — читаем в рапорте командира 61-го генерала Гюйардэ, — я получил приказ герцога д'Абрантеса (sic!) ко мне двигаться для поддержки вестфальского корпуса, который шёл вперед для дебуширования леса, располагавшегося с краю равнины, и где были расположены колонны врага». Остальные полки 5-й дивизии (если судить по воспоминаниям Фоссена из 111-го) с той или иной степенью поспешности также выполнили это движение.¹⁸¹ Одновременно с войсками 1-го корпуса вперед пошли и части 3-го. «Около 3-х часов, — пишет командир 18-го линейного Пельпор, — маршал Ней вновь собрал свои войска, рассредоточенные в стрелках, сформировал колонну, двинулся вперед и перешел глубокий овраг, который отделял нас от врага».¹⁸²

Параллельно с медленным продвижением вперед правого крыла, который наконец-то был поддержан Понятовским, французская и немецкая кавалерия совместно с пехотой атаковали Курганную высоту. К 3-м часам русские оставили все укрепления южного фланга и центра, но упорно продолжали драться, пытаясь создать новую линию обороны, выравнивая свой фронт и беспрестанно контратакуя. Приблизительно в это время за событиями вокруг Семёновского наблюдал Пеле, находившийся среди солдат дивизии Фриана: «Мы видели, как русские массы маневрировали, подобно подвижным редутам, униженным железом и извергавшим огонь. Посреди открытой местности, и картечь нашей артиллерии и атаки нашей кавалерии и пехоты наносили им огромные уроны. Но пока у них оставалось сколько-нибудь силы, эти храбрые солдаты снова начинали свои атаки. Корпуса Даву и Нея, устав побеждать, поддерживали убийственную борьбу на завоёванной местности. Фриан занимал Семёновское».¹⁸³

Вскоре после взятия батареи Раевского Наполеон покинул свой наблюдательный пункт у Шевардинского редута и поехал вперед, чтобы оценить обстановку и нанести решающий удар по обессиленному противнику. «Он отправляется сперва к взятым редантам, — пишет Пеле, — оттуда к деревне Семёновской, где остаётся долгое время. Ружейный и картечный огонь так силен, что штабу Даву приказано слезть с лошадей». Русские пули «поражают каждую выставляющуюся голову. Наполеон почти один отправляется вперед». «Он признает необходимым еще расстроить пушечными выстрелами русские массы и противопоставить равный огонь неприятелю, не перестававшему умножать число своих орудий».¹⁸⁴ «Отыщите Сорбье, — обратился Наполеон

к Лежену, — пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позиции, занятой генералом Фрианом, куда вы с ним поедете; он развернет 60 орудий под углом к линии врага, чтобы раздавить её с фланга, а Мюрат его поддержит. Езжайте!».¹⁸⁵ Вероятно, в то же время император выдвигает вперед дивизию Роге из Молодой гвардии; она должна была «подкрепить» войска 1-го и 3-го корпусов, уже перешедшие Семёновский овраг.¹⁸⁶

Во время рекогносцировки Наполеон оказался в расположении 2-й пехотной дивизии. Проезжая рядом с солдатами Фриана, он спросил, кто ими «командовал в то время». Ему ответили, что, несмотря на рану, командует по-прежнему Фриан. «Хорошо, — сказал Наполеон, — я спокоен: пусть делает, как знает».¹⁸⁷ Но Фриану не долго оставалось находиться на поле боя. В 4 часа русская пуля пробила насквозь бедро генерала и, окровавленный, он был унесен в амбуланс. В командование 4-й дивизией вступил Дюфур.¹⁸⁸

Французский историк Тири утверждает, что командование дивизией Фриана принял начальник штаба 2-й дивизии штабной полковник П. Галише. В литературе даже описывается следующий эпизод. В тот момент, когда раненый Фриан был унесен в госпиталь, подоспел Мюрат. Русская пуля прошла между ним и Галише. «Здесь не очень-то приятно», — сказал с улыбкой Мюрат. «Между тем, мы останемся», — произнес в ответ Галише и после этого принял командование над 2-й дивизией.¹⁸⁹ По мнению французских историков Тири, Транье и Карминьяни, это произошло в полдень, что явно не согласуется с материалами, исходящими от 2-й дивизии, согласно которым Фриан продолжал командовать вплоть до 4-х часов. В 4 часа, сразу после ранения, по утверждению Дюфура, Фриан позвал его, и сам передал командование дивизией.

После сильной канонады Наполеон вновь приказывает войскам двигаться вперед. «В это время иссяк огонь неприятельской артиллерии, — писал Мюрат в рапорте, — и у них отняли последнюю позицию, которая находилась перед левым флангом 3-го корпуса. Я приказал дивизии Фриана продвинуться». Около 5 часов дивизия Фриана смогла занять холм, располагавшийся перед д.Семёновское, и оттеснила русских до леса.¹⁹⁰ «Противник был опрокинут, бросился в лес, — продолжает Мюрат, — отвел свою артиллерию; вся равнина была очищена, и эта позиция была отнята». Иначе пишет об этом Пельпор: «Это наступательное движение было сделано если и не в порядке, то, по крайней мере, согласованно. Их бесформенные и изуродованные нашей артиллерией массы не были рассеяны. 3-й корпус, ослабленный усилиями, которые должен был делать, был обессилен, чтобы преследовать их отход».¹⁹¹

По словам Пеле, русские «составили новую линию», их орудия, расположенные в Горкинских укреплениях, вели оживленный огонь во фланг, «поражая французские корпуса всякий раз, как только они выходили из линии». Наполеон, и в этот раз не добившись решительного успеха, вновь отправился в рекогносцировку, повторяя, что победа «не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать». Но сил для новой атаки уже не было. Наполеон, задержавшись в первой линии войск, вероятно в расположении дивизии Фриана, подвергал себя большой опасности,¹⁹² но уже не мог что-либо изменить.

Артиллерийская стрельба ещё продолжалась, но всё более ослабевала. Пехота и кавалерия оставались на занятых позициях, только застрельщики, например 111-го полка, еще продолжали вести бой до глубокой ночи. Около 6 вечера солдаты 33-го полка заметили, что русские войска, находившиеся возле леса, снимаются с позиции. Тогда подразделение 33-го, во главе с

**Мартине. Сражение при Москве-реке,
7 сентября 1812 г.**

капитаном Мишелем, рассыпавшись в стрелки, стали медленно продвигаться вперед, дойдя до кустарников у кромки леса. Здесь они остановились, «боясь попасть в засаду». Генерал Дедем немного позже лично возвратил их обратно, потеряв при этом свою лошадь.¹⁹³ Бой в районе д. Семёновское полностью закончился.

Итак, ход и результативность боя за Семёновские высоты серьезно отличались от того, как это было изначально задумано Наполеоном. Это было вызвано не только ожесточенным сопротивлением русских, что в значительной степени уравновешивалось отчаянной отвагой французов и их союзников, но и рядом других обстоятельств.

Во-первых, сказалась недостаточная согласованность в действиях войск 1-го корпуса с другими соединениями. Понятовский, от которого ожидали более успешных действий, не смог в срок выполнить поставленную перед ним задачу. Вследствие этого войска Даву не только должны были вести интенсивный бой с русскими стрелками в Утицком лесу, но и не могли совершить захождение влево своим фронтом. Для исправления ситуации в Утицкий лес пришлось направить части вестфальцев, и это окончательно лишило Даву и Нея каких бы то ни было пехотных резервов. Поэтому в 10 часов Наполеон был вынужден задействовать дивизии Фриана и Клапареда, а Мюрат бросил в бой почти всю тяжелую кавалерию резерва, действия которой не могли быть столь эффективными, как на то первоначально рассчитывали.

Во-вторых, хотя 5-й дивизии и удалось сразу захватить южный люнет, но отстоять его в одиночку оказалось практически невозможно. Большая часть сил 5-й и 4-й дивизий была отвлечена на борьбу в Утицком лесу и на опушке леса. Поэтому войскам Нея пришлось изменить первоначальное направление своей атаки и броситься на помощь 5-й дивизии. Вообще, хотя дивизия Компана и имела опыт во взятии вражеских укреплений, но была значительно ослаблена в предыдущих

боях, следуя в авангарде, а затем 5 сентября сражаясь за Шевардинский редут.

В-третьих, русские смогли достаточно быстро перебросить свои войска с соседних участков в район Семёновских укреплений. Французы не смогли создать в этом пункте решающего превосходства сил и раздавить противника. Хотя и с большими потерями, русские парировали все удары, сами постоянно бросаясь в контратаки. Несмотря на то, что переброска русских войск на этот участок обнажала другие пункты их боевой линии, французы не сумели этим воспользоваться. На парадоксальность ситуации обратил внимание А.И. Попов: «Боевые порядки противоборствующих армий «лопнули» одновременно в одном и том же месте!».¹⁹⁴

В-четвертых, на ход боевых действий оказало влияние целое море частных факторов. Так, если Компан и Дессэ, благодаря подходу к рубежу атаки через Утицкий лес смогли до некоторой степени уберечь своих солдат от чрезмерных потерь, то это одновременно вызвало и проблемы – некоторую дезорганизацию строя и необходимость отвлечь силы для малоэффективной борьбы с русскими егерями. К частным факторам можем отнести и то, что большинство начальствующего состава дивизий Даву уже в начале боя было выведено из строя. Хотя это и не привело к большой дезорганизации дивизий, но, несомненно, вызвало заметный беспорядок и ослабило энергичность действий.

Особенности боя, развернувшегося на небольшом пространстве, скудность войск и ожесточенность борьбы не могли не оказать мощного психологического воздействия на бойцов. Многие их действия были далеко не всегда осмысленными, но выполненными либо под влиянием внутренних рефлексивных, внедренных в физиологию человека механизмами Великой армии, либо же вообще не поддающимися под какое-либо рациональное объяснение и совершенными под воздействием не поддающихся учету внешних и внутренних импульсов.

К. Ланглюа. **Сражение под Москвой, 7 сентября 1812 г.**

Примечания

¹ Описание сражения при селе Бородино... // Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1962 (далее: Бородино). С. 134-141.

² Отечественные записки. 1822. № 28. С. 145-193.

³ Васильев А.А., Ивченко Л.Л. Девять на двенадцать, или повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6-7. С. 62-67. См. также: Ивченко Л.Л. Бородино. Легенда и действительность. М., 2002; Её же. Бой за Семёновские высоты // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 121-143; Попов А.И. Бой за деревню Семеновское // Бородино. Материалы научной конференции. 1993. Бородино, 1993. С. 54-62; его же. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994. С. 42-51; его же. Боевые действия в центре Бородинского поля // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 229-251; его же. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; его же. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 46-64; его же. «Немного левее центра...» (действия отряда Сиверса в Бородинском сражении) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

⁴ Рапорт И. Мюрата о сражении под Москвой. Можайск, 9 сентября 1812 г. (далее: Рапорт Мюрата); Рапорт М. Нея о Бородинском сражении. Возле Бородина, Можайская дорога, 9 сентября 1812 г. (далее: Рапорт Нея); Рапорт Ю.Понятовского о Бородинском сражении. Поле сражения, 10 часов вечера 7 сентября 1812 г. (далее: Рапорт Понятовского) // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P. 125-139; Рапорт 57-го линейного полка; рапорт 61-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; рапорт сводных вольтижеров дивизии Компана. 6 сентября 1812 г.; рапорт 111-го линейного полка. 6 сентября 1812 г.; ведомость потерь 111-го линейного полка за 5 сентября, составленная 30 сентября 1812 г.; записка генерала Компана о сражении за Шевардинский редут. 5 сентября 1812 г.; рапорт 111-го линейного полка за 7 сентября, составленный 1 октября 1812 г.; рапорт 61-го

линейного полка о сражении 7 сентября; записка генерала Компана о сражении 7 сентября // Ternaux-Compans H. Le général Compans. P., 1912. (далее: Ternaux-Compans). P. 175-176, 184-185; 344-359; Рапорт полковника де Чюди о бое 5 сентября // Борре P. Les Espagnoles à la Grande Armée. Paris-Nancy, 1899 (далее: Борре). P. 147. Note 1; Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка // Chuquet A. Lettres de 1812. Sér. 2. Paris, 1911. P. 61 (далее: Chuquet. Lettres. 2); Рапорты вестфальского военного министра графа фон Хене королю Вестфалии Жерому о Бородинском сражении, 8 октября 1812 г. // Ibid. Sér. 1. P. 71-75 (далее: Chuquet. Lettres. 1).

⁵ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. Publ. par S.E.M. Goriainow. Paris, 1913 (далее: Lettres); Du Casse A. Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. T. 7. Paris, 1860 (далее: Du Casse A.); D'Eckmühl A.L. (de Blocqueville). Le maréchal Davout, prince D'Eckmühl. T. 3. Paris, 1880 (далее: D'Eckmühl); Chuquet A. 1812. Notes et documents. Sér. 1-3. Paris, 1912 (далее: Chuquet 1812); Ternaux-Compans. P. 185-186; Napoleon I. The Letters of Napoleon to Marie-Louise. London, 1935 (далее: Napoleon I. The Letters).

⁶ «Дорожный дневник» А.О.Л. Коленкура // Caulaincourt A.A.L. Mémoires. T. 1. Paris, 1933 (далее: «Дорожный дневник» Коленкура); Castellane E.V.E.B. Journal. T. 1. Paris, 1895 (далее: Castellane); Fantin des Odoards L.F. Journal. Paris, 1895 (далее: Fantin des Odoards); Bonnet. Journal // Carnet de la Sabretache. 1912 (далее: Bonnet); Gardier L. Journal de la Campagne de Russie en 1812. Paris, 1999 (далее: Gardier); Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. № 11. С. 467-479 (далее: Фоссен).

⁷ Bourgeois R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. Paris, 1814 (далее: Bourgeois); Labaume E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1814 (далее: Labaume); Rapp J. Memoires. London, 1823 (далее: Rapp); Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. Paris, 1825 (далее: Gourgaud); Fain A.J.F. Manuscrit de 1812. T. 2. Paris, 1827 (далее: Fain); Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques... T. 2. Bruxelles, 1827 (далее: Bausset); Denniée P.P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris, 1842 (далее: Denniée); Lejeune L.F. Souvenirs d'un officiers de l'Empire. Paris, 1850 (далее: Lejeune); Friant J.F. La vie militaire

du lieutenant-général comte Friant. Paris, 1857 (далее: Friant); Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. T. 2. Paris, 1857 (далее: Pelleport); Fézensac M. Souvenirs militaires. Paris, 1863 (далее: Fézensac); Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires // Bertin G. La campagne de 1812 d'après des témoins oculaires. Paris, 1895 (далее: Girod de l'Ain); Pajol, général en chef... T. 3. Paris, 1874 (далее: Pajol); Brandt H. Souvenirs d'un officiers polonais. Paris, 1877 (далее: Brandt); Pion des Loches A.A. Mes campagnes. Paris, 1889 (далее: Pion des Loches); Thirion de Metz A. Souvenirs militaires. 1807-1818. Paris, 1892 (русское изд.: Тирион де Мец. 1812 год. Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года. СПб., 1912 (далее: Тирион де Мец); Boulart J.F. Mémoires militaires. Paris, 1894 (далее: Boulart); Le Roy C.F.M. Souvenirs // Mémoires de la Société Bourguignonne de geographic et d'histoire. T. 29. Dijon, 1894 (далее: Le Roy); Seruzier T.J.J. Mémoires militaires. Paris, 1894 (далее: Seruzier); Planat de la Faye N.L. Vie de Planat de la Faye... Paris, 1895 (далее: Planat de la Faye); Bourgogne A.J.B.F. Mémoires du sergent Bourgogne (далее цит. по этому изданию или по: The Memoires of Sergeant Bourgogne. 1812-1813. London-Melbourne-New York, 1979); Dutheillet de Lamothe A. Mémoires. Bruxelles, 1899 (далее: Dutheillet de Lamothe); Mémoires du général Dedem de Gelder. Paris, 1900 (далее: Dedem de Gelder); Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. Paris, 1901 (далее: Biot); Teste F.A. Souvenirs // Carnet de la Sabretache. 1911 (далее: Teste); Bro L. Mémoires du général Bro. Paris, 1914 (далее: Bro); Caulaincourt A.A.L. Mémoires. T. 1. Paris, 1933. (далее: Caulaincourt); Dumonceau F. Mémoires. T. 1. Bruxelles, 1958. (далее: Dumonceau); Воспоминания генерала Ж.М. Пернети о Бородинском сражении // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография // Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 224-228 (далее: Пернети); Burkersroda. Die Sachen in Rußland. Naumburg, 1846 (далее: Burkersroda); Roth von Schreckenstein. Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Münster, 1858 (далее: Roth von Schreckenstein); Suckow K. D'Éna à Moscou. Fragments de ma vie. Paris, 1901 (далее: Suckow); Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912 (далее: Роос); Лоссберг. Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. Кн. 1. Приложение (далее: Лоссберг); Vossler H.A. With Napoleon in Russia. 1812. London, 1969 (далее: Vossler); Soltky R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris, 1836 (далее: Soltky); Kołaczkowski K. Wspomnienia. T. 1. Kraków, 1898 (далее: Kołaczkowski).

⁸ Начало первой рекогносцировки нередко относят к 6 утра (инспектор смотров в кабинете начальника Главного штаба Великой армии П.П. Деннье, историки А.Тьер, П.Б. Остин); Ж.Ж. Пеле, штабной полковник, состоявший при помощнике начальника Главного штаба по пехоте, пишет – «рано утром», Б. Кастеллан, капитан в Главном штабе, – «в ранний час», Л. Лежен, адъютант маршала Л.А. Бертье, начальника Главного штаба Великой армии, – «с первыми проблесками дня», Ф.П. Сегюр, главный квартирмейстер Главной квартиры Наполеона, – «с раннего утра», Г. Брандт, капитан Легиона Вислы – «с первыми лучами солнца», П. Пельпор, командир 18-го линейного полка, – «в 2 утра». По всей видимости, более следует доверять свидетельствам Коленкура. В его «Дорожном дневнике» записано: «6-го, император сел на Эмбелли (лошадь. – В.З.) в 2 часа утра, едет на редут, захваченный накануне» («Дорожный дневник» Коленкура. P. 424. Note 1). В мемуарах обер-штабмейстер пишет так: «Император посетил наши биваки в течение ночи, посетил русский редут» (Caulaincourt. P. 427). В 18-м бюллетене также обозначено 2 часа утра. В литературе этот час упоминают только у американского историка К. Кэйта.

⁹ 6 сентября в районе Москвы по местному времени восход солнца в 5 ч. 13 мин. (от этого времени следует вычесть примерно 60 мин. предрассветных сумерек).

¹⁰ Lejeune. P. 205.

¹¹ Пеле Ж.Ж. Бородинское сражение // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1872. Кн. 1. М., 1872. С. 62 (далее: Пеле); «Дорожный дневник» Коленкура. P. 424. Note 1; Попов. Бородинское сражение. С. 14-23.

¹² Пеле. С. 62.

¹³ Kołaczkowski. S. 119; Пеле. С. 62. У нас остались большие сомнения, объяснил ли Наполеон данную диспозицию Понятовскому сразу после первой рекогносцировки, либо после второй, что не менее вероятно. Воспоминания и «Дорожный дневник» Коленкура также не дают ясной картины.

См. любопытное, но вызывающее сомнения, свидетельство русского офицера А.А. Шербинина, который уверял, будто во время бегства Наполеона русские захватили две диспозиции за подписью Бертье от 6 сентября. По первой, Понятовский должен был наступать в районе Семеновского оврага, по второй – наступать в обход через Утицу (Бородино. С.397). Среди сохранившихся материалов эти два документа не выявлены. Частная диспозиция Понятовскому на 7 сентября не сохранилась.

¹⁴ Пеле. С. 60; Fain. P. 7-8. Без сомнения, рекогносцировки частных начальников и «снятие местности» производились еще в предшествующий день и рано утром 6-го. Например, Э. Лабом, капитан-инженер-географ 4-го армейского корпуса, в 2 часа ночи был разбужен начальником штаба 4-го корпуса бригадным генералом А.Ш.П. Гийемино. Последний объявил, что Наполеон желает получить план местности, снятый вчера. А на рассвете 6-го Лабом вновь уже был за работой, уточняя свои прежние кроки.

¹⁵ Denniée. P.67. По-видимому, когда 1-я рекогносцировка только началась, Наполеон, увидев, что русские войска не ушли, не исключал возможность, что днем неприятель постарается захватить оставленную 5 сентября позицию, «или по крайней мере ту территорию, которую он уступил полякам. Таким образом, завяжется бой» (Caulaincourt. P. 423).

¹⁶ Denniée. P. 67; Caulaincourt. P. 423.

¹⁷ Bausset. P. 90.

¹⁸ Caulaincourt. P.423. В мемуарах Коленкура события 5-го и 6-го сентября оказались слиты, так что приезд Фавье у него приходится на время перед штурмом Шевардинского редута.

¹⁹ Нетерпеливая непокорность

Компаньона Павла Эмилия
Обеспечила весь успех Ганнибалу.

О беседе с Фавье см.: Caulaincourt. P. 423; Пеле. С. 62; Gourgaud. P. 212-213; Fézensac. P. 30; Brandt. P. 35; Fain. P. 9-10. О том, что «мурлыкал» Наполеон см.: Fain. P. 9-10. В.А. Мильчина, автор комментариев к недавнему русскому изданию Ж. де Сталь интерпретирует этот эпизод иначе. Она полагает, что битва при Каннах вспомнилась Наполеону в связи с ошибками Мармона при Саламанке. Мы согласны, что эта интерпретация выглядит не менее убедительной, чем наша (Сталь Ж. Десять лет в изгнании. М., 2003. С.290. Примеч. 163).

²⁰ Caulaincourt. P. 423-424; Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969. P. 137 (далее: Thiry).

²¹ Иногда этот сюжет из воспоминаний Раппа интерпретируется так, будто в поездку отправился Бертье. Из оригинального текста следует, что речь идет о Наполеоне (Rapp. P. 200-201).

²² Адъютант главнокомандующего 2-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли А.Н. Муравьев вспоминал, что в тот день «кое-где» раздавались картечные выстрелы: стреляли по Наполеону, объезжавшему русские позиции (Бородино. С. 375).

²³ Denniée. P. 69. Видимо на основании этой фразы Деннье американский историк Дж. Нафziger строит предположение, что в ходе второй рекогносцировки Наполеон старался установить, есть ли промежуток между Багратионовыми «флешами» и правым русским флангом, где стоял 3-й пехотный корпус (Nařiger G. Napoleon's Invasion of Russia. Novato, 1988. P. 223). Слова об «облическом загибе» у Деннье следует воспринимать не в том смысле, что крайний левый фланг русских был «загнут» к Утице благодаря размещению 3-го корпуса, а в том смысле, что уже от Новой Смоленской дороги вся русская линия загибалась, опираясь левым флангом на Багратионовы «флешы».

²⁴ Rapp. P. 201.

²⁵ А.Б.Ж. Дедем Ван де Гельдер, командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии, отмечал в мемуарах, что Наполеон не имел в Бородинском сражении «решительных результатов вследствие отсутствия хороших карт и полного незнания местности». На то, что Наполеон допустил ошибки в своих оценках местности, указывал и Пеле (Dedem de Gelder. P. 240; Пеле. С. 65).

²⁶ Denniée. P. 70; Lejeune. P. 206. Справедливости ради нужно отметить, что Лежен, вероятно, подробно рекогносцировал только центральный участок линии, уделял основное внимание району с. Бородино и Горкинским укреплениям, вид которых действительно был впечатляющим.

²⁷ Bulletins official. P. 100; Fain. P. 13-14. В 1817 на о. Св. Елены, пытаясь оправдать нерешительные результаты Боро-

динского сражения, Наполеон скажет Г. Гурго: «В сражении при Москве я сделал ошибку, атаковав русские укрепленные позиции. Фактом было то, что я жаждал великого сражения с армией, которая могла маневрировать позади системы хороших редутов, и которую нельзя было атаковать. В подобном случае можно действовать исключительно путем маневра, обходя вражеские позиции» (Цит. по: Austin P.V. The March on Moscow. London, 1993. P. 399. Note 10).

²⁸ Bulletins officiels. P. 100; Napoléon I. Correspondance. P., 1868. T. 24. P.207 (далее: Correspondance); Fain. P. 14; Napoleon I. P. 97; Fezensac. P. 30.

²⁹ Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г. М., 1997. Конечно, эти расчёты также нельзя считать окончательными. Так, как установили В.А. Бессонов и А.И. Попов, при Бородине не было двух казачьих полков В.А. Быхалова 1-го и Д.Д. Комисарова 1-го, которые находились у с. Воскресенского Боровского уезда.

³⁰ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1838. T. 2. P. 33 (далее: Chambray); Пеле; Fabry G. Campagne de Russie (1812). T. 4. Paris, 1903 (далее: Fabry); Васильев А.А., Попов А.И. Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002. С. 37; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Изд. 3-е. М., 2008. С. 166.

³¹ Пеле. Прим. «Д». С. 105; Friant. P. 231-232.

³² Guillaume de Vaudoncourt F.F.G. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. London, 1815. P. 177-178 (далее: Guillaume de Vaudoncourt); Esposito V.J., Elting J.R. A Military History and Atlas of the Napoleonic Wars. N.Y., Wash., 1964. Mar. 116. Ж. Гарнье явно не прав, утверждая обратное (Garnier J. Borodino // Dictionnaire de Napoléon. Paris, 1987. P. 269-270).

³³ Chuquet A. 1812. 2. P. 53-54. Шюке ссылается на Э.Д. Паскье, известного деятеля и мемуариста Первой империи.

³⁴ Цит. по: Chandler G. On the Napoleonic Wars. N.Y., 1966. P. 111.

³⁵ Текст общей (генеральной) диспозиции приводится в «Correspondance» (Correspondance. P. 206-207), у Шамбрэ (P. 56), Фэна (P. 72-73) и Пеле (С. 99); подробное изложение дает Деннье (P. 72-73). У Пеле текст общей диспозиции помещён за подписью Бертье с удостоверяющей подписью начальника штаба 1-го корпуса Ж.Л. Ромёфа, и с указанием времени – 5 часов вечера. Все остальные тексты без подписи и без указания часа. Приказы Мюрату (с указанием времени – 4,5 часа), Богарне (5 часов), главнокомандующему артиллерией Великой армии Ж.А.Б. Ларибуазьера (5 часов), генерал-интенданту М. Дюма (5 часов) приводятся у Пеле. Дю Касс (Du Casse A. P. 466-467) воспроизводит приказ, направленный Бертье принцу Евгению, во многом совпадающий с текстом Пеле, но помеченный 5 часами утра (!). По всей видимости, приказы, помеченные 4,5 и 5 вечера, были отданы Наполеоном устно во время второй рекогносцировки, а затем оформлены Бертье в письменном виде. Часть из них (общая диспозиция определено) была продублирована в письменном виде под диктовку самого Наполеона вечером 6 сентября (по свидетельству Деннье, между 9 и 10 часами вечера Наполеон продиктовал их нескольким офицерам Квартиры и кабинета Главного штаба). О положениях приказа для 3-го армейского корпуса маршала М. Нея можем судить по его рапорту о сражении (Рапорт Нея. P. 134-135). Сохранились частные приказы: приказ, отданный Даву для трех дивизий 1-го корпуса (Chuquet. 1812. 1. P. 69-70), приказ 3-му корпусу резервной кавалерии Э. Груши (в виде дружеского послания от О.Д. Бельера, начальника штаба Мюрата), помеченный 5 часами вечера (Grouchy. Mémoires. Paris, 1873. T. 3. P. 54); а также изложения частных приказов (скажем, приказа 4-й пехотной дивизии Ж.М. Дессэ со слов его адъютанта Ж.Ш.Ф. Жиро де л'Эна). Следует принять во внимание и то, что многие приказы и уточнения Наполеон дал устно во время рекогносцировок (скажем, Понятовскому и Богарне), вечером и ночью в своей палатке; последние инструкции были даны устно 7 сентября у Шевардинского редута.

³⁶ Ф.А. Тест, командир 2-й бригады 5-й пехотной дивизии, например, писал, что «каждый корпус французской армии получил приказ на сражение только в отношении того, с какой точки он должен будет принять участие» (Teste. P. 667).

³⁷ Fain. P. 17; Пеле. С. 72; Their L.A. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. 14. Paris, 1856. P. 309-311 (далее: Their); Thiry. P. 141. Американский исследователь Рьен, неверно поняв роль

Бригадный генерал Ш.С. Марион (1758-1812)

В 80-х гг. XX в. во время раскопок проводимых Бородинским музеем на северной «флеши» были обнаружены останки бригадного генерала и адъютанта.

По всей видимости генерал был убит картечным выстрелом. Сотрудники музея сделали предположение, что эти останки принадлежат бригадному генералу К.А. Комперу. Однако найденные в 30 м от генерала останки офицера 72-го линейного полка и многочисленные пуговицы того же полка, позволяют сделать вывод о том, что были обнаружены останки генерала Мариона, командира 2-й бригады 10-й пехотной дивизии, погибшего 7 сентября. Но лишь более точный анализ находок с места раскопа позволит нам сделать достоверные выводы о принадлежности останков генералу Комперу или Мариону

войск Богарне и Понятовского, утверждает, что ни тот, ни другой не имели достаточно сил, чтобы эффективно выполнять свои задачи (Rhien R.K. 1812. Napoleon's Russian Campaign. N.Y., 1990. P. 245).

³⁸ Об этой встрече пишет Фэн (пишет и генерал П. Бертезен, но он, как известно, не был участником сражения), но наиболее детально разговор передан Гурго. Судя по всему, эта встреча произошла вечером в палатке Наполеона, когда уже были отданы письменные приказы. Это видно хотя бы из того, что в тексте общего приказа на сражение значится: «Генерал Компан идет вдоль леса».

³⁹ Gaugaud. P. 216-217. Note.

⁴⁰ Общая диспозиция; Приказ для Ларибуазьера; Пеле. С. 72; Chambray. P. 47-48; Thiers. P.3 12-313.

⁴¹ Общая диспозиция; Приказ для войск Даву; Приказ Даву войскам 3-х дивизий 1-го корпуса.

⁴² Общая диспозиция; Приказ для войск Даву; Пеле. С. 72; Fain. P. 18.

Дивизионный генерал О.Д. Бельяр (1769-1832)

⁴³ Подсчеты Богдановича, Геруа и Кукеля сходятся на цифре 102 орудия. Цифра в 100 орудий указана в донесении Кутузова Александру I, подготовленном Толем (Бородино. С. 136). Некоторые авторы (Чандлер, Нафziger) пишут о 120 орудиях, не уточняя, включают ли они сюда орудия батарей Богарне, или нет.

⁴⁴ См., например, воспоминания Ж.Т.Ж. Серюзье (Seruzier. P. 202, 208). Несмотря на завиральный стиль его мемуаров, сам факт создания таких батарей вряд ли вызывает сомнения. Лейтенант 1-й вюртембергской батареи К.В. Фляйшман пишет, что она действовала вместе с 5 батареями Серюзье, а всего орудий было 36 (Попов А.И. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. М., 1997. С. 14-15).

⁴⁵ Попов А.И. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 55-58; его же. Французские укрепления на Бородинском поле // Воин. 2004. № 16. С. 46-48.

⁴⁶ Рассчитано по данным Fabry, Chambray, Пеле и по другим, более фрагментарным, материалам.

⁴⁷ Подсчеты выполнены по кн.: Fabry, Chambray, Пеле. Приложение. Биографы генерала Дессэ приводят следующую численность 4-й дивизии на 1 сентября: под ружьем всего было не 6.054 человека, а 6.337 (Dessaix J., Folliet A. Le general Dessaix. Chambray-Paris-Gênève, 1879. P. 246 (далее: Dessaix, Folliet).

⁴⁸ Численность войск дана на 2 сентября на основе переписки по материалам Пеле и Шамбрэ.

⁴⁹ Состав и численность кавалерии даны по: Васильев А.А. Кавалерия Наполеона в Бородинском сражении. Боевое расписание на 5-7 сентября 1812 г. // Цейхгауз. № 4. С. 13-15; № 5. С. 13-15; № 6. С. 25-27.

⁵⁰ Подсчитано по: Бородино. С. 136, 181, 379; Богданов А.П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962. С. 104-107, 109-112; Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // Там же. С. 120-122.

⁵¹ О Багратионовых «флешах» см.: Богданов А.П., Свиридов Н.Г. Багратионовы флешы и батарея Раевского // 1812 год. К столетию Отечественной войны. С. 290-294; Нефедович А.В. Укрепления на Бородинском поле сражения 1812 г. // Инженерный журнал. 1912. № 8. С. 936-967; Поли-

Дивизионный генерал П.Ж. Брюйер (1772-1813)

карпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 г. М., 1911. Вып. 2. С. 19-20 (далее: Поликарпов); Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле. М., 1903. С. 123. Впрочем, на зарисовке, сделанной Фабер дю Фором 17 сентября 1812, изображены рогатки, прикрывающие горжу южного люнета.

⁵² Пеле. Приложение. С. 116.

⁵³ Бородино. С. 336, 370; Попов А.И. Меж двух «вулканов». С. 5-7.

⁵⁴ Рапорт Нея. P. 135; Suckow. P. 178; Роос. С. 108-111. Лейтенант Зукков из 25-й пехотной дивизии пишет: «6 сентября, к полудню, разбили наш бивак, в великолепный осенний день, в двух шагах от поля сражения, разыгравшегося на следующий день. С места, которое занимали, мы отчетливо видели редуты, которые враг возводил впереди своего фронта».

⁵⁵ Rajol. P. 41; Vossler. P. 59; Роос. С. 108-111.

⁵⁶ Рапорт Жерара; Рапорт Богарне. P. 131.

⁵⁷ Boulart. P. 252.

⁵⁸ Часть гвардейской артиллерии, которая должна была разместиться на стационарных батареях, действительно могла передвинуться к передовым позициям вечером 6 сентября.

⁵⁹ См.: Попов А.И. Бородинское сражение. Боевые действия на северном фланге. Самара, 1994. С. 7-28.

⁶⁰ Ф. Дюмонсо из 2-го гвардейского шволежерского полка пишет, что было несколько ружейных выстрелов на аванпостах, а адъютант Дессэ Жиро де л'Эн даже утверждает, что весь день «ни разу не стреляли». В том же духе писал и Ф.В. Лосберг из вестфальского 3-го линейного полка. Они ошибались.

⁶¹ Caulaincourt. P. 423; Friant. P. 231-232; Бородино. С. 92, 109, 135, 173; Поликарпов. С. 80-82.

⁶² Исполняющий должность дежурного генерала в главной квартире Кутузова полковник П.С. Кайсаров писал главнокомандующему Москвы Ф.В. Ростопчину 7 сентября: «Неприятель занимал нас перестрелкой на левом фланге, ограничиваясь только демонстрацией на оной, которым противопоставлены были движения наших войск». В черновике «Описания...» Толя написано, что 6 сентября «в вечеру» на правом неприятельском крыле замечены разные движения, после чего Кутузов приказал Тучкову идти на левое крыло (Бородино. С. 92, 173). Полагаем, что историками до сих пор до конца не решен частный, но исключительно важный вопрос, о времени и целях переброски корпуса Тучкова в район Утицы.

⁶³ Napoleon I. The Letters of Napoleon. P. 95.

⁶⁴ Согласно Фэну, Наполеон даже садился на лошадь и проехал вперед, к передовой линии. Коленкур об этом не пишет ни в мемуарах, ни в «Дорожном дневнике». События этой ночи, связанные с Наполеоном, чрезвычайно запутаны. Подробности, которыми столь обильно насыщены воспоминания Раппа и Сегюра, находят только частичное подтверждение при сопоставлении с массой других материалов. Наиболее достоверно выглядят на этом фоне свидетельства «Дорожного дневника» Коленкура (Р. 432. Note 1), Пеле (С. 73-74), Солтыка (Р. 213-214), Шамбрэ (Р. 46-47), Каstellана (Р. 148). Фэн, хотя и опровергает Раппа, утверждая, что не Рапп, а О. Коленкур был в ту ночь дежурным генерал-адъютантом, сам явно смещает час выезда Наполеона к редуту, относя его к 5 утра (Fain. 18-19. Note 1).

⁶⁵ Brandt. P. 36; Bourgogne. P. 7-8; Dumonceau. P. 133; Bourgeois. P. 44; Bullutins officiels... P. 101.

⁶⁶ Guillaume de Vaudoncourt. P. 180-181; Бородино. С. 112, 361.

⁶⁷ «Дорожный дневник» Коленкура. Р. 432. Note 1.

⁶⁸ Dumonceau. P. 133. Шамбрэ также отмечает, что Молодая гвардия и гвардейская кавалерия последовали на позиции сразу после отъезда императора; из его текста ясно, что он относит это ко времени между 2.30 и 3.00 (Chambray. P. 46-47).

⁶⁹ Biot. P. 33; «Дорожный дневник» Коленкура. Р. 432. Note 1.

⁷⁰ «Дорожный дневник» Коленкура. Р. 432. Note 1; Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка. Р. 61; Приказ трём дивизиям корпуса Даву.

⁷¹ Correspondance. P. 206-207; Chuquet. 1812. 1. P. 69-70; Пеле. С. 100-101.

⁷² Записка генерала Компана. Р. 184; Компан – жене. 7 сентября 1812 г. // Ternaux-Comrans. P. 185; Рапорт 61-го линейного полка. Р. 357; Рапорт 57-го линейного полка. Р. 435; Рапорт 111-го линейного полка. Р. 359; Dutheillet de Lamothe. P. 42.

⁷³ Пеле. С. 100-101; Thiry. P. 137.

⁷⁴ Chuquet A. 1812. 1. P. 69; Girod de l'Ain. P. 79; Teste. P. 667; Пеле. С. 73-74; Записка генерала Компана. Р. 184.

⁷⁵ Boulart. P. 253-254; Chambray. P. 347. Note 1; Записка генерала Компана. Р. 184; Gardier. P. 48.

⁷⁶ Исторический рапорт о кампании 1812 г. 48-го линейного полка; Журнал дивизии Фриана // Chuquet A. 1812. 2. P. 50; Teste. P. 667; Пеле. С. 72, 100-101; Friant. P. 233. В приказе о построении 5-й и 4-й дивизий, продиктованном Даву Ромёфу, ничего не говорится о войсках Фриана. Не исключено, для 2-й дивизии был отдан отдельный приказ, текста которого нет. Возможно, приказ был устным. Но еще более возможным было то, что Даву вообще не отдавал никакого приказа для дивизии Фриана, которая, подобно двум другим дивизиям, была изъята императором из-под командования маршала. Даву должен был рассчитывать в выполнении тяжелейшей задачи только на две из пяти своих дивизий!

⁷⁷ Ворре. P. 147.

⁷⁸ Пеле. С. 100-101.

⁷⁹ Рапорт Нея. P. 134.

⁸⁰ Teste. P. 667. App.

⁸¹ Рапорт Понятовского. P. 137; Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Kraków, 1937. S.182.

⁸² Pion des Loches. P. 287-289.

⁸³ Teste. P. 669; Castellane. P. 149; Fain. P. 23; Brandt. P. 37; Пеле. С. 72; Тирион де Мец. С. 14.

⁸⁴ Пеле. С. 100; Рапорт Мюрата. P. 126; Chambray. P. 46, 55; Fain. P. 22; Castellane. P. 149; Pajol. P. 41; Teste. P. 667; Попов А.И. Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 65. Рот фон Шреккенштайн, служивший вторым лейтенантом в штабе 1-й бригады 7-й тяжелой дивизии 4-го кавалерийского корпуса, размещает корпуса несколько иначе: 4-й между 2-м и 1-м, и несколько уступом назад; кавалерию Хаммерштайна – позади левого фланга 8-го армейского корпуса, который построен впереди резервной кавалерии (Roth von Schreckenstein. S. 44, карта).

⁸⁵ Поднимавшееся тем утром солнце Бородина вызвало те же ассоциации и у простых старых солдат (Bro. P. 115).

⁸⁶ Фоссен. С. 470; Gardier. P. 48.

⁸⁷ Булар пишет, что Пантинье «был убит ядром рядом и даже позади нас, прежде чем его дивизия вышла в линию» (Boulart. P. 253-254).

⁸⁸ Некоторые американские историки (А. Палмер, В.Дж. Эспозито и Дж. Элтинг) объясняют это тем, что утренний туман «сделал атмосферу тяжелой, и ядра не достигали целей». Причина, конечно, была в другом. Артиллерийские эполементы были слишком далеко от русских позиций (так, например, считали Сегюр, Шамбрэ и Пернети; с ними были согласны Тьер, Богданович, Геруа, Кукель, Даффи, Т. Тарнье и Ж. Карминьяни, Кэйт и другие авторы). От батарей Сорбье и Пернети до Багратионовых «флешей» было не менее 1200 м, от батареи Фуше до Курганной высоты – примерно 1800, до укреплений д. Семёновское – до 1800 м. Очевидно, что если 12-фунтовые пушки и достигали «флешей», то огонь гаубиц был совсем неэффективен. Тем более, обстрел Курганной высоты и д. Семёновское был невозможен совершенно. Орудия пришлось срочно выкатывать из укреплений и передвигать вперед на открытое пространство. По словам Сегюра, «неприятель дал это сделать». Как далеко вперед были передвинуты батареи Сорбье, Фуше и Пернети? Современники событий об этом умалчивают. Богданович предположил, что их передвинули на расстоянии 1600 шагов от Багратионовых «флешей». Вслед за ним эту цифру указали Геруа и Нафziger. Возможно, это мнение более или менее верно. Чандлер, отмечая плохую штабную работу в отношении расположения батарей, замечает, что такая ошибка не могла бы произойти перед орлыными глазами Наполеона, если бы это было в дни его расцвета.

⁸⁹ Согласно Пеле (С. 74), уже у Каменского оврага солдаты Компана были встречены огнем русских стрелков. Рапорты полков и воспоминания участников атаки об этом умалчивают; они пишут о действиях русских застрельщиков только в лесу.

⁹⁰ О движении 5-й дивизии и, в частности, 57-го полка по лесу см.: Рапорт 57-го линейного полка. Р. 184; Teste. P. 669; Ternaux-Comrans. P. 187; Компан – жене. 7 сентября 1812.

⁹¹ Рапорт К.Ф. Левенштерна // Бородино. С. 183-184.

⁹² Записка генерала Компана. Р. 184-185; Компан – жене. 7 сентября 1812.

⁹³ Ж.А. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // Lettres. P. 38.

⁹⁴ Teste. P. 669.

⁹⁵ Dutheillet de Lamothe. P. 42.

⁹⁶ Рапорт 57-го линейного полка. Р. 346; Рапорт 111-го линейного полка. Р. 359. Встречается и иное написание фамилии майора Жаже – Яже (Yager), по нем. Ягер (Jaeger) (Lettres. P. 38). Гардье явно ошибался, утверждая, что «редут» был взят 25-м линейным полком.

⁹⁷ Dutheillet de Lamothe. P. 42-43. Мемуарист пишет о майоре Liegre или Liegue, сам путаясь в фамилии. Далее он повествует о том, что этот майор будет убит. В списках убитых и раненых офицеров этого полка (Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. Paris, 1899. P. 250-251; Рапорт 57-го линейного полка. Р. 347) майора Liegre нет. Есть майор Жаже/Ягер (Yager), раненый и вскоре умерший. Без сомнения, Дютейе де Ламот имел в виду майора Жаже.

⁹⁸ Рапорт 61-го линейного полка. Р. 357; Рапорт 111-го линейного полка. Р. 359; Рапорт 57-го линейного полка. Р. 246; Фоссен. С. 470-471; Dutheillet de Lamothe. P. 42.

⁹⁹ Записка генерала Компана. Р. 184; Dessaix J., Folliet A. P. 248.

¹⁰⁰ Girod de l'Ain. P. 81; Dessaix, Folliet. P. 228, 249, 254. Жиро де л'Эн ошибочно называет адъютанта Брейсана (Breissand) лейтенантом Маньяном (Magnan). Это исправлено биографами генерала Дессэ.

¹⁰¹ Фэн утверждает, что после ранения Компана 5-й дивизией временно командовал командир 1-й бригады генерал Ж. Дюпплен (Fain. P. 25). Не исключаем, что Дюпплен мог командовать дивизией уже после ранения самого Теста. Однако все известные материалы вообще умалчивают о его участии в сражении 7 сентября; накануне, 5-го, он был легко ранен (См., например: Компан – жене. 7 сентября 1812).

¹⁰² Пернети. С. 22; Даву – жене 8 и 20 сентября 1812 г. // D'Eckmühl. P. 168, 172; Бригадный генерал Леклерк, командир 1-й бригады дивизии Жерара – ? // Ibid. P. 169-170. Note 1;

Gourgau. P. 218; Vigier. Davout, maréchal d'Empire. T. 2. Paris, 1898. P. 96. В письме жене маршал уверял, что «оправился за 6 минут».

¹⁰³ Gourgau. P. 218. Note 1; Denniée. P. 75. Note 1; Castellane. P. 149; Fain. P. 25; Рапорт Мюрата. P. 127; Rapp. P. 204-205; Thiers. P. 323. Из рассказа майора Ле Руа (P. 157) не совсем ясно, был ли он тем офицером, который привез в императорскую ставку известие о ранении Даву, или нет.

¹⁰⁴ Vigier. P. 96; Рапорт Мюрата. P. 127.

¹⁰⁵ Girod de l'Ain. P. 81-82; Dessaix, Folliet. P. 249-250. Биографы Дессэ утверждают, что этот эпизод, описанный у Жиро де л'Эна, произошел на «втором редуте» и, якобы, также взят войсками Даву. Считаю, что текст самого мемуариста не дает никаких оснований для такого утверждения. Далее Жиро де л'Эн описывает смерть дю Бурже, однако биографы Дессэ утверждают, что это ошибка, и дю Бурже был убит только в конце сражения.

¹⁰⁶ Рапорт 57-го линейного полка. P. 346.

¹⁰⁷ Teste. P. 670; Dutheillet de Lamothe. P. 44; Ж.-А. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 // Lettres. P. 38. Шарьер счастливо вышел из того боя за южную «флешь»: он потерял только лошадь.

¹⁰⁸ Бородино. С. 342, 379, 184, 168, 358, 394.

¹⁰⁹ Рапорт Мюрата. P. 127; Rapp. P. 204; Suckow. P. 183-184; Рапорт Нея. P. 136; Пеле. С. 74; Chambray. P. 62. В рапорте Нея явная описка, которая ввела в заблуждение некоторых историков, например, Бугурлина. Вместо «редут слева» следует читать «редут справа». На это обратил внимание еще А.В. Геруа, а в наше время – А.И. Попов.

¹¹⁰ Holzhausen P. Die Deutschen in Rußland. 1812. Berlin, 1912. S. 88-89 (далее: Holzhausen); Suckow. P. 183.

¹¹¹ Рапорт 57-го линейного полка. P. 347. В письме Тошу-старшему (который, вероятно, был его хорошим другом, так как взял на себя непростой труд передать в Англию 600 франков брату Шарьера Андрэ, находившемуся там в плену) Шарьер писал: «Я был хозяином редута, который тот час же стал оспариваться неприятелем, и противник дважды атаковал, стараясь его вернуть. Но дважды был отбит» (Lettres. P. 38).

¹¹² Duthellet de Lamothe. P. 44.

¹¹³ Pelleport. P. 25.

¹¹⁴ Smith D. Borodino. Moreton-in-March, Gloucestershire, 1998. P. 63-64.

¹¹⁵ Лоссберг. С. 30.

¹¹⁶ Suckow. P. 179.

¹¹⁷ Fain. P. 25; Thyru. P. 144. Майор Ле Руа, прикомандированный к штабу Даву, и прибывший с поручением в ставку императора, уверяет, что слышал, как Наполеон сказал адъютанту: «Быстрее езжайте и скажите Нею, чтобы он двигался вперед!» (Le Roy. P. 157). Если это так, то получается, что известия о трудностях, с которыми столкнулись войска 1-го корпуса, заставили Наполеона поспешить с атакой 3-м и 8-м корпусами.

¹¹⁸ Рапорт Нея. P. 135; Bulletins officiels... P. 102; Bonnet. P. 658.

¹¹⁹ Рапорт Нея. P. 135; Suckow. P. 179-180; Bonnet. P. 658.

¹²⁰ Suckow. P. 180.

¹²¹ Pelleport. P. 25.

¹²² Попов. Меж двух «вулканов». С. 11; его же. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши. С. 44.

¹²³ Многие историки описывают этот бой даже в деталях, но у нас нет полной уверенности, что он произошел во время первой русской контратаки. Еще А.П. Скугаревский в свое время недоумевал, когда и кто перевел ахтырцев и новоросийцев к Семеновским укреплениям (Скугаревский А.П. Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., 1912. С. 45. Примеч.).

¹²⁴ Рапорт 57-го линейного полка. P. 346-347.

¹²⁵ Рапорт Нея. P. 135-136.

¹²⁶ Holzhausen. S. 88; Попов. Немецкие войска в бою за Багратионовы флеши. С. 44.

¹²⁷ Holzhausen. S. 88-89; Лоссберг. С. 38.

¹²⁸ Pelleport. P. 26.

¹²⁹ Bonnet. P. 658-659.

¹³⁰ Suckow. P. 184-185.

¹³¹ Стендаль. Прогулки по Риму // Стендаль. Собр. соч. Т. 12. М.-Л., 1949. С. 62.

¹³² Holzhausen. S. 90-91.

¹³³ Burkersroda. S. 10.

¹³⁴ Faber du Faure G. Campagne de Russie, 1812. Paris, 1895. Pl. LIV.

¹³⁵ Рапорт 61-го линейного полка о сражении 7 сентября. P. 357-358; Рапорт 111-го линейного полка. P. 358.

¹³⁶ Girod de l'Ain. P. 83.

¹³⁷ Dessaix, Folliet. P. 251.

¹³⁸ Girod de l'Ain. P. 83.

¹³⁹ Dessaix, Folliet. P. 251; Girod de l'Ain. P. 83. Полагаем, что замечание мемуариста об односторонних кирасах можно отнести либо на счет плохой памяти рассказчика, либо объяснить тем, что вместе с кирасами участие в атаке принимали и драгуны, не имевшие кирас вовсе, либо, наконец, предположить, что какие-то кирасирские части действительно имели односторонние кирасы, тем более, что об этом пишут и некоторые другие участники сражения. По-видимому, именно эту атаку русских кирасир описал в своих воспоминаниях Пернети: «Я увидел большой отряд русской кавалерии, выходящий галопом через проход между крайним редутом и тем, что был расположен левее. Так как поблизости у нас не было войск, способных нас поддержать, я подготовил мои орудия к отступлению, но они были настигнуты этой кавалерией, которая, проскакав галопом по батарее, зарубила несколько канониров, защищавшихся ганшпугами. В конце концов эти кавалеристы, не очень многочисленные, отошли в свою очередь под ударами нашей кавалерии и ускакали также галопом» (Пернети. С. 226).

¹⁴⁰ Rapp. P. 207. Пеле и Фэн утверждают, что Даву, Компан, Дессэ, Дюплен и Рапп «были поражены в четверть часа». Компан в письме жене пишет, что Рапп был ранен «через полчаса после того, как был послан Наполеоном командовать 5-й дивизией». Ближе к версии самого Раппа утверждение капитана Кастелана, который пишет, что генерал-адъютант получил четыре раны в течение часа. Сам Рапп написал 7 октября из Москвы: «Я получил четыре ранения за полтора часа. Первое – pistolетной пулей в руку; второе – выстрелом из пистолета в бедро; третье – ядром в левую руку, и четвертое – картечной пулей в левую ляжку. Это свалило меня с коня и вынудило меня покинуть партию. К счастью, ни одно из этих ранений ничего не раздробило» (Fain. P. 25; Пеле. С. 74; Компан – жене. 7 сентября 1812; Castellane. P. 149; Lettres interceptées. P. 335).

¹⁴¹ Girod de l'Ain. P. 84; Dessaix, Folliet. P. 252-254.

¹⁴² Girod de l'Ain. P. 85; Dessaix, Folliet. P. 255-256; Quintin D. et B. Dictionnaire des colonels de Napoléon. Paris, 1996. P. 33.

¹⁴³ Фоссен. С. 470-471; Gardir. P. 50.

¹⁴⁴ Рапорт 111-го линейного полка. P. 359. О том, что 111-й вынужден был держаться леса, который все-таки, худо или бедно, защищал от огня, свидетельствует рассказ Фоссена о лейтенанте Дечорери. Лейтенант был ранен пулей в правую руку, выронил шпагу, и побегал к перевязочному пункту. Однако вскоре оттуда вернулся и заявил, что «там падает столько же ядер, сколько у нас ружейных пуль, и остался у нас до вечера. На другой день он получил орден» (Фоссен. С. 471).

¹⁴⁵ Рапорт 57-го линейного полка. P. 347; Рапорт 61-го линейного полка. P. 357-358. К сожалению, рапорта 25-го полка не сохранилось.

¹⁴⁶ Le Roy. P. 157.

¹⁴⁷ Bourgogne A.J.B.F. The Memoires. P. 11-13.

¹⁴⁸ Ibid. P. 11-12.

¹⁴⁹ Holzhausen. S. 89; Suckow. P. 183; Planat de la Faye. P. 83.

¹⁵⁰ Lejeune. P. 211. В русских переводах французское слово «boulet» (пушечное ядро) почему-то упорно переводится как «пуля». Вообще, смертельное ранение Ромёфа обросло легендами. Многие полагали, что это ранение произошло в одно время с контузией Даву (Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 1. С. 155-156; Родина. 1992. № 6-7. С. 54; Denniée. P. 76; Dedem de Gelder. P. 237). По-видимому, более достоверна версия, из которой следует, что Ромёф был ранен вскоре после того как сразило Монбрёна, то есть вероятно в начале 11-го. Последующее изложение Леженом событий это еще более подтверждает. См.: Попов А.И. Потери Великой армии в 1812 г. // Император. 2006. № 10. С. 15.

¹⁵¹ Пеле. С. 77.

¹⁵² Бугурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823. Ч. 2. С. 270; Богданович

М.И. История Отечественной войны по достоверным источникам. СПб., 1852. Т. 2. С. 185-186, 188.

¹⁵³ Thiers. P. 330-334.

¹⁵⁴ Bulletins officiels... P. 103; Рапорт Мюрата. P. 128; Пеле. С. 81. Примеч. 21. Несмотря на глубину анализа Бородинского сражения, Пеле нередко допускал серьезные неточности. Так, захват «большого редута» он относил ко времени между 12 и 13 часами только на том основании, что пленного генерал-майора П.Г. Лихачёва привели к Наполеону, когда тот заканчивал завтрак (Пеле. С. 84). Однако, согласно свидетельству префекта двора Боссе, когда последний предложил в 12 часов Наполеону позавтракать, тот решительно отказался, и только позднее «съел кусочек хлеба и выпил стакан красного вина» (Bausset. P. 96).

¹⁵⁵ Полагаем, что из всех отечественных и зарубежных исследователей это наиболее удалось Попову (Попов. Бой за деревню Семёновское. С. 57-61; его же. Меж двух «вулканов». С. 17-18, 21-23, 30-33, 45-48).

¹⁵⁶ О том, что д. Семёновское была временно захвачена французами до подхода Фриана, пишут Шамбрэ (Chambray. P. 62-63), Кукель (Kukiel. S. 186) и Кэйт (Cate. P. 242). Об этом же говорится в черновике «Описания сражения...» К.Ф. Толя. Однако Бутурлин и Богданович, хотя и написали об этой атаке, но, пытаясь уточнить, какие именно французские части атаковали, серьезно запутали вопрос. Как справедливо указал Попов, единственным относительно достоверным свидетельством этого эпизода следует считать только слова генерала М. Сокольниковского в пересказе Солтыка и расплывчатые свидетельства, исходящие от саксонцев, приведенные Церрини (Soltyk. P. 230; Попов. Бой за деревню Семёновское. С. 57; его же. Меж двух «вулканов», С. 17-18).

¹⁵⁷ Рапорт Нея. P. 136; Fain. P. 28.

¹⁵⁸ Попов. Меж двух «вулканов». С. 13-14.

¹⁵⁹ Grünwald C. La campagne de Russie. 1812. Paris, 1963. P. 152. Первые публикаторы этой рукописи приписывали ее Жану Бро де Марло (Bréaut des Marlot). В действительности, как установил А. Шюке (Chuquet A. Lettres. P. 152, 155), ее автором был Клод Орио. Упомянутый г-н де Грамон был су-лейтенантом того же 9-го кирасирского полка и значится среди убитых при Бородино (Martinien. P. 531; Martimprey A. Historique du 9 Régiment cuirassiers. Paris; Nancy, 1888. P. 150).

¹⁶⁰ Подробнее см.: Попов. Потери Великой армии. С. 13.

¹⁶¹ Пеле. С. 79.

¹⁶² Dedem de Gelder. P. 236; Friant. P. 233.

¹⁶³ Brandt. P. 40.

¹⁶⁴ См.:

¹⁶⁵ Chuquet A. 1812. 2. P. 50, 61.

¹⁶⁶ Lejeune. P. 211; Soltyk. P. 230-231; Thiers. P. 333; Попов. Меж двух «вулканов». С. 23.

¹⁶⁷ Об участии наполеоновской кавалерии во взятии д. Семёновское см.: Попов. Меж двух «вулканов». С. 28-45.

¹⁶⁸ Журнал дивизии Фриана. P. 50; Ф.М. Дюфур – Богарне. 28 января 1813 г. и 5 февраля 1813 г. // Chuquet A. 1812. 3. P. 345-346; Рапорт Мюрата. P. 127-128; Friant. P. 234.

¹⁶⁹ Roth von Schreckenstein. S. 53; Попов. Меж двух «вулканов». С. 30.

¹⁷⁰ Roth von Schreckenstein. S. 52. Anm. 30; Friant. P. 234; Пеле. С. 80; Thiry. P. 146; Попов. Меж двух «вулканов». С. 32-33.

¹⁷¹ Chambray. P. 63.

¹⁷² Журнал дивизии Фриана. P. 50; Dedem de Gelder. P. 238; Friant. P. 234-235. В биографии Фриана, написанной его сыном Жаном-Франсуа, который был его адъютантом, утверждается, что рядом с 48-м располагался и испанский полк. Однако из истории полка Жозефа-Наполеона можно понять, что два батальона Ж.Б. Чюди примерно до часу прикрывали орудия Пернети.

¹⁷³ Friant. P. 234-235; Журнал дивизии Фриана. P. 51.

¹⁷⁴ Сегюр Ф.П. Поход на Москву в 1812 г. М., 1911 (далее: Сегюр). С. 32. Гурго выражал большие сомнения по поводу правдоподобности этого эпизода (Gourgaud. P. 224).

¹⁷⁵ Chuquet A. 1812. 2. P. 61; Извлечение из донесения 2-й дивизии 1-го корпуса // Пеле. С. 104. Приложение «Г».

¹⁷⁶ Dedem de Gelder. P. 238; Cate. P. 242.

¹⁷⁷ Тирион де Мец. С. 16-18; Попов. Новые сведения о Бородинском сражении. С. 51-55.

¹⁷⁸ Рапорт Мюрата. P. 128; Пеле. С. 81.

¹⁷⁹ Girod de l'Ain. P. 86; Ворре. P. 147.

Дивизионный генерал Ж.Г. Маршан (1765-1851)

¹⁸⁰ Girod de l'Ain. P. 86-87.

¹⁸¹ Рапорт 61-го линейного полка. P. 358; Фоссен. С. 471.

¹⁸² Pelleport. P. 26-27.

¹⁸³ Пеле. С. 83.

¹⁸⁴ Там же. С. 85.

¹⁸⁵ Lejeune. P. 213. По мнению Фэна (P. 31), гвардейская артиллерия из 80 орудий под командованием генерал-адъютанта Ж.А. Лористона, была брошена в дело еще до рейда Платова и Уварова; это маловероятно. ~~Раннее утверждение~~ что из орудий гвардейской артиллерии в сражении приняло участие только 30 стволов. Не ясно, о каких именно орудиях идет речь; включены ли в это число орудия, находившиеся изначально на «батареи Сорбье».

¹⁸⁶ Fain. P. 31; Пеле. С. 88, С. 93. Примеч. 31; Сегюр. С. 32. По мнению Сегюра, император двинул Роге, только возвратившись из рекогносцировки. Пеле утверждает, что дивизия Роге «присоединилась вечером».

¹⁸⁷ Пеле. С. 85. Примеч. 24. Пеле ссылается на донесение 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса.

¹⁸⁸ Ф.М. Дюфур – Богарне. 28 января и 5 февраля 1813. P. 345-346; Friant. P. 237-238; Ворре. P. 147. Несмотря на серьезные ранения 7 сентября, генерал Фриан и его сын вскоре стали поправляться. 8 октября об их здоровье написал в письме метрдотель генерала Фриана Годо: хотя генерал мог передвигаться только рядом с кроватью, сын уже мог ходить, опираясь на костыли; кости и того, и другого повреждены не были (Годо – Лафоресту, метрдотелю принца Экмюльского, в Париж. Москва, 8 октября 1812 г. // Lettres. P. 65-66).

¹⁸⁹ Thiry. P. 148; Tranie, Carmigniani. P. 162; Blond. P. 343.

¹⁹⁰ Журнал дивизии Фриана. P. 51; Рапорт Мюрата. P. 129; Пеле. С. 85; Thiry. P. 151. В журнале 2-й дивизии утверждается, что этой атакой продолжал руководить раненый Фриан, что маловероятно.

¹⁹¹ Pelleport. P. 27.

¹⁹² Пеле. С. 87-88.

¹⁹³ Фоссен. С. 471; Friant. P. 241; Донесение 33-го линейного полка // Пеле. С.88. Примеч. 26; Dedem de Gelder. P. 238.

¹⁹⁴ Попов. Меж двух «вулканов». С. 51.

Глава II

Боевые действия в Утицком лесу

Левый фланг русской позиции при Бородино упирался в лесистую, частично заболоченную и поросшую густым кустарником местность, по которой проходила Старая Смоленская дорога. На этом тракте, примерно в трёх верстах юго-западнее д. Семёновское располагалась д. Утица. Этот, по выражению штабного полковника Ж.Ж. Пеле-Клозо, «частый и лишённый тропинок лес ..., казалось, ставил границы движению обеих сторон». Однако в день грандиозной баталии и здесь развернулись достаточно упорные бои.

Главная задача в этом районе была возложена Наполеоном на 5-й (польский) армейский корпус. Данный сюжет довольно подробно рассмотрен в статьях польского военного историка М.В. Кукеля, но не удостоился специального внимания отечественных авторов. При описании боевых действий в Утицком лесу большинство авторов ограничивалось пересказом соответствующих мест из «Описания» К.Ф. Толя. Некоторые историки использовали также рапорты генералов К.Ф. Багговута, П.П. Коновницына, П.А. Строганова, мемуары принца Евгения Вюртембергского, но и в этом случае картина оставалась односторонней. Только М.И. Богданович и А.П. Скугаревский учитывали сведения, исходящие с неприятельской стороны, но далеко не все; к тому же, количество опубликованных с тех пор источников значительно возросло.¹

Таким образом, описание лесного боя в отечественной литературе страдает односторонностью, неполнотой, расплывчатостью; противник выступает лишь как объект силового воздействия русских войск. Для того чтобы создать более объективную картину тех событий, мы привлекли сведения, исходящие с неприятельской стороны. Из официальных документов опубликован только рапорт Ю. Понятовского.² Некоторые польские офицеры оставили воспоминания - полковник Я. Вейсенхоф, капитаны К.Ю. Колачковский, Х. Дембинский, М. Рыбинский, Р. Солтык, поручик Л. Ельский, подпоручик А. Розвадовский.³ Из них лишь первые два мемуара переведены на русский язык. Мы использовали также исследования, написанные позднее участниками сражения.⁴ Сведения мемуаристов нередко расходятся между собой, особенно по части хронологии. Ещё сложнее согласовать показания поляков с сообщениями русских источников, поскольку каждая сторона старалась превознести свои успехи и преуменьшить достижения противника.

На переключке 2 сентября 5-й польский корпус насчитывал 7.361 пехотинца, 1.638 кавалеристов, 1.069 артиллеристов, всего: 18 батальонов, 16 эскадронов, 10.068 чел. и 50 орудий; ещё 260 пехотинцев были откомандированы, но к 5 сентября могли вернуться в строй. Пехотные полки имели по две трёхфунтовых пушки, дивизионная артиллерия состояла из шестифунтовых пушек и семифунтовых гаубиц, а в состав резервной артиллерии входила 14-я рота пешей артил-

лерии, имевшая на вооружении шесть 12-фунтовых орудий. После Шевардинского боя, в котором поляки потеряли 25 офицеров и около 500 солдат, численность пехоты сократилась примерно до 6 ½ тыс. чел. Поляки расположились лагерем к югу от Доронино.⁵

Впрочем, по воле судьбы, кроме польских войск в этом лесу пришлось сражаться и вестфальцам. Участие в Бородинском сражении 8-го армейского корпуса, состоявшего из войск королевства Вестфалия, в официальных документах (донесение маршала М. Нея и рапорт военного министра Вестфалии Хёне) освещено весьма лапидарно,⁶ зато достаточно подробно описано в мемуарах, которые оставили генерал Л. Окс (их активно использовал его биограф),⁷ подполковники Ф.В. Лосберг, Й.А. Бёдикер и Л.В. Конради, капитаны Й. Борке, Ф.Ю. Моргенштерн и Линсинген, сержант Л. Флекк, унтер-офицеры Я. Майер и Ф.Л. Вагнер, рядовой Й. Веземан.⁸

8-й корпус двигался в хвосте армии и присоединился к ней только 6 сентября. «Поздно вечером, после 11-часового марша, - вспоминал Конради, - мы достигли, наконец, деревни Головино и получили назначенное для бивака место слева от дороги на одной высоте с 3-м корпусом, который стоял справа от неё позади деревни». Вестфальцы расположились на ночлег уже в полной темноте. Лосберг записал в дневнике пожелание на следующий день, чтобы «нам, вестфальцам, дали бы хорошего предводителя». Дело в том, что вестфальцы изначально не питали уважения к своему корпусному командиру, а его необъяснимое поведение под Смоленском окончательно настроило их против генерала А. Жюно.⁹ На поле боя корпус прибыл в составе 15 батальонов, 3 кавалерийских полков, численностью около 8500 чел. при 30 орудиях (6-футовые пушки и 24-фунтовые гаубицы).

Поскольку Жюно проявил полнейшую бездарность в руководстве войсками под Смоленском,¹⁰ Наполеон поставил его в день генерального сражения под начальство маршала М. Нея. В 16 ½ час. 6 сентября Наполеон написал: «Я отдаю приказ маршалу герцогу Эльхингенскому принять командование 8-м корпусом... Позади трёх дивизий 3-го корпуса он разместит побригадно две дивизии 8-го корпуса с артиллерией на левом фланге». Войска Нея должны были составить центр боевого порядка. Маршал писал, что полученные утром 7 сентября инструкции «предписывали, чтобы я с 3-м корпусом и с 8-м, который император направил под моё командование, составил центр баталии, прислонясь правым флангом к 1-му корпусу, а своим левым флангом к 4-му. Я имел также в своей диспозиции 2-й корпус резервной кавалерии». По словам Нея, дивизионные генералы 3-го корпуса имели письменные и устные инструкции, а Лосберг слышал от высших офицеров, что «Жюно вступил в бой, не имея указаний о назначении в бою 8-го корпуса, и получал все инструкции от маршала Нея».¹¹

Дивизионный генерал Ю.А. Понятовский (1763-1813)

* * *

6 сентября, во время осмотра позиции, Наполеон и маршал Ж. Мюра со всем своим штабом прибыли к обозу 5-го корпуса. Сопровождавший императора Ж. Пеле пишет, что тот «взошёл на возвышенность, которая находилась между Дорониной и Утицей. Там, осмотрев в подзорную трубу, помещённую на плечо Жоашена, он громко сказал Понятовскому: завтра идти прямо перед собой (*droit devant lui*); опрокинуть всё, что он повстречает; затем направиться влево, чтобы обойти неприятеля и поддержать атаку французской армии». По словам Ельского, «князь Юзеф ещё днём 6-го разведкал неприятельскую позицию на левом крыле, положение деревни Утица (*Wogoshpa*) и дорогу, ведущую туда». Правда, Колачковский уверял, что «засевшие в кустарнике, недалеко от нашего обоза, русские егеря очень сокращали наш кругозор. С холма, отнятого накануне вечером, видны были только бесконечные заросли»; только Старая Смоленская дорога и д. Утица были видны довольно ясно.¹²

Впрочем, задача 5-го корпуса на день сражения определена не сразу. По сообщениям Г. Гурго и Ф. Сегюра, маршал А.Н. Даву, осмотрев местность на правом фланге армии, предложил Наполеону в течение ночи обойти русскую позицию со своим и польским корпусами по Старой Смоленской дороге и, ударив во фланг русской армии, опрокинуть её в угол, образуемый реками Колочью и Москвой. По мнению Вейсенхофа, этот маневр «маршал легко мог исполнить, ибо неприятель должен был или начать маневрировать, уклоняясь от него, либо, сохранив линию фронта против главной атаки, попасть под перекрёстный огонь и неизбежно прийти в замешательство. На возможность такого лёгкого и безопасного движения маршала наталкивала общая обстановка и старая почтовая дорога в Можайск». Но сам Наполеон, по свидетельству генерала А. Коленкура, «колебался, произвести ли глубокий ма-

Дивизионный генерал Ж.А. Жюно (1771-1813)

нев правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля и частично оставить в стороне его редуты, или же ... атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом. Он опасался, что побудит русских к новому отступлению, если примет первый вариант, который угрожал бы их тылу ... Эти соображения склонили императора к принятию второго варианта». В конечном итоге, в диспозиции император так определил задачу 5-го корпуса: «Понятовский направиться на деревню в лесу и обойдёт позицию неприятеля».¹³

Столь краткое и не очень конкретное приказание слабому по численности корпусу свидетельствует о том, что Наполеон не имел точных сведений о русском левом фланге, и полагал, что серьёзных препятствий поляки встретить не должны. Видимо, он допускал наличие здесь лишь заслонов из егерей и казаков. Кроме того, в приказе не сказано, каким путём поляки должны достичь этой деревни. Рассказ Пеле позволяет думать, что поляки должны были следовать напрямик через лес. Действительно, на французской карте отмечены три просёлочные дороги, ведущие от Шевардино к Утице и от Шевардино и Доронино на Старую Смоленскую дорогу. Однако на первой из них русские наверняка сделали засеки, так как поляки ясно слышали стук топоров. Две другие, сходящиеся затем вместе, вели через густой лес и были труднопроходимы для большой массы войск, тем более с артиллерией. Видимо, поэтому поляки были вынуждены выбрать более удобную дорогу через Ельню, хотя это значительно удлиняло их путь.

Многие мемуаристы считали, что отказ императора от предложения Даву был вызван опасением, что русские, увидя себя обойдёнными, могли опять уклониться от генерального сражения. Историк А.Н. Виппер считал, что это соображение не имеет достаточных оснований, поскольку Наполеон уже не сомневался,

что русские дадут сражение из-за близости столицы; они уже возвели укрепления. Полагаем, что историк не прав, так как русские и раньше строили укрепления, и совершенно не случайно, что Наполеон ночью не раз интересовался, не ушли ли русские. По мнению Виппера, у Наполеона были более важные причины для отказа от обхода. *«Первая заключалась, вероятно, в том, что для предложенной операции пришлось бы направить значительную массу войск лесом, а тогдашняя армия, привыкшая действовать в густых колоннах, была мало приспособлена к операциям на местности пересеченной и особенно лесистой. Движение по лесу расстраивало стройные колонны и Наполеон ... предпочел риску движения по лесам, атаку по местности открытой ... Другая причина, еще более веская, могла заключаться в том, что предложенное Даву обходное движение значительных сил подвергало риску путь отступления французской армии, лежащий по ту сторону Колочи».*¹⁴ С первым предположением Виппера можно согласиться, добавив, что при движении группы Даву по лесистой и незнакомой местности французская армия на долгое время оказалась бы разделённой на две части, совершенно разобщённые между собой. Второе же объяснение учёного кажется нам необоснованным, так как в день битвы Наполеон рискнул-таки оставить на северном берегу Колочи только 10 тыс. чел., то есть всего 9 % своей армии.

* * *

С русской стороны этот район поначалу прикрывали казачьи полки генерала А.А. Карпова 2-го.¹⁵ *«24 числа под вечер,- пишет Барклай,- примечено, что не строевые войски были недостаточны к прикрытию Старой Смоленской дороги, почему и занята она ночью 3-м корпусом ... Полковник Толь прибыл к корпусу и приказал за собою оному следовать».* Барклай подчеркнул, что *«корпус уводится ночью к концу левого фланга»* по повелению Кутузова, а сам он об этом уведомлён не был. То же самое Барклай написал и Кутузову: *«24 числа в вечеру 3-й корпус, составляющий часть резерва 1-й армии, получил от вашей светлости повеление следовать на левый фланг 2-й армии и прикрывать оной от усиливающегося на Старой Смоленской дороге неприятеля».* П.П. Коновницын также утверждал, что *«полки 20-й и 21-й егерские были отряжены от 3-й дивизии еще 25 числа в вечеру, под командою [генерал]-м[айора] кн[язя] Шаховского на левый фланг армии. Все прочие войска 3-го корпуса занимали старую Смоленскую дорогу, которую отделил от левого фланга общей позиции мелкий лес, простиравшийся почти на версту».* Сюда были направлены также 10 тыс. ратников Московского и Смоленского ополчений, которых капитан Гозиуш в ночь на 25-е отвёл на место назначения.¹⁶

Итак, Утицкий лес *«простирался почти на версту»* до Семёновских укреплений. Какие же войска занимали отрезок «фронта» между крайним флангом 2-й Западной армии и отрядом Тучкова 1-го, кто затем сражался южнее гвардейских Литовского и Измайловского полков с неприятелем, и с каким? В литературе говорится лишь, что в Утицком лесу сражалась 3-я бригада генерала И.Л. Шаховского из 3-й пехотной дивизии. Но сохранившийся рапорт Шаховского на удивление неинформативен, до неприличия неконкретен. В то же время, по непонятным причинам из поля зрения историков выпал тот отрывок из рапорта генерал-майора К.К. Сиверса 1-го, где говорилось о действиях его войск 26-го августа, хотя он был опубликован ещё Богдановичем. А из воспоминаний сражавшегося здесь прапорщика 33-й лёгкой артиллерийской

роты Н. Любенкова изредка цитируется лишь мизерная часть. Помимо того, историки до сих пор неточно описывают участие в бою 4-й пехотной дивизии, не смотря на то, что опубликованы мемуары её командира принца Евгения Вюртембергского.¹⁷ Для того чтобы создать более объективную картину событий, случившихся между «флешами» и отрядом Тучкова 1-го, мы привлекли также сведения с неприятельской стороны. Но следует подчеркнуть, что пока довольно сложно определить местоположение отдельных частей противника в лесном массиве. Кроме того, сообщения мемуаристов часто расходятся между собой, особенно в том, что касается хронологии событий. Ещё сложнее согласовать показания русских и иностранных источников, поскольку каждая сторона старалась преувеличить свои успехи и преуменьшить достижения неприятеля.

Заметим также, что расположение шести полков 4-го резервного кавалерийского корпуса перед началом сражения 26 августа/7 сентября недостаточно ясно. Согласно диспозиции от 24 августа, он должен был находиться позади 7-го пехотного корпуса. На кроках позиции от 25 августа, подписанных Кутузовым, 4-я кавалерийская дивизия (четыре драгунских полка 12-й и 13-й бригад) расположена за 7-м корпусом, а позади неё стоят Сводная гренадерская и 2-я гренадерская дивизии. Литовский же уланский и Ахтырский гусарский полки (14-я бригада той же 4-й дивизии) изображены отдельно, южнее 27-й дивизии, на крайнем левом фланге 2-й армии, у устья Семёновского оврага, *«контактируя»* с егерями Шаховского. Позади этой бригады стоит 2-я кирасирская дивизия.¹⁸ Понятно, что изображение на кроках весьма условное. Кроме того, 7-й корпус был затем выдвинут к центральному редуту и Семёновскому оврагу, Сводная гренадерская и 27-я дивизии – к «флешам», 2-я гренадерская – к д. Семёновское. Куда же переместился 4-й кавалерийский корпус? Историки изображают его всегда в полном составе, но в разных местах: большинство из них вслед за Толем помещают его за 7-м корпусом на новой позиции, а Богданов – за 2-й гренадерской дивизией восточнее д. Семёновское,¹⁹ что более вероятно.

Согласно рапорту Сиверса, он, по приказанию П.И. Багратиона, утром выслал Новороссийский драгунский и Ахтырский гусарский полки *«в подкрепление пехоты, расположенной в двух флешах».* После потери «флешей» Новороссийский полк был *«остановлен в первой линии на левом фланге позиции у прикрытия батареи».* 2 эскадрона драгун Черниговского полка были приданы отряду генерала И.С. Дорохова, сражались возле «флешей», а затем весь полк был генералом Д.В. Голицыным 5-м *«установлен при батарее»*, где находился генерал А.И. Горчаков 2-й, *«на подкрепление кирасирской дивизии».* Генерал И.Д. Панчулидзе с двумя эскадронами драгун Черниговского и двумя - Киевского полков был поставлен *«за пехотными колоннами»* и вместе с кирасирами генерала Н.В. Кретова отбивал атаки французских кирасир генерала Э. Нансути. Харьковский драгунский полк сражался с *«неприятельскими уланами»*, видимо, возле д. Семёновское. Таким образом, к моменту приближения противника к Семёновскому оврагу в распоряжении самого Сиверса должны были остаться 2 эскадрона Киевского драгунского полка и Литовский уланский полк, но в рапорте он упоминает только последний.²⁰

1. «Засаженный отряд» Тучкова

Как это не покажется странным, но не менее спорным является вопрос о назначении отряда Тучкова. Через несколько десятилетий после войны прапорщик А.А. Щербинин так описал назначение этого отряда. При подготовке к бою Кутузов (судя по контексту, 24 августа) вызвал к себе инженер-капитана Фелькнера и «приказал ему рассмотреть местоположение позади левого фланга с тем, что нельзя ли поставить там часть войска скрытно от неприятеля. «Когда неприятель, - сказал Кутузов капитану, - употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пушу ему скрытное войско во фланг и тыл». Капитан возвратился с донесением, что местоположение чрезвычайно благоприятствует этому плану. Итак, 3 корпус и Московское ополчение поставлены в засаде».

А что говорят об этом официальные документы? Русская листовка «Официальные известия из армии от 27 августа» извещала, что 25 августа, когда стало очевидным перемещение главных сил неприятеля к русскому левому флангу, «чтоб еще лучше обеспечить оборону слабого пункта позиции... Тучков с 3-м корпусом и частью Московского ополчения был размещен в засаде за кустарником на крайнем левом фланге, имея приказ действовать по Старой Смоленской дороге на правый фланг и тыл французов тотчас же, как они начнут атаковать, и будут пытаться обойти наш левый фланг».

В донесении Александру I Кутузов написал, что 25 августа стало ясно, что «намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска. Дабы предупредить сие намерение, я приказал... Тучкову с 3-м корпусом идти на левое наше крыло и прикрыть положением своим Смоленскую дорогу».²¹ Заметим, что здесь ничего не сказано об ударе во фланг и в тыл противника, видимо потому, что его так и не удалось осуществить на деле. О местоположении отряда Тучкова сказано кратко: «за кустарником». В обоих источниках имеются в виду заросли, которые отделяли отряд Тучкова от левого крыла 2-й армии. Если Баркай определённо говорит о передвижении Тучкова в ночь с 24-го на 25-е, то официальные бумаги пишут о 25 августа. Далее, один официальный документ говорит о засаде и ударе во фланг и в тыл, а второй, ещё более официальный - об этом молчит; так где же истина?

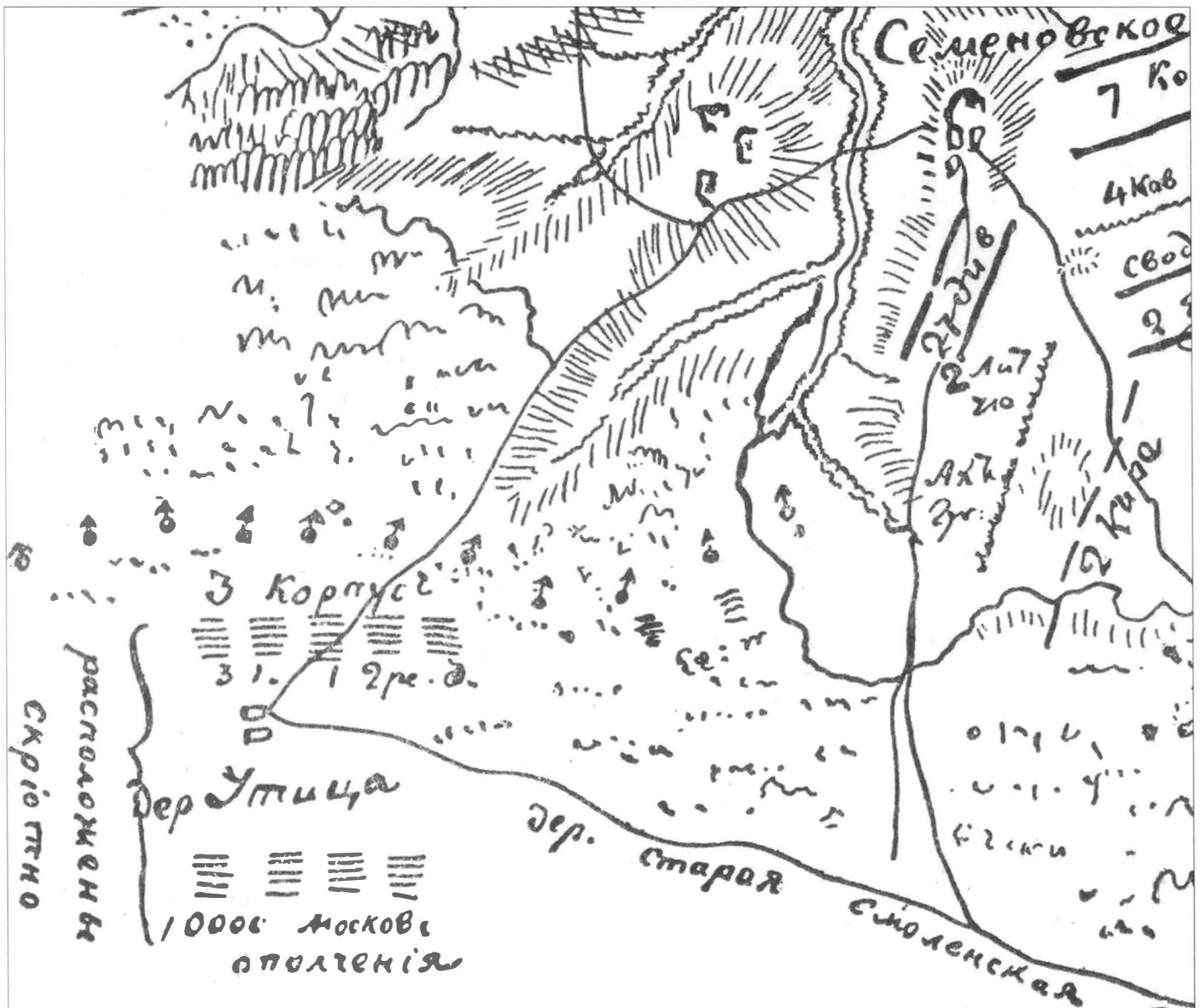
Начальник штаба 2-й Западной армии генерал Э.Ф. Сен-При записал в дневнике, что «Тучков имел приказание атаковать крайний правый фланг неприятеля, как только он будет пытаться овладеть Семеновкой». Д.П. Бутурлин слышал от участников боя, что Тучков должен был со «своим корпусом направиться прямо к селу Семеновскому, чтобы атаковать во фланг правое крыло французской армии». Е. Юртембергский также писал, что корпус Тучкова «назначался действовать во фланг неприятелю, когда французы поведут атаку на укрепления Багратиона», что он был поставлен «именно с целью употребить его для фланговой атаки».²² Заметим, что, согласно документам, наиболее близким к событиям (листовке и дневнику Сен-При) контратака Тучкова ожидалась тотчас после того, как противник начнёт обходить 2-ю армию и напирать на Семёновскую. По словам же Щербинина, Кутузов хотел выждать, «когда неприятель употребит в дело

последние резервы свои на левый фланг Багратиона». Это, конечно, логичнее, но свидетельствует о том, что русское командование недооценивало силу удара противника по левому флангу.

Впрочем, этому замыслу не суждено было осуществиться. По рассказу Щербинина, вечером 25 августа при объезде позиции генералы Л.А. Беннигсен и А.П. Ожаровский за окончательностью левого фланга встретили егерей полковника Вуича.²³ Последний заявил Беннигсену, что «пространство, разделяющее левый фланг от отряда, состоявшего из 3 корпуса и ополчения, столь велико, что неприятель в оное бросится массами и истребит бригаду. Беннигсен поехал к отряду Тучкова и велел ему ... стать ближе к левому флангу Багратиона. Тучков возражал, что пространство, которое ему в таком случае занять бы должно, составляет отклон горы, с вершины коей неприятелю легко действовать к истреблению корпуса его, о назначении же оставаться скрытно от неприятеля он не заметил Беннигсену, вероятно потому, что сам не ведал плана главнокомандующего». Так Беннигсен поставил Тучкова «в невозможность сражаться по невыгодности местоположения». Кутузов об этой перемене извещён не был.²⁴

Где же, по мнению историков, находился изначально корпус Тучкова, откуда его передвинул затем Беннигсен? Поначалу этот вопрос решался ими весьма просто, на уровне интуиции, без привлечения каких-либо доказательств. Так Бутурлин писал, что «Тучков расположил свой корпус за деревней Утицею в четыре линии, из коих первые две составлены были из 3-й пехотной дивизии».²⁵ А. Хатов, прибавил, что вечером 24-го Кутузов велел 3-й корпус «скрытно поставить в засаде, в густых кустарниках и позади кургана ..., с тем намерением, чтобы внезапно ударить в тыл неприятеля, когда сей будет обходить левое крыло». Но отряд был выдвинут «Беннигсеном перед курган к деревне Утице; а неприятель, узнав о его присутствии в сем месте, по разложенным на биваках огням, тотчас переменял свою диспозицию». А.И. Михайловский-Данилевский в биографии Тучкова повторил эту версию: Кутузов поставил корпус «скрытно, в засаде, в густых кустарниках и позади высокога кургана... По недоразумению, приказание не было исполнено, и Тучкова поставили перед курганом, у деревни Утицы. Узнав о присутствии нашего корпуса в сем месте по разложенным на биваках огням, Наполеон изменил свой план».²⁶ Итак, по мнению историков, корпус Тучкова первоначально был поставлен «в густых кустарниках позади кургана».

М.И. Богданович написал, что Фелькнер нашёл скрытную позицию «за Утицким курганом, в верхней части Семеновского оврага»; положение корпуса Тучкова «в виде уступа, за левым флангом позиции, давало нам возможность противодействовать неприятельскому обходу», но Беннигсен всё испортил. Полковник Оболевеш развил эту мысль: корпус «расположился уступом за левым флангом позиции в верхней части Семеновского оврага» и этим расположением Кутузов «полагал обеспечить левый фланг позиции от обхода: корпус Тучкова фронтальным наступлением брал во фланг обходящие войска французов». Беннигсен же выдвинул его «на весьма невыгодную местность, поставив притом в глубоком строю, в 4 линии». Последнее обвинение вызывает удивление, ибо каким же ещё образом могли быть построены здесь войска. Заявление о том,

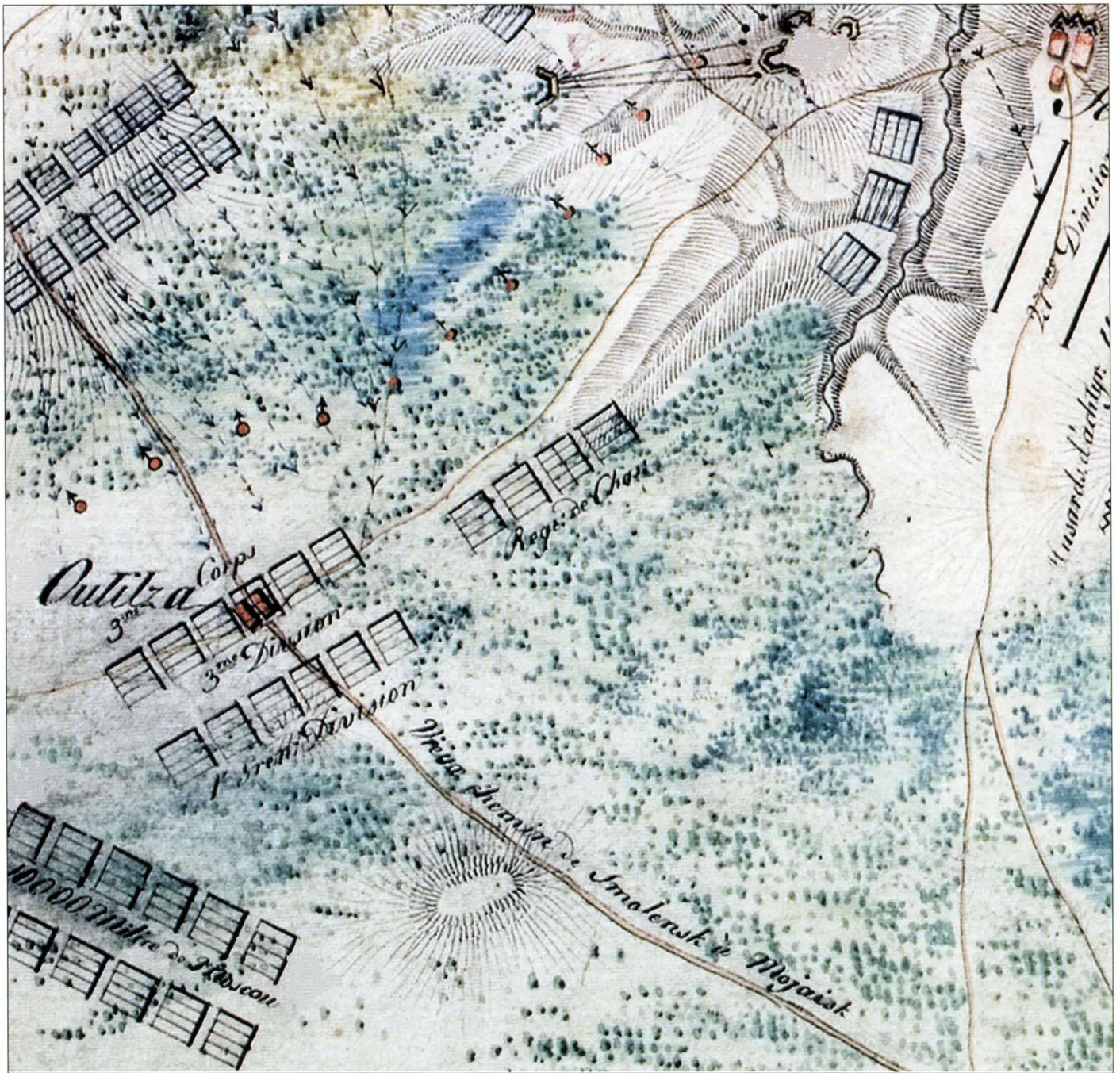
Русские кроки позиции возле Утицы

будто корпус располагался за курганом и в нижней части Семёновского оврага, не имеет никакого подтверждения в источниках. К тому же не ясно, как он мог помешать «неприятельскому обходу», находясь в устье упомянутого оврага, если противник мог двинуться на фланг Багратиона по просёлочной дороге из Утицы. Тем не менее, фраза о фронтальном наступлении стала излюбленной у отечественных авторов, которые при этом имели в виду расположение отряда возле Утицы.²⁷

Вопрос о размещении войск Тучкова наиболее подробно был рассмотрен А.В. Геруа, который привлек для этого новые источники: русские кроки позиции и французскую карту поля боя. Их анализ привёл историка к следующим выводам: 1) 7-й корпус Раевского стоит в одной линии с I-й армией; 2) расположение 8 корпуса у Семёновской - есть ни что иное, как простой загиб фланга, обычный для пассивного парирования уже совершенного противником обхода; 3) расположение Тучкова I - активное парирование того же обхода; 4) достигалось это... не только «скрытным» расположением корпуса..., но и постановкою его «параллельно» направлению Старо-Смоленской дороги, «параллельно» фронту I армии и «перпендикулярно» фронту 8 корпуса II-й армии; идея этого расположения понятна: простое фронтальное движение выводило этот уступ во фланг французам... 5) относительное положение д. Утицы - так, как его себе представлял Кутузов, было неверно и на кроках искажена местность. Последний вывод Геруа

сделал на основании того, что на французском плане д. Утица изображена примерно на версту южнее дороги, а «на месте, обозначаемой на русских чертежах (их картами назвать нельзя), д. Утицы - лежала выжженная деревня Старо-Ельня». Дальнейшие топографические рассуждения Геруа разбирать нет смысла, поскольку он наивно доверился показаниям французского плана, хотя уже тогда было ясно, что на нём «названия многих деревень совершенно перепутаны, вместо Шевардино - Алексинки, Фомкино - Шевардино, Утица - Старо-Ельня и т.п.»²⁸ Ещё в 1815 г. подпоручик Рай-ки сделал копию французского плана, где исправил названия деревень.

Историк допускал два варианта: 1) отряд Тучкова сначала располагался у д. Утицы (по французскому плану), то есть, к югу от дороги; 2) «если же Тучков стоял у Утицы на Старо-Смолянке (по русской версии), то скрытность его расположения достигалась тем, что стоял он, вероятно, на юг или юго-восток от деревни, за находящимся здесь большим лесом». Таким образом, Беннигсен либо выдвинул 3-й корпус «вперед на запад, если он стоял уступом назад, в лесу (как считали до сего времени) или двинулся он к северу, то есть правее» (от Утицы французского плана). Историк считает, что «последняя версия заслуживает большего внимания», поскольку «устроить засаду на Старо-Смолянке, позади, то есть восточнее деревни, было довольно труд-

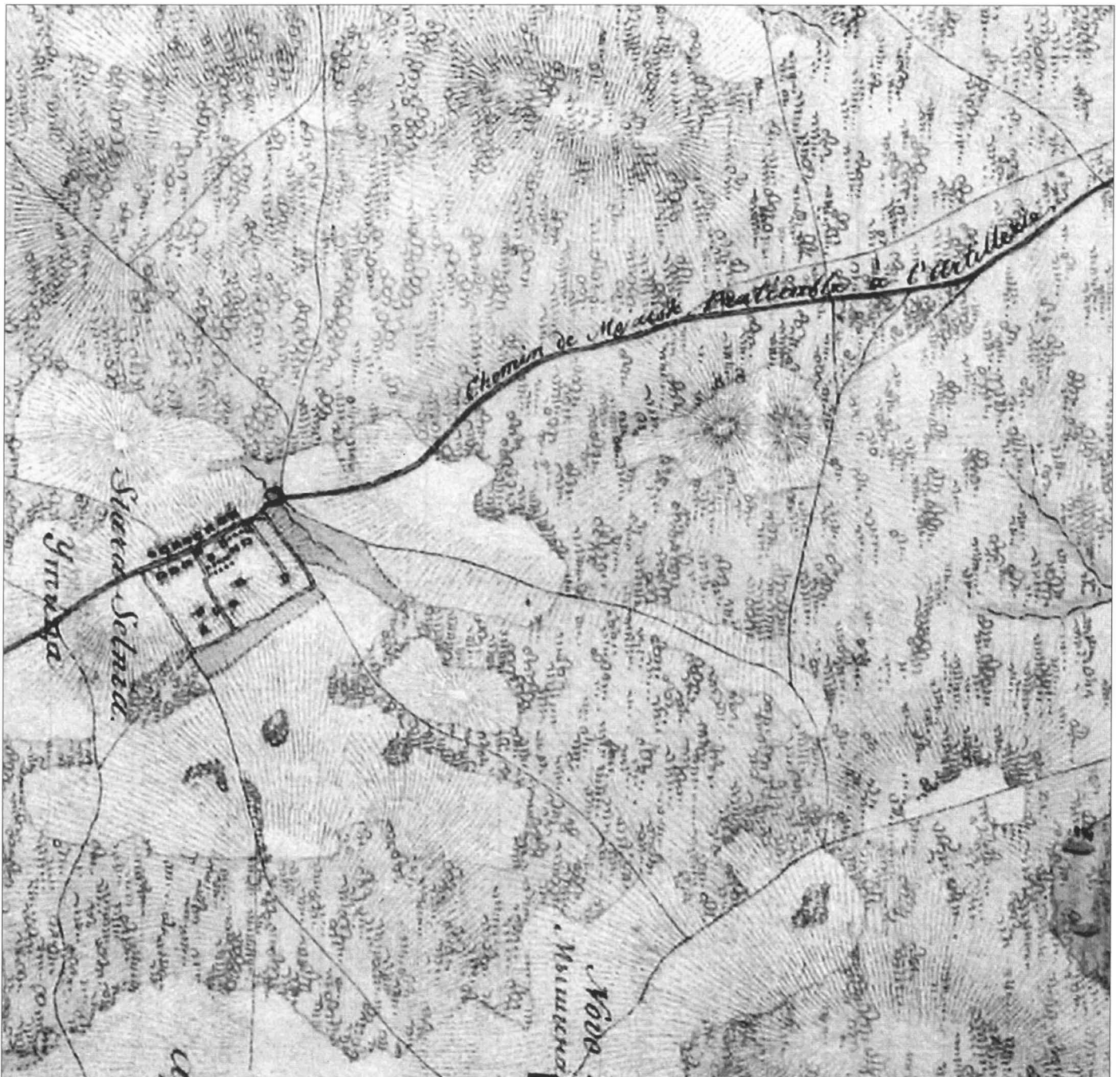
План сражения при Бородине 26 августа

но, так как леса здесь не было, а были лишь кусты». В последнем случае автор противоречит самому себе, но главный изъян состоит в другом - версия, которой он отдал предпочтение, не имеет никакой основы в источниках; кроме того, невозможно поверить, чтобы русское командование отдало отряд на столь значительное расстояние от левого фланга.

Геруа считал, что Траскин, неверно вычертивший кроки, Фелькнер, отыскавший засадное место, и Толь, отведший туда корпус, допустили ошибку, а Беннигсен обнаружил её и поставил отряд так, как того требовали кроки. Эти же лица «похоронили истинные причины путаницы, происшедшей впоследствии в бою», а «в расчеты первых историков Бородино входило скрыть все, что так или иначе выясняло вопрос о месте расположения и о задаче неудавшейся засады». Эту версию принял и Б.М. Колюбакин. По его мнению, Кутузов, под впечатлением Шевардинского боя, приказал отыскать скрытое место, отметил его на кроках Траскина [которые, заметим, датированы 25-м числом, А.П.] и велел

Толу в ночь на 25-е отвести туда корпус Тучкова. «Но неверное кроки (или неверная разведка) ввело, по-видимому, Кутузова в заблуждение о местности... и Толь, по-видимому, поставил 3-й корпус южнее старой Смоленской дороги и фронтом на север, а Беннигсен утром 25-го, не будучи посвящен в замыслы Кутузова, выдвинул его ближе к армии, верхом на этой дороге, у Утицкого кургана и уже фронтом на запад».²⁹ Эти рассуждения Геруа и Колюбакина не имеют никакой опоры в источниках, а потому остаются сугубо схоластическими.

В советское время данную версию поддержал Н.Г. Павленко. Он писал, что на кроках, «в районе Утицы расположен 3-й корпус почти перпендикулярно к 8-му корпусу. Таким образом, 3-й корпус как бы выполнял роль активной засадной группы. Простое фронтальное движение выводило бы его во фланг противнику, атаковавшему 8-й корпус. Этот картографический документ и свидетельство капитана Фелькнера [на самом деле, Щербинина, А.П.] подтверждают, что подобная мысль - ударить по флангу и тылу противника - у Кутузова была. Но, как известно, она не была осуществлена вследствие неорганизованности штаба

... Толь поставил 3-й корпус не на месте, а накануне сражения... Беннигсен, желая исправить ошибку Толь, перевел 3-й корпус восточнее д. Утица. В результате фланговая засада превратилась в обычный фронтальный заслон, который не дал впоследствии никакого эффекта». Из этих слов не ясно, где же Толь поставил отряд. В то же время, Павленко правильно подчеркнул, что «некоторые участники Бородинского сражения (Болговский, Щербинин) придавали засадному корпусу Тучкова почти что решающее значение», что «дало повод некоторым исследователям утверждать, что как будто Кутузов имел замысел двустороннего охвата противника. В действительности ничего подобного не было... Нельзя также переоценивать и роль “засадного” корпуса. Он имел весьма незначительные силы, при полном отсутствии кавалерии».³⁰

Но в советской литературе стала преобладать именно версия Болговского. Б. Соколов писал: «Измотав противника упорной обороной, перемолов его живую силу, Кутузов намеревался нанести армии захватчиков внезапный контрудар во фланг и тыл. Для осуществления этой идеи Кутузов приказал выделить особую

Фрагмент копии карты Пресса, Шеврие и Реньо, сделанной подпоручиком Рай-ки в 1815 г.

группировку в составе 3-го пехотного корпуса при 60 орудиях (из главного резерва) и отряд Московских ополченцев силою 11.677 бойцов, лично указав на плане место скрытного расположения восточнее Утицы с таким расчётом, что простое фронтальное движение этой группировки выводило её во фланг противника, атакующего Багратионовы флеши». Беннигсен же «провалил наиболее существенную часть замысла» Кутузова. В.В. Прунцов уверял, будто дер. Утица и курган были подготовлены к обороне 3-м корпусом, но Беннигсен выдвинул его из засады (спрашивается, куда?). Предельного развития эта тенденция достигла в писаниях Н.Ф. Гарнича. По его мнению, войска Тучкова первоначально занимают назначенное им место «в районе восточнее деревни Утица ..., располагаются фронтом на север, т.е. к флангу противника, наступающего на флеши», но затем Беннигсен приказал им «выдвинуться из леса вперёд на запад и стать непосредственно за егерскими полками на виду у противника». Он повторил версию о том, будто Кутузов планировал нанести

Ополченцы в 1812 г. Худ. И. Архипов. 1982 г.

два контрудара: один корпусами Уварова и Платова, а второй «3-м пехотным корпусом и Московским ополчением, общей численностью в 18 тыс. чел. и 72 орудия - из района Утицкого кургана по флангу и тылу противника, наступающего из Шевардина на флешы», причём удар этот наносился «из глубины расположения русских войск».³¹ При этом Гарнич сослался на кроки позиции, где мы, однако, видим иную картину: группа Тучкова изображена возле Утицы, то есть там, куда её, по представлению многих, передвинул Беннигсен. Если бы отряд располагался восточнее, за курганом, то каким образом он мог оттуда добраться до фланга и тыла неприятеля, наступающего от Шевардина?

А.Г. Бескровный был более сдержан в определениях. «Вообще следует отметить,- писал он,- что в этом вопросе до сих пор нет ясности. Еще А. Геруа обратил внимание на то, что в дошедших до нас документах не определено место расположения III корпуса - на Смоленской дороге или южнее ее - в Утицком лесу, между деревнями Утица и Старая Ельня? Недостаточно ясен также вопрос о численности этой группировки». От решения первого вопроса Бескровный, впрочем, уклонился. Считая, что 3-й корпус насчитывал 8 тыс. чел., отряд Карпова - 1500 чел., Смоленское ополчение - 3 тыс. чел., отряд Московского ополчения - 11.185 чел., он заявил, что «на крайнем левом фланге была создана группировка в 23.685 чел. при 18 орудиях. Все это говорит о том, что Кутузов не собирался ограничиваться пассивной обороной, а намеревался ... нанести удар с левого фланга. Его замысел был нарушен Беннигсеном, который передвинул III корпус Тучкова, чтобы заполнить просвет между Семеновскими флешами и Утицким курганом».

Возникает вопрос - откуда же в таком случае Беннигсен его передвинул? Просвет этот уже прикрывался егерями 2-й армии и 3-й пехотной дивизии.

В другой работе Бескровный так объяснял поступок начальника штаба: «Проверяя расположение войск, Беннигсен усмотрел нарушение диспозиции, разосланной 24 августа: 3-й пехотный корпус оказался не на месте расположения главного резерва, а в Утицком лесу... Разгневанный Беннигсен приказал... отвести 3-й корпус к левому флангу 2-й армии, заняв просвет между Семеновскими флешами и Утицким лесом». Помимо вышеназванной несуразицы, здесь добавилась ещё одна: следую «логике» историка, Беннигсен должен был отослать Тучкова назад, в резерв. Весьма своеобразно объяснял Бескровный причину появления у Кутузова замысла этого удара. «Прибытие московского ополчения... позволяло разработать новый тактический вариант сражения, идея которого изложена в схеме расположения войск (кроки)... Для того чтобы нанести французам, совершающим обходной маневр, сильный удар, Кутузов решил создать новую группировку, разместив её в Утицком лесу».³² Вот так, появление слабо вооружённых и едва обученных ополченцев подтолкнуло Кутузова на мысль о контратаке - воистину, фантазия советских писателей предела не знала!

По словам Бескровного, Наполеон отказался от обхода, поскольку опасался, «что корпус Даву, заблудившись, может стать лёгкой добычей неприятеля», что «русские, обнаружив эту группу войск, смогут легко её уничтожить» - это целых два корпуса! Впрочем, такую версию приволили ещё П.А. Жилин и А. Ярославцев, по мнению которых, Наполеон «опасался, что войска запу-

таются ночью в лесу и подвергнутся уничтожению по частям или русские, перейдя в наступление, прорвут обходные колонны и отрежут их от главных сил». Повторяя слова Оболенева, они писали, что «Кутузов приказал корпус Тучкова поставить уступом назад за открытым флангом 2-й армии фронтом на северо-запад, то есть параллельно направлению Старой Смоленской дороги. В этом случае простое фронтальное движение выводило корпус во фланг французов... Таким образом, Кутузов решил усилить свой левый фланг искусно задуманной группировкой войск».

Остаётся всё же не ясным, где же располагался отряд Тучкова? Фронтом на северо-запад он изображён возле Утицы, но там он никак не мог стоять «уступом назад» за флангом 2-й армии.³³ Позднее Жилин писал, что Кутузов расположил отряд Тучкова «в районе Утицы, почти перпендикулярно к 8-му корпусу. При таком расположении простое фронтальное движение выводило его во фланг противника», но Беннигсен «приказал Тучкову выдвинуться и стать фронтом к противнику».³⁴ Спрашивается, куда же ещё дальше Утицы мог выдвинуть его Беннигсен? Трудно отделаться от впечатления, что советские сочинители плохо знали карту Бородинского поля и совершенно не учитывали характера местности; кроме того, над ними явно довели представления о действиях войск во время 2-й мировой войны.

Советские авторы явно не хотели замечать, что на кроках, подписанных Кутузовым, отряд Тучкова изображён вовсе не в засаде за курганом, а возле Утицы! Только Л.П. Богданов заметил, что на кроках войска Тучкова изображены «несколько севернее и южнее дер. Утицы», но тут же сделал оговорку, что «кроки - это набросок, в котором выражена основная идея в размещении войск, и потому в них допустимы некоторые неточности, тем более что этот документ составлялся в период подготовки к сражению... Вместе с тем имеются источники, которые свидетельствуют, что войска Н.А. Тучкова были расположены позади Утицкого кургана», и сослался при этом на сочинение Ф. Глинки.³⁵ Но, во-первых, Глинка в данном случае никак не может служить свидетелем, ибо не был на этом фланге, и, во-вторых, над изображением войск Тучкова на кроках стоит надпись: «Расположены скрытно», то есть они стоят там, где им предписал быть Кутузов!

Ряд важных замечаний по данному вопросу сделал А.Н. Кочетков. «В своем стремлении подчеркнуть активное начало в замысле и группировке Кутузова,- писал он,- некоторые историки приписывают Кутузову создание на флангах ударных группировок для нанесения двустороннего ответного удара». На правом фланге такой ударной группой считается кавалерия Уварова и Платова, на левом - отряд Тучкова. На самом деле, диспозиция Кутузова, его рапорт царю, кроки позиции свидетельствуют, что такого замысла у него не было, «что отдельно и скрытно расположенный корпус Тучкова должен был внезапно контратаковать противника во фланг в глубине обороны». «Принято считать,- писал он далее,- что замысел Кутузова нанести удар этим отрядом по флангу французов был сорван Беннигсеном... Этот факт общеизвестный. Но учитывая фактический ход сражения, нельзя утверждать, что этот удар состоялся бы, если бы корпус оставался на месте. Главнокомандующий, ставя корпус Тучкова в укрытие, видимо, не рассчитывал на такой сосредоточенный удар противника, который обрушился на 2-ю армию. П.И. Багратион уже... в начале боя взял на подкрепление 3-ю пехотную дивизию... Нет никакого сомнения, что Багратион, вынужденный обстановкой, сделал бы это и в том случае, если бы корпус Тучкова стоял укрыто. С уходом же 3-й дивизии корпус Тучкова уже не представ-

Генерал от инфантерии Л.Л. Беннигсен (1745-1826)

ля «ударной группы» и вообще не мог уже содействовать 2-й армии... Таким образом, по ходу сражения контрудар по флангу и тылу французов, если бы он даже и был запланирован Кутузовым, не мог состояться».³⁶

Своеобразно пытался оправдать поступок Беннигсена Е.В. Пчелов. Генерал, по его словам, «выдвинул корпус вперед и расположил его восточнее Утиц. Вероятно, он предполагал отвлечь силы противника именно на левый фланг, укрепив его войсками под командованием Храповицкого. Во многом это ему удалось... Так что оценка самовольного поступка Беннигсена нуждается в определенном пересмотре».³⁷ С последним предложением мы полностью согласны; однако авторское объяснение поведения генерала наивно - противника не было нужды привлекать к левому русскому флангу, он и без того сосредоточил там большую часть своих сил, о чём прекрасно знал и Беннигсен. Автору, скорее, следовало доказать своё смелое утверждение, что «в противовес распространённому мифу о вражде полководцев следует заметить, что в начале их совместной деятельности никаких столкновений между ними не было», и документально доказать, когда же эта вражда зародилась.

В литературе имеется ещё один спорный вопрос, хотя создаётся впечатление, что историки не хотят его замечать. По мнению многих авторов, размещение группы Тучкова явилось полной неожиданностью для Наполеона, ибо до начала сражения отряд так и не был обнаружен противником. Другие, напротив, пишут, что «передвижение корпуса Тучкова было замечено Наполеоном. В последней диспозиции, отданной к вечеру 25 августа (6 сентября), он поставил корпусу Понятовского задачу наступать не на Семеновские флеши, а на Утицу, «так

Утицкий курган. Фотография начала XX в.

как противник удлинит свой левый фланг». В данном случае Бескровный пересказал сообщение Щербинина о том, что по некоей «второй диспозиции Бертье, написанной вечером 25 числа, корпусу Понятовского назначено идти правее (*l'ennemi ayant prolonge sa gauche*), корпусу же Нея, подкреплённому корпусом Даву, заместить Понятовского». ³⁸ Следует прямо и однозначно подчеркнуть, что мы имеем дело с явным заблуждением. Корпус Понятовского никогда не имел приказа наступать на Семёновское. Помимо Щербинина, эта некая «вторая диспозиция» никому не известна, к тому же она разительно противоречит всем известным распоряжениям Наполеона перед сражением. Р. Солтык прямо указал, что 6 сентября «Наполеон ничего не изменил в своих распоряжениях накануне, так как он полагал, что позиция московитов осталась точно такой же» в Утицком лесу. В данном случае следует согласиться с Геруа, который подчеркнул, что «из всех распоряжений Наполеона видно: 1) что о существовании засадного корпуса Тучкова... императору ничего известно не было; 2) что вследствие этого он не направил по этой дороге более значительных сил, чем корпус Понятовского». ³⁹

Несмотря на справедливые замечания Павленко и Кочеткова, в советской литературе продолжала господствовать версия Щербинина-Болговского, и своеобразным скоплением всех возможных ошибок и передержек явился юбилейный фолиант 1987. ⁴⁰ Подводя итог историографическим наблюдениям, отметим следующее. Историки ограничивались лишь узким набором источников, и немудрено, что в конечном счёте они зашли в тупик, чего, впрочем, даже не замечали. Скучный набор источников они компенсировали разгулом фантазии, мало озабоченной соответствием логике и фактам.

Следует признать, что отряд Тучкова был послан на старый тракт с целью предотвращения возможного неприятельского обхода. Обер-квартирмейстер 3-го корпуса подполковник М.Н. Гартинг записал 25-го числа: «Главкомандующий, опасаясь, как бы левый фланг не был обойден, выделил генерал-лейтенанта Тучкова с 3-м корпусом к Утице на старую Смоленскую дорогу». Похоже, однако, что сильного напора противника здесь

не ожидали, поскольку никаких оборонительных сооружений ни в деревне, ни на кургане не возводилось, хотя и время и силы для этого имелись (на это сетовали Барклай и П.Х. Граббе). Поэтому главной задачей отряда считалось нанесение внезапного контрудара «на правый фланг и тыл французов», но не всей наполеоновской армии, как фантазировали иные сочинители, а только тех войск, которые стали бы обходить левое крыло Багратиона. Присмотритесь внимательнее: на кроках все русские войска изображены выстроенными в боевые линии, и только отряд Тучкова - в колоннах для атаки.

Сен-При писал: «Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и, затем, лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести впереди несколько флешей». Южнее был поставлен Тучков, который, вопреки ожиданиям Сен-При, «не сделав никакой диверсии, ограничился высылкой 3 дивизии..., а сам оставался в 2 верстах позади Утицы, в которой должен был находиться и откуда должен был двинуться вперед». ⁴¹ Эту фразу можно понимать так, что Тучков должен был атаковать в направлении от Утицы на Семёновскую по просёлочной дороге - и это соответствует изображению на кроках. Две же версты позади Утицы - это устье Семёновского оврага, где мог первоначально располагаться отряд, откуда его выдвинул вперёд Беннигсен, чтобы его позиция соответствовала тому, что изображено на кроках, подписанных Кутузовым.

На русских кроках и на французском плане ясно видно, что от Старой Смоленской дороги к Семёновской ведут только две просёлочные дороги: от Утицы и от устья Семёновского оврага. Следовательно, отряд Тучкова должен был совершить диверсию лишь по одной из них. Полагаем неосновательным излюбленное отечественными авторами выражение о «простом фронтальном движении» войск Тучкова. Признавая, что наступление противника по этой местности было затруднено лесистой и болотистой местностью, они, почему-то полагали, что русские войска легко смогут «полететь на крыльях

Шеф эскадрона Р. Солтык (1789-1843)

победы» напрямик через лес. Виппером верно заметил, что «тогдашние армии, привыкшие действовать в густых колоннах, были мало приспособлены к операциям на местности пересеченной и особенно лесистой. Движение по лесу расстраивало стройные колонны». Большинство авторов, писавших о «фронтальном наступлении», визуальнo имели в виду расположение отряда Тучкова на кроках, возле Утицы (куда его передвинул Беннигсен), но в то же время говорили о расположении его за курганом (куда его якобы поставил Кутузов).

В принципе, Тучков мог наступать по обеим дорогам. Но, если бы он оставался стоять в устье Семёновского оврага, то между ним и егерским отрядом в лесу возле ручья Каменки оставалось бы неприкрытое пространство, в том числе и дорога Утица - Семёновское, по которой противник мог обойти позицию русской армии. Так что вполне понятна озабоченность полковника егерей, который, по словам Щербинина, «подошел к Беннигсену, с большим жаром объяснял ему, что... пространство, разделяющее левый фланг от отряда, состоявшего из 3 корпуса и ополчения, столь велико, что неприятель в оное бросится массами и истребит бригаду». Кроме того, наступая вдоль оврага, Тучков никак не мог ударить в тыл или во фланг французов.

Можно ли допустить, чтобы исполняющий обязанности начальника штаба, генерал от кавалерии Беннигсен не знал замысла главнокомандующего насчёт отряда Тучкова, если об этом знали начальник штаба 2-й армии, составители листовки и даже прапорщик Щербинин? Мог ли он перед началом решающего генерального сражения самовольно изменить расположение группы Тучкова и не сообщить об этом Кутузову? Как он мог надеяться скрыть это «самоуправство», если о нём могли доложить Кутузову и находившийся с ним Ожаровский и оставшийся недовольным таким перемещением Тучков, наконец, тот же Щербинин? Вопросы, на наш взгляд, риторические. Все прочие предложения Беннигсена - о перемещении части войск 1-й армии влево, о строительстве укрепления на центральном кургане - обсуждались публично, и Кутузов о них знал. По свидетельству Барклая, на представление Багратиона

Генерал-лейтенант Н.А. Тучков (1765-1812)

об опасности, грозящей со стороны старой дороги, «Кутузов и Беннигсен утверждали, что сия дорога могла легко быть защищаема нестроевыми войсками», то есть были в этом вопросе единодушны.⁴² Позднее Щербинин сообщил о «самоуправстве» Беннигсена Толю и Данилевскому, но в их работах нет ни слова о вине Беннигсена. Случайно ли это? Не логичнее ли допустить, что во всей этой истории именно Щербинин чего-то не понял или напутал?

Полагаем, что самым простым решением проблемы будет следующее. Вечером 24-го Фелькнер получил приказ подыскать скрытое место для отряда Тучкова, и нашёл его в устье Семёновского оврага. 25-го Кутузов, познакомившись с кроками Траскина, на которых отмечены дороги, но плохо отражён характер местности, решает поставить этот отряд возле Утицы, чтобы перекрыть просёлочную дорогу Утица-Семёновская, выводящую за флешу. Беннигсен, объезжая позицию, получил в тираде егерского полковника дополнительный аргумент в пользу этого решения и передвинул Тучкова туда, где тот должен был располагаться, согласно крокам. Тучков возмущается тем, что его выдвигают на открытое и неудобное место, а оказавшийся здесь же прапорщик Щербинин воспринимает это пререкательство, как нарушение замысла Кутузова. Позднее, когда действительная вражда между фельдмаршалом и Беннигсеном завершилась высылкой последнего из армии, он с чистой душой переложил «вину» с русского Тучкова на немца Беннигсена. На самом же деле, в неисполнении кутузовского замысла не виновен был ни тот, ни другой, а расчётливый противник, направивший на левый русский фланг столько войск, что думать о контрударе уже не приходилось, но только об отчаянной обороне.

Щербинин верно заметил, что на кроках бородинской позиции, начертанных 25 августа подпоручиком Е. Траскиным, над 3-м корпусом и Московским ополчением: надписано: «Расположены скрытно». Но ни он, ни большинство историков не обращали внимания, что на кроках 3-й корпус изображён вовсе не к востоку от Утицы, а возле неё, и не в укрытии, а в атакующих колоннах, головы которых обращены на север.

2. Начало сражения

Утром войска Тучкова расположились следующим образом. 1-я гренадерская дивизия построилась в низине перед Утицей в две линии батальонных колонн; в первой линии располагалась 1-я, во второй - 2-я бригады. Стрелки от каждого полка первой линии были высланы в лес. Таврический гренадерский полк также находился в лесу, прикрывая правый фланг дивизии. За гренADERами заняла позицию 3-я пехотная дивизия: в первой линии расположились Муромский и Ревельский полки, во второй - Черниговский и 1-й батальон Селенгинского полка. 20-й и 21-й егерские полки генерала Шаховского располагались в лесу, вправо от дороги; вместе с ними действовали 1-й и 2-й сводно-гренадерские батальоны 3-й пехотной дивизии. При корпусе находились 6 орудий 1-й батарейной роты и 6-я лёгкая рота (всего 18 орудий), а прочая корпусная артиллерия была оставлена в резерве. Позади 3-го корпуса на дороге расположились около 7 тыс. ратников Московского ополчения: 2-й егерский, 3-й егерский (1-й и 4-й батальоны), 1-й (1-й и 2-й батальоны), 4-й и 6-й казачьи пешие полки. Здесь же находилось и Смоленское ополчение. Казачьи полки Карпова заняли позицию южнее Утицы. Весь отряд Тучкова насчитывал около 18 тыс. чел.⁴³

В 4 часа поляки встали под ружьё. «5-й корпус выступил в пять часов утра,- писал Понятовский.- Совершив обход леса, мы прибыли на старую дорогу из Смоленска в Москву; мы последовали по этой дороге».⁴⁴ Таким образом, поляки не пошли через лес, а обогнули его, и у Ельни свернули на Старую Смоленскую дорогу, что удлинит их путь до 8 км. Пеле полагал, что «польскому корпусу следовало для достижения Утицы, пройти не более двух с половиной километров. Он шел очень медленно, делал частые привалы»; так, наверняка ошибочно, он объяснял задержку атаки 5-го корпуса. Во главе шла 16-я дивизия генерала И.З. Красинского, в нескольких сотнях метров за ней - 18-я дивизия генерала К.О. Князевича в батальонных колоннах. Полковые пушки находились при своих частях, прочая артиллерия (40 орудий) двигалась между дивизиями. Кавалерия О. Себастьяни в эскадронных колоннах ехала справа от тракта. Начальник штаба 16-й дивизии Вейсенхоф вспоминал: «Наше войско имело перед собой с четверть мили густых, высоких и столь заросших кустарников, что было чрезвычайно трудно не только пробираться через него, но даже разглядеть что-нибудь в одном шаге. Генерал Себастьяни... явился перед началом нашего наступления к князю Юзефу и высказал пожелание исполнять при князе обязанности адъютанта, поскольку кавалерия здесь совершенно не может действовать». Лишь около 7 часов поляки добрались до края леса, когда их уже начали беспокоить русские стрелки. По словам Колачковского, «по мере того, как рассыпанные в кустах неприятельские стрелки стали отступать, наши колонны со стрелками во главе, двигались вперёд».⁴⁵

* * *

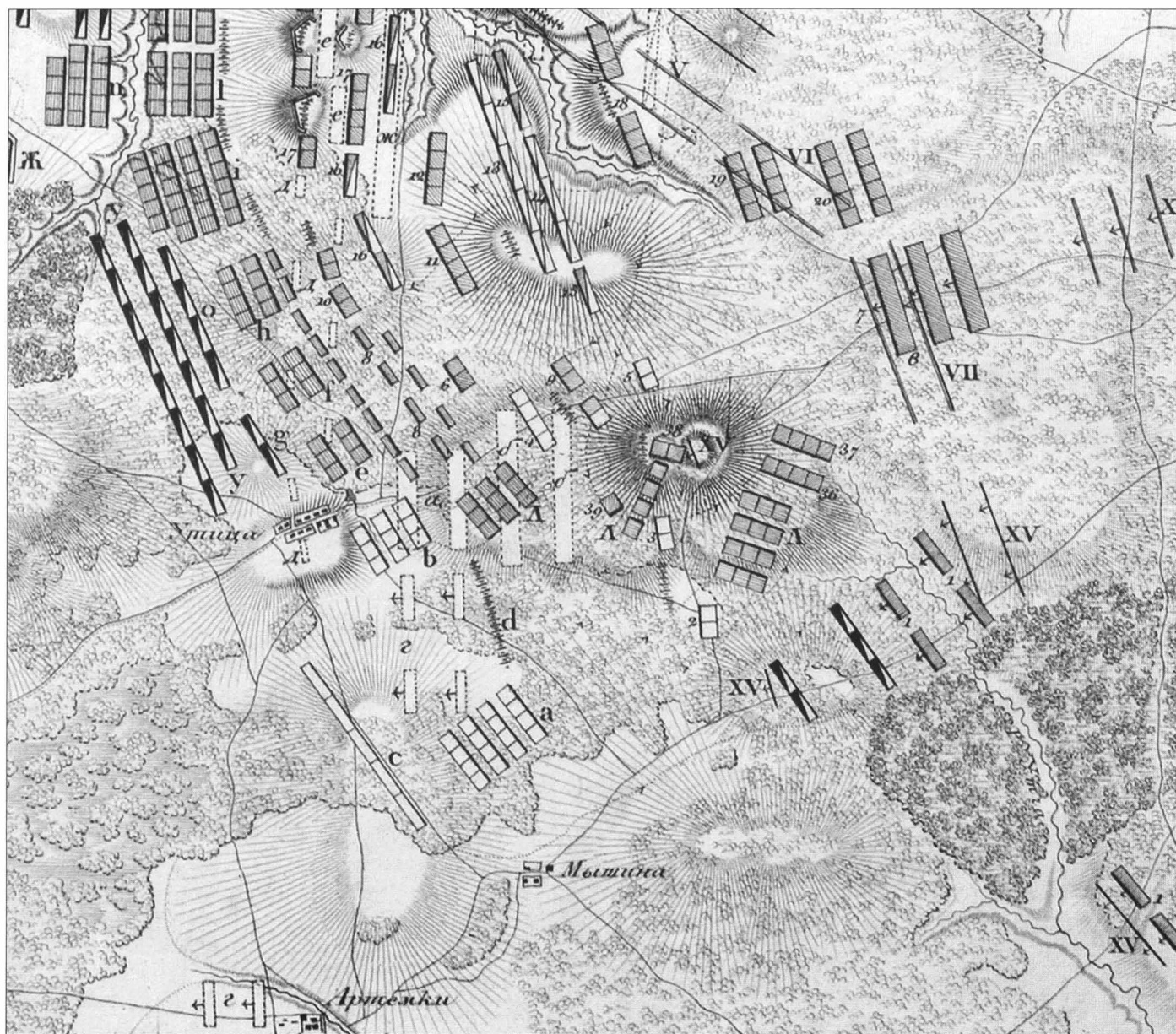
Между тем, вестфальцы в 4 часа получили приказ надеть парадную униформу и быть готовыми к бою. Прошёл слух, что перед началом сражения император устроит смотр корпусу. Вестфальцы стояли в полной боевой готовности и узнали, что они поступают под команду маршала Нея. «Вест об этом,- пишет Борке,- необычайно оживила солдат, поскольку никто не питал доверия и уважения к герцогу д'Абрантес, ко-

Я. Шельминский. Адъютант польского генерала

торый, хотя и присутствовал, но играл бессловесную роль». В 6 ½ час. вестфальская пехота выстроилась в две линии на полных боевых дистанциях за 3-м корпусом, в нескольких сотнях шагов от своего бивака. Солдатам выдали по два фунта хлеба и двойную порцию водки.

В 7 часов, когда ядра тяжелых русских орудий стали долетать до боевых порядков вестфальцев, было получено воззвание императора, тут же переведённое на немецкий язык и зачитанное ротными, либо батальонными командирами. Моргенштерн, рота которого состояла в основном из новобранцев, вспоминал следующий эпизод. «Мы уже понесли потери, когда мой старший сержант, который повидал немало боевых столкновений во время своей предыдущей службы в армиях Хессен-Касселя, Пруссии и Австрии, восхитил меня своим чувством юмора, когда подошёл ко мне и предложил приказать троим солдатам, находящимся на фланге рядом со мною, высунуть свои языки. Я сделал это и был удивлён, увидев, что все их языки были такими же белыми, как их униформа! Я тут же приказал другим сделать то же самое; их языки также были белыми. Сержант заверил меня, что такое случалось со всеми людьми, которые впервые участвовали в боевых действиях. Мне, конечно, нужны были доказательства, и я

Фрагмент плана сражения при Бородино А. Хатова

потребовал, чтобы он показал мне свой язык; он тут же сделал мне одолжение – язык был красный, как рак! “А ваш, капитан?” – ухмыльнулся он. “Пусть это останется моим секретом”, – ответил я. Проверка языков быстро распространилась на соседние роты и вызвала большое веселье, поскольку все они были белыми».

Капитан 2-го батальона лёгкой пехоты Линсинген вспоминал: «Наш бригадный генерал призвал нас, вестфальцев, покрыть славой вестфальское оружие перед глазами величайшего полководца всех времён. Около 7 часов наш армейский корпус также двинулся под звуки весёлой музыки. Мрачный дух тоскливого ожидания уступил место жажде деятельности. Радостные и полные боевого задора шлы мы под весёлую боевую музыку, под артиллерийским огнём неприятеля, построились в три эшелона, так что в каждой линии стояла в батальонных колоннах одна бригада на полных дистанциях друг за другом (2-я пехотная дивизия насчитывала только 1 бригаду). Наша музыка всё ещё играла, стоны раненых и вопли умирающих стали звучать сильным диссонансом весёлым мелодиям, которые также стали беспорядочными, а затем смолкли».

На восходе солнца Наполеон приказал генералу М. Сокольниковскому: «Поезжайте сказать Понятовс-

кому, чтобы он атаковал левое крыло неприятеля; мой план заключается в том, чтобы действовать последовательно моим правым флангом, и в этом последовательном движении пятый корпус должен вступить в бой первым». Заметим, что эти слова, переданные Солтыком, полностью соответствуют диспозиции императора, согласно которой сначала должны были открыть огонь позиционные батареи и «во время этой канонады князь Понятовский продвинется к деревне в лесу и обойдёт позицию неприятеля»; лишь затем последовательно вступали в действие войска Даву, Нея и Боарнэ. Меньше, чем через час Сокольницкий возвратился и доложил императору, что «нашёл Понятовского на марше к позиции неприятеля, продвигающимся по старой Можайской дороге, которая одна только может позволить его артиллерии следовать за его движением; местность, которая отделяет его от московитов, пересечённая и покрыта лесом и кустарниками».

Своему адъютанту Солтыку генерал сказал, что «считает движение Понятовского неуместным, поскольку он слишком удаляется от направления, по которому тот, по его мнению, должен был следовать, чтобы атаковать неприятеля, и что, следовательно, его атака запоздает. Он прибавил, что князь должен был

И.А. Клейн. Гренадеры, унтер-офицер и обер-офицеры гренадерской роты

в течение вчерашнего дня с помощью своих сапёров подготовить дороги, предназначенные для использования своей артиллерии». Сам Солтык считал, что критика Сокольниковского несправедлива и продиктована, прежде всего, соперничеством, которое существовало между ним и князем.⁴⁶ Из слов генерала можно заключить, что Понятовский, действительно, вынужден был двинуться окольным путём из-за характера местности. Подготовить же себе заранее и незаметно для противника путь напрямик через Утицкий лес он не мог, так как, по свидетельству Колачковского, там находились русские егеря. Он мог, конечно, отеснить их оттуда, но, тем самым, указал бы русским направление своего будущего наступления.

По словам Дембиньского, «сначала наши четыре кавалерийских полка развернулись фронтом в две линии, неприятель начал поражать нас сильным артиллерийским огнём. Так мы стояли некоторое время, пока не подошла наша пехота. Под прикрытием нашего развернутого фронта и шести наших орудий пехота стала проходить мимо нас и выстроилась перед нами». Около 7 часов поляки начали выстраивать войска для атаки: в первой линии - дивизия Красинского, во второй - Князевича; кавалерия свернула на правый фланг.

По словам Коновницына, кроме 20-го и 21-го егерских полков, отряженных 25 августа на левый фланг 2-й армии, «все прочие войска 3-го корпуса занимали Старую Смоленскую дорогу, которую отделял от левого фланга общей позиции мелкой лес, простиравшийся почти на версту. 26-го числа на рассвете, при появлении неприятеля напротив лежащих высотах, 1-я гренадерская дивизия построена была прежде в две линии, пехотные полки [3-й] дивизии в батальонных колоннах за ними. В каком положении и встречен был неприятель, огнем нескольких орудий, устроенных при деревне Утице. Как местоположение могло быть для нас невыгодно, то по приказанию г. генерал-лейтенанта Тучкова линия гренадерской дивизии отошла за вторую к высоте, командовавшей всюю окрест-

ностью; где и учреждена была батарея из шести орудий батарейной роты полковника Глухова. Вместе с чем немедленно началась сильнейшая с обеих сторон канонада». В рапорте Строганова рисуется подобная же картина: «На рассвете, как скоро французские колонны начали показываться из лесу, первая линия 1-й гренадерской дивизии под командою генерал-майора Фока, стоящая за деревней... деплоировала [развернулась, А.П.] и выслала своих стрелков против неприятельских стрелков же, но место положения весьма благоприятствовало неприятелю... Тучков приказал отступить за вторую линию, состоящую под командою генерал-майора Цвиленева, и при отходе зажечь деревню». При этом майор Екатеринославского гренадерского полка Кушин был «командирован с стрелками 1-го батальона для защищения деревни и удержания неприятельских стрелков, коих с отличным мужеством удержал и, зажегши деревню, присоединился к полку». Подпоручик А.К. Карпов 6-й, командовавший 2 лёгкими орудиями, вспоминал: «Французы выдвинули ужасную линию артиллерии на свою позицию и на первых с павловцами попотчевали картечью; тогда мы отступили на нашу позицию на одну высокую гору на левом фланге, а Павловский полк двинулся немного вправо».

В это же самое время Тучков вынужден был, подчиняясь приказам Багратиона, отослать к нему дивизию Коновницына (4 пехотных полка), ослабив себя перед лицом наступающего противника. Случилось это «весьма рано», как писал Коновницын, а по словам унтер-офицера Тихонова, «часу в восьмом, коли не позднее». Поэтому Тучков обратился за помощью к Кутузову. Можно представить себе, - восклицал Щербинин, - как «Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов. На

Я. Шельминский. Князь Ю. Понятовский

бедного Тучкова пало даже подозрение в главной квартире, что он не умел держаться». Сен-При также сетовал, что Тучков не исполнил данного ему приказа не сделал никакой диверсии. Геруа подсчитал, что у Тучкова осталось теперь лишь 3,5 - 4 тыс. чел. и 36 орудий, а у противника было 10 тыс. чел. и 50 орудий.⁴⁷ Однако нужно помнить, что Понятовский атаковал силами только одной пехотной дивизии, да и артиллерийские орудия противники вводили в дело не все сразу.

«Выйдя из леса на равнину,- писал Понятовский,- мы заметили сильную колонну пехоты перед деревней Passarewo. Я приказал устроить батарею из нескольких шести- и двенадцатифунтовых орудий на холме слева от дороги; обстреливая в течение некоторого времени колонну, я велел моей пехоте быстро выдвинуться вперед и силою овладеть деревней Passarewo и, посредством второй атаки, - небольшим лесом, который находился впереди деревни». 12-ти орудийная батарея полковника А. Гурского с господствующей позиции обстреляла деревню, после чего пехота Красинского ударила на деревню и без труда взяла её штурмом, а затем захватила и «лесок возле деревни». По словам Ельского, «батальон третьего полка под командой начальника [батальона] Курциуша продвинулся до деревни, выгнав егерей в поле и закрепился в деревне; другие же два батальона этого полка, возглавляемые полковником Блумером, перейдя за деревню, вытеснили москалей из леса справа и слева, после чего корпус построился в две линии». Кавалерия Себастьяни прикрывала эту атаку справа от нападений казаков.

С рапортом о взятии Утицы к императору был послан в 9 часов поручик конной артиллерии А. Ростворовский. Солтык рассказывает, как в 10-м часу в свите императора «заметили прибытие молодого польского офицера, лейтенанта артиллерии, он назвался

Я. Шельминский. Полковник польской пешей артиллерии

Ростворовским; он был бледен, а его шинель покрыта кровью; он держался на лошади с большим трудом». По пути от Утицы офицеру раздробило ядром руку, он потерял много крови, но своё поручение выполнил до конца.⁴⁸

* * *

Тем временем, между 7 ½ и 8 часами на поле боя двинулся вестфальский корпус. Борке пишет: «Сначала вестфальцы следовали за движениями 3-го корпуса, но затем повернули вправо, выходя в боевую линию первого эшелона, против кустарника и левого флангового редута». Цель этого движения указана в рапорте Нея, который, вопреки приказу императора, изменил предписанное ему направление атаки и с большей частью своих войск ввязался в бой за флешу.⁴⁹ Маршал писал, что когда все три дивизии 3-го корпуса были введены в дело, «8-й корпус прибыл в это время на возвышенность; я послал его вправо для атаки, совместно с поляками, крайнего левого фланга неприятеля». Это решение было вызвано тем, что дивизии Ж. Компана и Ж. Дессе, которые должны были захватить южный люнет и оттеснить из леса русских егерей, встретили чрезвычайно упорное сопротивление. Раненого Компана сменил Дессе. Лоссберг объяснял этот поворот тем, что продвижение поляков в линию с войсками маршалов задерживалось и потому вестфальцы «получили приказ пройти сомкнутою колонною за войсками 3-го и 1-го корпусов для воспрепятствования наступления противника и для содействия атаке 5-го корпуса против леса».⁵⁰

Когда Наполеон прислал генерала Ж. Раппа принять командование 5-й дивизией, Дессе возвратился к своим войскам. Он направил их на некоторое расстояние вперед на опушку леса, которую велел обыскать и занять стрелками, чтобы своим правым флангом связаться с поляками. 4-я дивизия расположилась в

И.А. Клейн. Русские кирасиры

батальонных колоннах в 400 шагах впереди и справа от реданов. В этот момент на французов, неожиданно обрушились русские кирасиры; капитан Ж.М. Жиро де л'Эн определил их численность в 1,5 тыс. чел. Пронесясь мимо 4-й дивизии, они обрушились на французскую артиллерию.⁵¹ В это время вестфальцы находились на марше. «Первая бригада под командованием генерала Дама,- гласит рапорт Хёне,- получила в 7 часов приказ идти занять лес, расположенный справа, и она заняла позицию за редутом, которым направился овладеть 3-й корпус. С этой бригадой следовали 9 орудий, которые, будучи не в состоянии проникнуть в лес, разместились между французскими батареями. Неприятельская кавалерия, пытаясь вновь занять эту позицию, атаковала в направлении наших орудий; но она тотчас дважды принуждена была ретироваться с огромными потерями, под смертоносным огнём пехоты, образовавшей каре. 2-й и 6-й вестфальские полки проявили в этих обстоятельствах хладнокровие, какого можно ожидать от наиболее обстрелянных войск».

Офицер этой бригады Конради полагал, что она получила приказ поддержать новую атаку на укрепления. «Мы перешли через овраг,- пишет он,- тянувшийся восточнее Шевардина в лесу, и продвигались по нему вперёд без больших потерь, чтобы как можно скорее выйти на одну высоту с дивизией Компана. Но, несмотря на всё наше желание и самоотверженность, это не удалось. Едва мы оказались в редком кустарнике на опушке леса, и вышли оттуда на простор, как были встречены ужасным огнём, и наступление мгновенно остановилось. Но пары ободряющих призывов оказалось достаточно, чтобы привести в сознание храбрых людей». Русские авторы считают, что этот смертоносный огонь вела 1-я батарея гвардейской конной артиллерии капитана Р.И. Захарова. Увидев в кустарнике

обходящего флеша противника, он развернул батарею и безо всякого прикрытия «отважно понёсся в карьер на неприятеля, остановился на расстоянии близкого картечного выстрела и открыл беглый убийственный огонь по выходящему из леса неприятелю ... Голова ближайшей неприятельской колонны, выходящей из лесу, легла в полном смысле слова. Он выпустил всю свою картечь и принялся за ядра и гранаты. Вследствие огромных потерь неприятель принужден был остановиться».

Тем временем, по призыву полковника П.А. Козена, сюда примчались на полных рысях кирасиры Д.В. Голицына, обрушились на неприятельскую пехоту и захватили шедшую в хвосте колонны батарею. «Внезапно,- пишет Конради,- мы увидели надвигающуюся на нас большую массу кавалерии, которую поначалу мы приняли за свою. К счастью, я своевременно осознал эту ошибку, поскольку находился впереди всех со своим батальоном. Это были русские кирасиры! В одно мгновение было образовано каре и теперь выяснилось, что может совершить хорошо дисциплинированное войско. Люди стреляли быстро, но так спокойно и уверенно, что кирасиры с расстояния около 100 шагов до нашего фронта повернули и с большими потерями исчезли в пороховом дыму». Моргенштерн вспоминал: «Густые облака дыма настолько ограничивали наш обзор, что было трудно видеть всю нашу бригаду. Затем внезапно шум битвы прекратился прямо перед нами, и тысячи голосов грянули: «Vive l'Empereur!». Мы поняли, что наши храбрые товарищи взяли реданы ... У нашего левого фланга из дыма и пыли возникла масса чёрной кавалерии, устремившись на нас с оглушительным шумом. Генерал Дама немедленно приказал двум полкам ближайшего к всадникам фланга сформировать каре из шести шеренг, развернув их расположенные на фланге полувзводы внутрь. Это было немедленно ис-

Подполковник Л.В. Конради (1773-1848)

полнено, и всадники столкнулись с непоколебимой стеной, оцетинившейся штыками и готовой обрушиться на них сокрушительный град пуль. Но кавалерия не сделала попытки атаковать нас, и на большой скорости устремилась к месту где-то позади нас. В этот момент прозвучал голос генерала: "Point de feu, ce sont des cuirassiers Saxons! (Не стрелять, это саксонские кирасиры)", и никто не выстрелил. Несколько мгновений спустя мы услышали громкий спор, происходящий между старшими офицерами в середине каре; некоторые говорили, что латунная буква "А" на чёрной кирасе символизировала Августа, короля саксонского, другие думали, что она обозначала российского царя Александра, и клялись, что слышали русские слова команды. В этот момент те же самые кирасиры лёгким галопом вернулись оттуда, куда исчезли. По-прежнему никто не мог заставить себя отдать приказ стрелять по ним, поскольку они снова совершенно проигнорировали нас и проскакали мимо наших каре на расстоянии примерно 15-20 шагов. Мы бы так никогда и не узнали истинной принадлежности этих всадников, если бы один из них не выбыл из строя (возможно, пьяный) и не выстрелил из своего пистолета или карабина по нашему каре, а затем атаковал двух наших артиллеристов, которые находились вне его. Залп, который затем поспешно было приказано дать, имел малый, если и вовсе никакой, эффект, поскольку всадники вновь исчезли в дыму.⁵²

Слева от бригады Ф. Дама двигалась 2-я бригада генерала К. Борстеля. В рапорте Хёне сообщается, что «русские ретировались, когда герцог д'Абрантес прибыл со второй бригадой». Офицеры этой бригады более подробно описали произошедшее. «После примерно двухчасового ожидания, - пишет Линсинген, - мы также двинулись в дело. 1-я дивизия (мой батальон принадлежал ко 2-й бригаде Борстеля) продвигалась в батальонных колоннах. Артиллерия русского центра, казалось, весь свой огонь направила против нас. Генерал Тарро вёл дивизию, посланную бегом, до лежащей впереди высоты. В тот момент, когда мы достигли края возвышенности, против нас выскочили русские кирасиры. Мы обра-

Лейтенант К.В.А. Фляйшман (1787-1875)

зовали каре. После этого неприятельские кавалеристы отказались от намерения атаковать нас, повернули, наехали справа от нас на два слабых батальона 3-го армейского корпуса, затем были неожиданно атакованы тремя полками конных егерей и полностью опрокинуты». Рассказ командира этого батальона, подполковника Бёдикера, во многом напоминает приведённый выше. «Из вестфальской 1-й дивизии, - говорит он, - сначала должен был идти вперёд бригадный генерал фон Борстель, причём я с батальоном составлял авангард. При этом наступлении мы прошли очень близко от главного русского укрепления в центре и получили оттуда уничтожающий удар картечью. Однако бригада решительно преодолела беглым шагом пространство, обстреливаемое картечью. В тот момент, когда мы достигли лежащей перед нами возвышенности, внезапно через интервалы пехоты прорвалась колонна русских кирасир и справа от нашей бригады напала на два вюртембергских батальона, которые атаковала рядом с русским укреплением так, что оба батальона были изрублены. Быстро прибывшая французская артиллерия вместе с тремя полками конных егерей принудила кирасиров к отступлению».

Заметим, что Бёдикер в последнем случае несколько сгустил краски. Кирасиры, действительно, напали на вюртембергскую пехоту, располагавшуюся возле южной флешы, но 3-й сводный батальон, находившийся справа от люнета, проявил хладнокровие и решительность. Полковник А. Штокмайер быстро повернул вторую шеренгу батальона направо и приказал открыть пальбу рядами. Стоявшие позади полки 11-й дивизии А. Ледрю, свернувшись в каре, обстреляли кирасир с тыла и во фланг. Из-за путаницы с униформой пострадали не только вестфальцы, но и вюртембергская 3-я конная батарея капитана Бюрги. Лейтенант этой батареи К.В.А. Фляйшман пишет, что «русский кирасирский полк, который из-за сходства униформы и в суматохе боя был принят за саксонский, проник на батарею, изрубил большую часть личного состава и забрал бы также орудия, если бы упряжные лошади не были совершенно обессилены».⁵³

Командир 1-го батальона 3-го линейного полка этой бригады Лоссберг уверяет, что это его полк шёл во главе бригадной колонны. Он пишет, что по пути к лесу, «когда мы уже прошли мимо 3-го корпуса, мы получили

Генерал-майор П.А. Строганов (1774-1817)

приказание стать между этим последним и 1-м армейским корпусом в сомкнутых массах, так как в это время Кутузов взял обратно редут и флеши и даже отрядил туда кавалерию (кирасир), которые нас атаковали. Появление кирасир было для нас совершенно неожиданным, и, если бы некоторые их отдельные всадники не изрубили нескольких наших оторопевших артиллеристов, оставивших свои пушки, то следовавшая следом за ними крупная кавалерийская часть подошла бы к нашей бригаде совершенно незамеченною, так как мы приняли эту кавалерию, замеченную нами ещё издали, за саксонцев. По счастливой случайности, мы находились близко от ольховых кустов, через которые проходила дивизия не особенно растянутою колонною, имея обе бригады рядом, а наш полк в голове. Полк едва успел построить каре, когда начальник неприятельской кавалерии, не дойдя ещё половины расстояния выстрела, приказал повернуть обратно раньше, чем мы успели открыть огонь». Сержант артиллерии этого полка Якоб Майер рассказывал, что когда полк проходил через молодую поросль, он «скакал как раз перед первым зарядным ящиком, и одна неприятельская граната попала в зарядный ящик, который с ужасным грохотом взлетел на воздух со своими 120 картечными зарядами. Лошади и артиллеристы большей частью сгорели. Вследствие этого наша рота пришла в беспорядок, и потребовалось почти полчаса, прежде чем она снова смогла собраться. Затем мы должны были продолжить свой марш под непрерывным орудийным огнем и градом пуль, пока мы, наконец, не присоединились к одной польской батарее на правом фланге».

Итак, продвижение вестфальцев было на некоторое время приостановлено.

* * *

По словам Строганова, выдвинувшийся на новую позицию неприятель «начал устраивать против нас свои батареи, в коих было употреблено до 22-х орудий. Против них генерал-лейтенант Тучков тот час велел

Генерал-майор К.К. Сиверс 1-й (1772-1856)

поставить шесть орудий батарейной роты № 1-го на возвышенном месте, командующим [над] французскими батареями. Лейб-гренадерский, Екатеринославский и Санкт-петербургский полки под командою генерал-майора Фока прикрывали наши орудия. В сие время открылась жесточайшая канонада, но несмотря на превосходство неприятельского огня наша батарея неумолчно действовала, пока потерявши всех людей и расстрелявши большую часть своих зарядов, принуждена была уменьшить свой огонь и уже только действовать из четырех орудий». Наградной документ гласит, что командир этой роты полковник В.А. Глухов «с самого начала дела с 6-ю батарейными орудиями устоял против 24 неприятельских пушек и неоднократно сбил неприятельские батареи и ранен осколком бомбы в правое плечо». В то же время командир 6-й лёгкой роты подполковник Д.И. Дитерихс 6-й, возглавлявший батарею «из 10 легких орудий, стоявших на горе с левого фланга батарейных 6-ти орудий, открыл весьма действительный по неприятелю огонь, чем обратил на себя внимание его» и отвлек часть неприятельского огня от батареи Глухова. «Открыли и мы огонь из своей батареи по французам,- вспоминал Карпов,- пальба с обеих сторон производилась ужасно, так что выстрелы из пушек по линии казались, как будто батальный огонь (без очереди) производила пехота, а за громом пушек ружейных выстрелов совсем не было слышно».⁵⁴

Между тем, по приказанию Барклая, на помощь Тучкову был послан 2-й пехотный корпус генерала К.Ф. Багговута. Полковник И.И. Дитерихс 2-й пишет, что «рано поутру сам командир корпуса повел 17-ю пехотную дивизию ..., тогда еще 4-я дивизия с артиллерией оставалась на правом фланге». По словам Евгения Вюртембергского, Багговут с 4 пехотными полками 17-й дивизии направился к Тучкову лишь в 9 часов, «потом последовал туда за ним я с четырьмя же полками 4-й».⁵⁵ Но Багговут вынужден был задержаться на окраинности 2-й армии, оказывая помощь отряду генерала К.К. Сиверса 1-го.

3. «Немного левее центра...»

Видя сосредоточение неприятельских сил для атаки, Тучков послал уведомить Багговута, «что неприятель форсирует и непременно намерение его, как замечено, что бы занять высоту у него на левом фланге находящейся». Тогда Багговут послал к Тучкову генерала З.Д. Олсуфьева 3-го со 2-й бригадой 17-й дивизии (Белозерский и Вильманстрандский пехотные полки генерала Я.Е. Вадковского) и шестью орудиями 17-й батареей роты.⁵⁶

По прибытии этой бригады, Тучков «помянутым 6-ти орудиям приказал занять высоты [видимо, заменив ими пушки 1-й батареей роты, А.П.]. Неприятель, заметив движение сие, открыл сильной огонь по нашей батарее, послав вперед стрелков под прикрытием сильной колонны, стараясь, дабы не дать занять те высоты ... Картечной и ядерной град, производимой с неприятельских батарей, не мог остановить быстроты командующего оными орудиями поручика Щепотьева, которой с удивительным хладнокровием занял назначенное ему место и действовал с невероятною удачею так что ... в самое короткое время колонны неприятельские, так быстро шедши на нашу батарею, должны были удалиться. Батарея же неприятельская, невзирая, что у нее поручиком Щепотьевым взорвано два ящика на воздух, не переставала однако ж сильного действия, как по батареям, так и по колоннам нашим».⁵⁷

Ельский заявил, будто бы с занятием Утицы, которую он упорно именует Вогошна, поляки вышли на одну линию с вестфальцами и с корпусом Даву. «Итак, 5-й корпус выполнил свой приказ, то есть занял деревню Вогошна, наполовину уже спаленную гранатами, был отчасти избавлен от дальнейших действий и лишь в бездействии ожидал [дальнейшего] приказа». Ельский явно лукавил, или не знал настоящего приказа Наполеона, который на самом деле был недоволен медленным продвижением 5-го корпуса. Он не ожидал, что поляки встретят в этом месте серьезное сопротивление, и рассчитывал на их быстрое выдвижение вперед для взаимодействия с войсками Даву. Император вновь послал к ним Сокольниковского с приказом действовать энергичнее. Раздражение императора было несправедливо, так как он не учитывал особенностей боя в лесистой и заросшей кустарниками местности. Вейсенхоф характеризовал это наступление, как «кровавое продирание через чащу», как бой «с завязанными глазами». Со всех сторон летели пули неприятельских стрелков, повсюду впереди виднелись значительные массы русских, силы которых определить было невозможно. Понятовский также подчеркнул, что «местность была чрезвычайно заросшей, начиная с маленького леса до высоты холма, который доминировал надо всею равниной и который был прочно занят неприятелем; я велел распустить три батальона в стрелки в густом кустарнике, который был заполнен большим числом русских пеших егерей: вслед за этим началась оживлённая ружейная пальба».⁵⁸

По словам Колачковского, «16-я дивизия под начальством генерала Красинского, поддерживая своих стрелков, разбилась на небольшие отряды и хотя ввела в бой две трети всего своего состава, но все-таки вперед не подвигалась. Неприятельские стрелки, отойдя к своим колоннам, перестали отступать и даже перешли в наступление. Трудно было собрать воедино

нашу пехоту, рассыпавшуюся в зарослях и кустах, чтобы сформировать из неё колонну для атаки, тем более на виду у неприятельских егерей и под их огнём. Огонь же всё усиливался». Начальник штаба этой дивизии вспоминал: «Когда мы с потерями пробивались через чащу, я ехал с несколькими офицерами нашего штаба на правом крыле 16-го полка; но так как мне приходилось из-за густого леса постоянно поворачивать коня то вправо, то влево, я отделился на несколько шагов от фронта на более открытое место. В этот момент я увидел почти перед собой около 20 павловских grenадеров, узнав их по медным шапкам; не дав мне времени опомниться, офицер скомандовал: «Огонь!» - и они дали по мне залп. На таком чрезвычайно близком расстоянии, казалось бы, ни одна пуля не могла не задеть меня; однако только одну я был ранен в правое плечо. Удержавшись всё же на коне и заметив штыки приближающегося нашего фронта, я крикнул русским, чтобы они сдавались, надеясь их окружить, - в этот момент вторая пуля прошла у меня между левым боком и локтем, хотя и не ранив меня, но с такой силой, что сбросила меня с коня и дала контузию. Юзеф Мерошевский, капитан нашего штаба, прибежал в этот момент с несколькими grenадерами и велел отвести меня в тыл». Под командиром 16-го полка князем К. Чарторыским осколком ядра убило лошаадь.⁵⁹

Немного правее, перед фронтом 5 конно-егерского полка Понятовский старался разглядеть сквозь непрерывный ружейный огонь и заслон из зарослей позиции русских, «заглянуть противнику в карты». Дембинский вспоминал, что как только пехота выстроилась впереди кавалерии, «Понятовский приказал нашим четырёх полкам построиться в колонну; каждый полк поэкадронно. Итак, эти 4 полка образовали колонну наподобие четырехугольника; затем двинулись и, снова обогнав пехоту, заняли позицию уже в ольховом кустарнике, который окружал наше правое крыло. Князь, видимо, имел намерение ударить кавалерией на орудия Багратиона [Тучкова, А.П.]... Наш полк составлял левое крыло колонны, так что должен был первым наскочить на укрепление. Князь уже даже подал сигнал к атаке, когда, к несчастью для нас и для всей битвы, к князю подъехал генерал Себастьяни. Он заявил, что между корпусом и французской армией появилась масса казаков, которые отрежут поляков, и приведут пехоту в расстройство. Князь с видимым неудовольствием выслушал Себастьяни, остановил своего коня, а также и всю колонну.

Затем Понятовский «со штабом двинулся влево к кустарнику, где Себастьяни хотел видеть массы [войск], а вскоре и наш полк получил приказ направиться за князем; мы построили фронт таким образом, что наше правое крыло оказалось напротив батареи Багратиона, а фронт был обращён к тем кустам. Такое положение было для нашего полка невыгодным, ибо косою неприятельский огонь за короткое время вырвал у нас до 40 человек, и среди прочих всеобщего любимца, молодого поручика Виржбицкого из Любельского повета [подпоручик Адам Виржбицкий, А.П.]. Князь Понятовский непрерывно разъезжал перед кустами, приподнимаясь на стременах, чтобы разглядеть те массы, о которых упоминал Себастьяни. Но этих масс, как кажется, там не было, так как

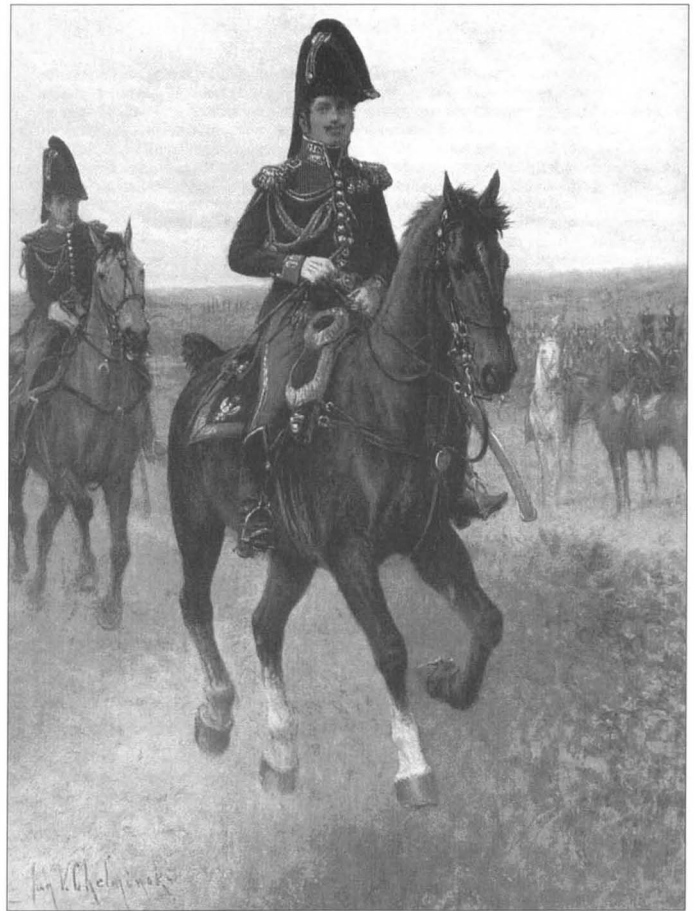

Штабной полковник Я. Вейсенхофф (1774-1848)

высланные позднее из пехоты стрелки, их там не обнаружили; но российские стрелки в этих кустах были многочисленны. Постоянно они выбегали из кустов по четверо или пятеро сразу, прицеливались в князя и стреляли в него, но, к счастью, так в него и не попали. Вскоре наша пехота добралась до кустов, оттолкнула тех стрелков вглубь, но российские стрелки упорно сопротивлялись. Ранеными вышли из кустов полковник Вейсенхофф, майор Суходольский и некоторые другие».

Уже 40 польских орудий вели огонь по холму. Правда, как заметил Солтык, «польская артиллерия, вынужденная приблизиться к москвитам, чтобы доставать их, спустилась с выгодного пункта, который она заняла сначала, и с этого времени подвергалась сверху артиллерийскому огню неприятеля, который занимал доминирующую позицию». Но приказ императора, переданный Сокольниковым, подстёгивал князя Юзефа к атаке.⁶⁰

Около 11 часов Понятовский отдал приказ пехоте атаковать. По словам Ельского, он «с этой целью откомандировал начальника штаба 16-й дивизии полковника Вейсенхоффа во главе 15-го полка, чтобы начал атаку, поддержанную остальными частями 16-й дивизии». Заметим, что по другим данным, Вейсенхофф уже был ранен, да и сам он ничего не пишет о штурме батареи. «Атака сразу пошла удачно, - пишет Ельский, - 15-й полк прогнал стрелков из кустарников, заслонявших батарею, и добрался до самой вершины холма». Подполковник М. Рыбинский двинул свой батальон 15-го полка бегом. Его конь увяз в болоте и потому Рыбинский далее двигался пешком. Утомлённые бегом солдаты стали продвигаться медленнее и с трудом, но всё же приближались к русским пушкам. Русские канониры хотели напоследок дать залп, порох на западе уже загорелся, но выстрела не произошло. Рыбинский,

Я. Шельминский. Штабной полковник (Польша)

шедший прямо на жерло орудия, чудом избежал неминуемой смерти. Обойдя холм с юга, он увлёк солдат на штурм; они бросились в штыки без единого выстрела. Русский офицер вскочил на коня, орудия стали свозить, русские медленно отступили.⁶¹

В 11 часов в этот район прискакал Солтык и стал свидетелем ещё одного отважного поступка. Он нашёл польскую пехоту рассыпанную в лесу и перемешавшуюся с русскими стрелками. Видя бесперспективность этой губительной перестрелки, командир 3-го пехотного полка подполковник И. Блумер «соединил человек пятьдесят из своего полка и, схватив за воротник одного барабанищика, приказал ему бить атаку и идти возле него. Затем он стал громко кричать «Ура!»; несколько офицеров, которые сгруппировались вокруг него, как и его храбрые солдаты, делали то же самое, чтобы внушить неприятелю, что в этой стороне имеются значительные соединённые силы. Таким образом, он продвигался с большой решительностью во главе своей маленькой колонны, прокладывая путь штыками ... Густота леса мешала неприятелю распознать слабость его отряда; он подумал, что был атакован свежими войсками, двигавшимися в сомкнутом строю, и отступил по всей линии».⁶²

Овладев возвышенностью, поляки отеснили русских дальше. Тогда русские открыли артиллерийский огонь, на который отвечали две польские батареи. Тем временем на курган явился Понятовский. Рыбинский выдвинулся через заросли за холмом и увидел поле, а за ним берёзовый лес. Возле него стояла русская кавалерия: два полка гусар и два - кирасир (мемуариста явно подвела память).⁶³

Итак, поляки захватили ключ русской позиции, курган, но находившаяся во второй линии дивизия Князевича не сделала ни шага, чтобы поддержать эту атаку, и поляки не сумели развить этот тактический

Э. Детай. Атака польской пехоты

успех. «Первые батальоны,- писал Понятовский,- после больших усилий добрались до вершины холма, но, хотя и были поддержаны другими батальонами, не смогли удержаться против значительно превосходящих сил». По подсчётам Кукеля, до этого времени соотношение сил противников в пехоте было примерно равно: 18 польским батальонам противостояли 12 гренадерских и 12 егерских, причём часть последних сражалась против войск Дессэ, а затем вестфальцев. После же подхода Олсуфьева с бригадой Вадковского соотношение сил изменилось в пользу русских. Теперь 14 русских батальонов двинулись против 6 польских, так как 3 батальона 16-й дивизии были задействованы против русских егерей в лесу. Эти расчёты неточны. На самом деле, к тому времени у Тучкова было 12 гренадерских и 4 егерских батальона, к нему подошли 4 пехотных батальона, из которых 2 сходу были введены в бой. Понятовский же задействовал только 16-ю дивизию (9 батальонов) и до 40 орудий, всего 3,5 – 4 тыс. чел. Так что соотношение сил было 16-18 против 9 батальонов. Впрочем, точное соотношение сил определить весьма сложно, поскольку расположение егерских полков Шаховского и двух сводно-гренадерских батальонов 3-й дивизии точно не известно. Скорее всего, бригада Шаховского полностью ввязалась в бой с вестфальцами.

Тем временем войска маршалов Нея и Ж. Мюра отбили русские контратаки и между 10 и 11 часами окончательно овладели люнетами. 1-я бригада 24-й вестфальской пехотной дивизии была направлена к одному из захваченных реданов. «Но даже когда мы подошли вплотную к укреплению,- пишет сержант Флекк,- русские ещё причиняли нам большие потери своими отличными навесными выстрелами. Хотя редут, позади которого мы стояли и искали защиты,

был нами взят, однако артиллерия следующего редута так умело направляла свои орудия, что ядра, летящие дугой, падали посреди нас и причиняли большие опустошения». Видимо, русские вели огонь из укрепления на краю д. Семёновское. После того, как Ней захватил укрепления, осмотреть их направился генерал Ж. Ларибуасьер. Адьютант последнего, капитан Н.Л. Плана де ла Фэ, пишет, что «позади редута был сосредоточен в сомкнутых колоннах вестфальский корпус, и получал время от времени снаряды, которые, разрываясь, подбрасывали в воздух кивера и штыки. При каждом подобном ударе эти бедные солдаты бросались ничком».⁶⁴

В то время, когда М. Ней продолжал отстаивать Семёновские реданы, к нему прибыл полковник Л. Лежен с донесением, что Понятовский, который должен был обойти левый русский фланг, «не мог этого сделать, так как встретил препятствие в слишком густом и болотистом лесу».⁶⁵ Видимо, после этого маршал вторично отдал вестфальцам приказ перейти в наступление. «Штабной офицер,- вспоминал Моргенштерн,- подсакал к генералу Дама с приказом обеспечить безопасность коммуникаций между нашим центром и 5-м корпусом Понятовского, сражавшимся в лесах к югу от Утицы. Мы выступили, как только ушли русские кирасиры, и наш путь пролегал мимо места отчаянного сражения. Это был момент, когда резервы, призванные русским главным командованием, прибыли к реданам. Это была гвардейская пехота и массы тяжёлой кавалерии». По словам Моргенштерна, в это время генерал Ж.Б. Сорбье выдвинул вперёд батарею из 80 орудий, к которой присоединилась полковая артиллерия 2-го вестфальского полка.

Борке пишет, что после занятия люнетов «1-я дивизия под командованием генерала Тарро была послана вперёд в атаку на кустарник, который прочно удерживался русскими».

Вестфальский гвардейский егерь-карабинер

живал неприятель; оттуда он обстреливал во фланг захваченные укрепления. Поскольку русских долго не могли выбить из кустарника, удержание их стоило многих жертв, и обладание ими оставалось ненадёжным. Одновременно 2-я дивизия под командованием генерала Окса была назначена для прикрытия и защиты укреплений». По словам капитана Линзингена, 1-я дивизия была послана вправо для поддержки 5-го корпуса, «в то время как бригада 2-й дивизии усилила правый фланг 3-го армейского корпуса и поступила под непосредственное командование герцога Эльхингенского».

Ход этой атаки вестфальцев изложен в источниках крайне скупо и невнятно. Линзинген рассказывает: «Во время наступления наша дивизия была сильно обстреляна справа из леса. Генерал фон Борстель со своей (2-й) бригадой обратился против этого леса и взял его с первой попытки. В этих густых зарослях неописуемо перепутались теперь русские, французы, поляки. Всякий обзор отсутствовал, друг часто стрелял в друга. Генерал фон Борстель беспощадно продолжил своё энергичное наступление на противника вплоть до опушки, велел занять и очистить лес. Здесь дело дошло до непрерывного огневого боя, в котором русские задействовали против нас даже артиллерию». Вопреки браваурному тону этого рассказа, в реальности бой был очень упорным и продолжительным.

Вестфальцы столкнулись с русскими егерями, а в северо-западном углу Утицкого леса действовала 4-я

пехотная дивизия генерала Ж.П. Фридрикса, сменившего раненого генерала Ж.М. Дессэ. Весьма вероятно, что против этой дивизии действовал полковник Воейков, который с «49-м полком до самого вечера противу превосходящих неприятельских сил удерживал в левой стороне кустарник, несколько [раз] прогонял штыками колонны французские и подал случай врубиться кавалерии в расстроенную егерями неприятельскую пехотную колонну». Командир полка Кологривов «во все время сражения содержал полк в порядке», а его подчинённые «часто колебали неприятеля, и, наступая на него, с мужеством прогоняли его неоднократно».

Предположительно напротив 4-й дивизии и находился отряд Сиверса. «Когда две передние флешы нашими войсками оставлены были,» пишет Сиверс, «усмотрел я намерение неприятеля, в нескольких колоннах пехоты и кавалерии следующего, под прикрытием тиральеров [стрелков], обойти наш левый фланг, чрез что мог бы зайти в тыл всей нашей позиции ... В ту минуту взяты были мною от ближайшей батареи два батарейных орудия и три легких, и поставлена батарея гораздо впереди позиции 2-й армии, на пригорке возле самого лесу; действие картечных выстрелов по оным колоннам было столь разительно, что колонны были опрокинуты».

В 10-м часу мимо этого места проходила 17-я пехотная дивизия, которую командир 2-го корпуса генерал К.Ф. Багговут вёл к Тучкову. Багговут пишет, что «немного левее центра» он встретил отряд Сиверса, «у коего занимала высоты конная артиллерия [видимо, 8-я конная рота], которая по малости ее калибра не могла вредить достаточно неприятелю, почему я приказал сменить батарейною ротою № 17 командуемую полковником Дитериксом 2-м, дав ему к прикрытию Рязанский пехотный полк, а дабы не дать неприятелю занять находящейся неподалеку в левой руке оной батареи кустарник, приказал Брестскому полку рассыпать по оному стрелков и непременно удерживать неприятеля». В донесении Кутузова сказано, что это были «высоты, находящиеся при деревне Семёновской», и генерал П.И. Ивелич 4-й «устроил сильные на оных батареи, чрез что восстановил тесную связь между левым крылом армии и 1-й гренадерской дивизией». Следовательно, Брестский полк достаточно далеко распространился к югу в Утицком лесу. Командир этого полка майор П.А. Чертов 1-й вспоминал: «В этой кровавой битве довелось мне участвовать с Брестским пехотным полком корпуса Багговута, когда он часу в 10 с правого фланга послан был в подкрепление левого. Полк мой с Рязанским полком составлял в 1-й дивизии Алсуфьева 1-ю бригаду под командой графа Ивелича».

«Как только было все устроено,» продолжает Багговут, «помянутая батарея заставила неприятеля открыть по оной сильную канонаду, сближая свои батареи к батареям нашим под прикрытием 3-х сильных колонн пехоты, но удачное действие нашей артиллерии в одно мгновение извергло предприятия его и тот же час колонны сии отступили за лес и артиллерия так же удалась». Сиверс пишет, что неприятель попытался сбить батарею, «мною у лесу поставленную, однако в том не успел, а вместо того оная батарея с помощью других... причинила большой вред, как неприятельской батарее, так и его войскам».⁶⁶ Из наградных документов видно, что полковник И.И. Дитерикс 2-й развернул не только свою, но и 33-ю легкую роту подполковника Ф.М. Башмакова и с «дистанции оружейного выстрела, действовал искусно и удачно по неприятельским батареям,

опрокинул несколько раз колонны и кавалерию французскую», и, будучи ранен, не оставил своего места. А штабс-капитан П.П. Щепотьев, «находясь на левом фланге батареи полковника Дитерихса 2-го, искусно действовал из своих орудий, притом, когда на подбитые его орудия напали конные французы и егеря он с несколькими канонирами запутывали его на отвозе», так что орудия были спасены. Любенков вспоминал, что 33-я рота «хлынула картечью, опрокинула колонны, отряды неприятельской кавалерии смешались и линия врагов подалась назад, стрелки наши бросились вперед, завладели высотами, мы твердо стали на этой позиции». Через некоторое время сюда приехал Баггвут. «У вас очень жарко, сказал он; мы гремся с неприятелем, отвечали мы. - Вам нужно подкрепление, стойте, братцы, ни шагу, вы изумляете неприятеля».⁶⁷

После отражения неприятеля на батарее осталось лишь по несколько зарядов на орудие. Некий унтер-офицер Литовского уланского полка попросил у Любенкова разрешения «слетать за ящиком к неприятелю». Помчавшись вперед, храбрец привёз зарядный ящик, брошенный русскими во время контратаки. «Заряды пришлись по калибру легких наших орудий,- пишет Любенков,- и мы с радостью их разделили как драгоценную добычу, выхваченную из рук неприятелей... Граф Сиверс, как главный начальник нашего отряда, поздравил храброго унтер-офицера». Поскольку «люди у орудий были изранены, мы их заменили рядовыми из Рязанского и Брестского полков, нас прикрывавших; на лошадей посажены были лихие ратники Московского ополчения». Сиверс также упомянул полкового писаря Литовского уланского полка, который вовремя подвёз зарядный ящик, «и когда неприятель сделал новое покушение на батарею, орудия действовали вторично столь хорошо, что неприятель принужден был поспешно отступить в совершенном беспорядке. Невзирая на недостаток зарядов, оные пять орудий мною удержаны были под прикрытием егерей, пехоты, под командою генерал-майора Шаховского, и Литовского уланского полка до самого вечера».⁶⁸

Между тем, 2-я бригада 17-й дивизии генерала Я.Е. Вадковского была направлена на помощь к Тучкову,- пишет Баггвут,- «с 6-ю орудиями батарейными № 17-й роты (которые взяты были с батарей выше сего помянутых вместо коих поставлены были 6 же орудий легкой № 39 роты)».

Прибытие войск Баггвута ощутили на себе и вестфальцы. «Русские значительно усилили,- вспоминал Конради,- своё левое крыло и оттесняли 5-й корпус всё дальше и дальше назад. Против нас также выступали из порохового дыма всё новые массы неприятеля, и его огонь становился столь подавляющим, что мы, хотя и медленно, должны были отойти. Был убит генерал Дама, генерал Тарро был тяжело ранен... Превосходящие силы русских сбили нас со всех позиций, добытых с большим трудом. Лишь позади вышеупомянутого оврага нам удалось остановиться и вновь построить поредевшие батальоны. Противник также не отважился преследовать далее, так как он, видимо, опасался оказаться отрезанным польским корпусом». Конради не называет точного времени этого боя, но другие мемуаристы пишут, что генерал Ж.В. Тарро был тяжело ранен двумя выстрелами в низ живота около полудня. «Сквозь густой дым слева от нас,- вспоминал Моргенштерн,- маячили двое всадников; одним из них был наш уважаемый дивизионный командир генерал Тарро. Его поддерживал его адъютант, и ему с большим трудом удавалось держаться

Дивизионный генерал Ж.В. Тарро (1767-1812)

в седле; его сабля выскользнула из его руки. Адъютант обратился ко мне, я бросился в его сторону и он сказал мне, что ранение генерала смертельное». Вследствие этого генерал Борстель, легко раненый в плечо, принял командование дивизией, полковник Бернар - 2-й бригадой, а подполковник Лоссберг - 3-м линейным полком.

«С 12 часа утра,- вспоминал Чертов,- до позднего вечера Брестский полк был в деле вместе с Рязанским». Понеся значительные потери, особенно в командном составе, вестфальцы были вынуждены ограничиться перестрелкой с русскими егерями. Те, по признанию Конради, «оказали чрезвычайно упорное сопротивление нашему наступлению. Мы не двигались вперед и долгое время лежали, стреляя друг в друга. Наши потери здесь были незначительны, поскольку русские стреляли слишком высоко, как можно было судить по ветвям и обломкам деревьев, массами падавшим сверху». Р. Солтык, возвращаясь в 12-ом часу от поляков к центру, «встретил вестфальскую дивизию, также рассыпавшуюся в стрелки и выдерживавшую... ожесточённый бой против пехоты москвитов. Перестрелка здесь была настолько оживлённой, что в один момент моя лошадь получила пулю в голову и в то же время гарда и ножны моей сабли были разбиты».⁶⁹

4. Русская контратака

Строганов пишет, что неприятель «успел занять гору, на которой стояла наша батарея, но мгновенно с боку генерал-майором Цвилленевым, а в лицо генерал-майором Фоком был сильно встречен и опрокинут с великим уроном, к чему так же немало содействовал подполковник Керн с Белозерским полком, который их взял совершенно с тылу». Багговут уточнил, что «Олсуфьев послал подполковника Керна с батальоном Белозерского пехотного полка опрокинуть непременно неприятеля, которой будучи подкреплен павловскими гренадерами с решимостию бросился на колонну и стрелков неприятельских». Согласно наградным документам, «при отражении с батареей неприятельских гренадер» Олсуфьев «командировал Белозерского полка 1-й батальон встретить с фронта неприятеля, а другой батальон того же полка послал стороною, которой угрожал неприятель ударить во фланг, каковым искусным маневром неприятель приведен был в замешательство, а штыки мушкетер наших заставили искать себе спасение в бегстве». С фронта поляков атаковала колонна майора Ермолаева, который со своим «батальоном принял в штыки неприятеля, после со стрелками прогнал неприятеля, рассеявшегося по кустарникам», где был ранен, а подполковник Керн, «освободив нашу батарею, преследовал его до самых французских батарей».

В атаке участвовали и другие войска. Так, майоры Павловского полка Мусин-Пушкин и Пейкер «при атаке высоты, занятой неприятелем, с отличным мужеством бросились с батальонами, сбили усилившегося неприятеля и своевременно истребили неприятельскую сильную колонну», а капитан Санкт-Петербургского полка Головин «ударил со взводом вместе с Павловским гренадерским полком в штыки». Графа Аракчеева полка майор Петров при атаке неприятеля на батарею «храбро с батальоном ударил на него в штыки ..., обратя в бег; но в то время, «когда 1-й батальон пошел отбивать батарею от неприятеля, то другая неприятельская колонна из лесу хотела ударить в тыл», почему майор Шварц с другим «батальоном ударил на нее в штыки и опрокинул оную в бегство». «При защите батареи и прогнании неприятеля, ворвавшегося на оную», отличились и солдаты Екатеринославского полка. Видимо в это время майоры этого полка Теплов и Плешков с 3-м батальоном были «откомандированы для подкрепления левого фланга, где, выславши стрелков, вредили чрезвычайно предприятиям неприятельским, а несколько его колонн останавливали с батальоном штыками и прогнали до деревни».⁷⁰

По словам поляков, русские бросились в контратаку около полудня. Судя по плотности огня и количеству русских стрелков, Рыбинский оценил их силы в пару тысяч человек. Его батальон был окружён. Он выхватил из рук убитого знаменосца полкового орла и, сформировав колонну, прорвался через русские войска к своим. Батальон потерял при этом 4 офицеров и от 100 до 300 солдат, но увёл с собой 60-80 пленных из Павловского полка. Раненый Рыбинский просил у князя Юзефа позволения возобновить атаку, но такового не получил и был отослан назад, на левое крыло польских войска. Выполняя это распоряжение, батальон отступил с поля боя и при отходе наткнулся на дивизию Князевича, скрытую в кустах возле ручья.⁷¹

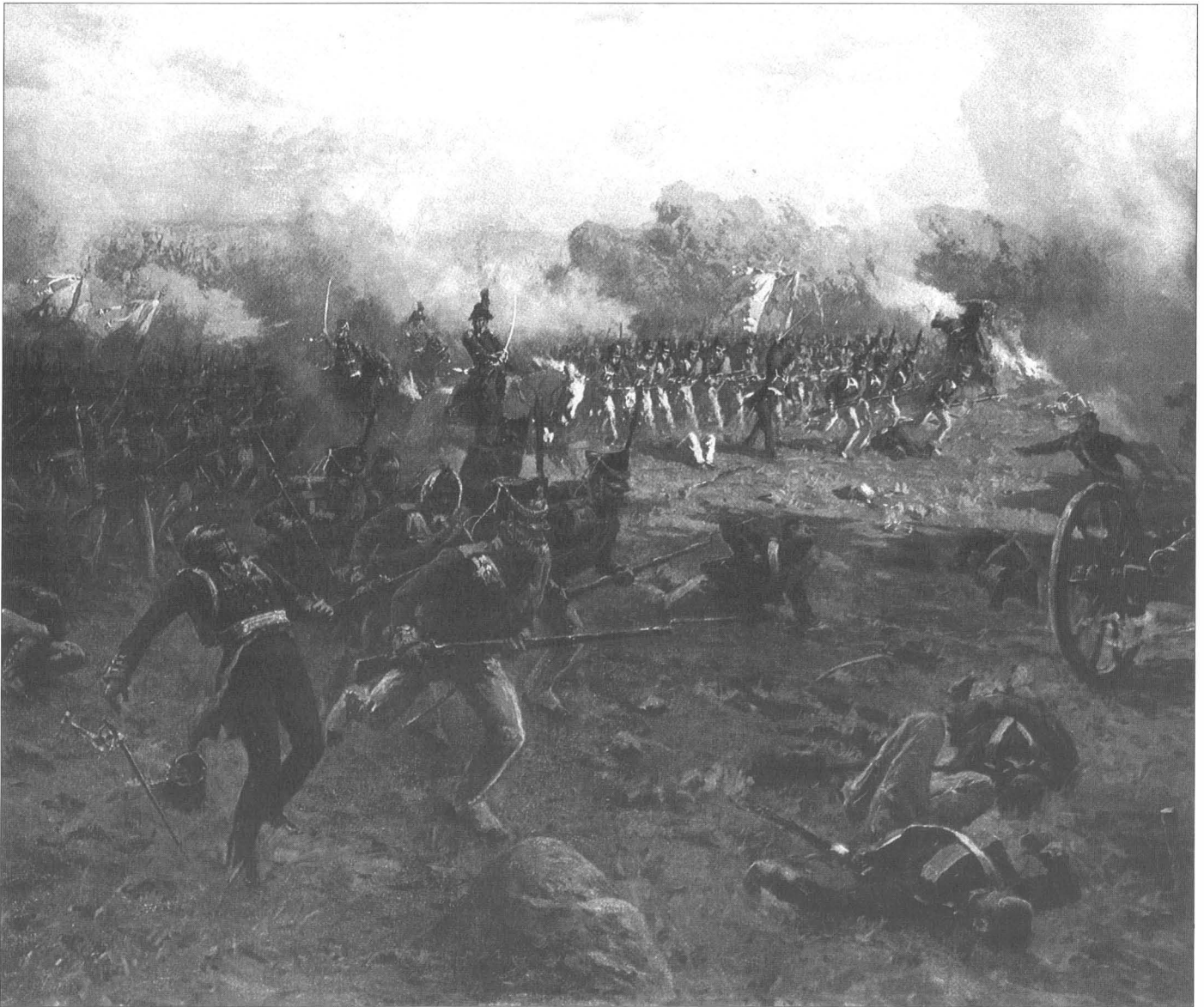
Ельский пишет, что князь Юзеф, «сам встал по главе 18-й дивизии, приблизился к кустам, крикнул: «Ура,

дети!» и приказал 18-й дивизии идти в штыки». По словам Солтыка, в первом часу дня Понятовский, решив «закончить в свою пользу бой, который дивизия Красинского выдерживала в лесу, придвинул дивизию Князевича, которая находилась в резерве на опушке того же самого леса, и, отдав приказы этому генералу, обратился к солдатам, крикнув им: «Идём вперёд, дети мои, ура!». Тогда эти храбрецы, в нетерпении сойтись в рукопашную с москвитами, не дожидаясь приказа своих офицеров, бросились в лес; ряды расстроились; а то, что легко может исполнить компактная масса, не могут осуществить рассыпанные войска: поэтому неприятельские стрелки держались хорошо, несмотря на новые подкрепления, полученные поляками». Ельский также пишет, что ряды поляков расстроились, «солдаты разъединились, в пылу ворвались в кусты, не всегда могли распознать неприятеля и часто выстрелами разили своих, сражавшихся с неприятелем в первой линии; с рассыпанными солдатами уже невозможно было закончить атаку».

«Тогда генерал Князевич,- продолжает Солтык,- ветеран Рейнской армии, который славно сражался под командой Моро у Хоэнлиндена, опираясь на свой прежний опыт, посоветовал князю отвести свою пехоту из леса и воссоединить её на первой позиции, которую она занимала. Понятовский последовал этому совету, и было приказано отступить». Ельский вспоминал, что разосланные адъютанты Князевича, капитаны Вильгельм Орсетти и Мацей Водзиньский и он сам, «разносили отступавшим отрядам обеих дивизий приказ, выходить из кустов, сам генерал собирал их в массы, прикрываясь своей артиллерией». По словам Солтыка, «это движение было хладнокровно исполнено. Польские батальоны перестроились при выходе из леса и, свернувшись в колонны, медленно и в хорошем порядке отступили, несмотря на перекрёстный огонь хорошо поставленной артиллерии неприятеля, пехота которого не отважилась последовать за нашей при её отступлении. Это движение было закончено в час пополудни, и пятый корпус занял позицию около деревни Утицы». Князевич отступал в последних рядах и, прибыв на прежнюю позицию, построил корпус в одну линию, фронтом к неприятелю и объявил солдатам, что после отдыха, хотя и нежелательного, поскольку войска подвергаются неприятельскому огню, он вновь поведёт их на батарею. Тем временем, он приказал орудиям вести огонь, насколько позволяли запасы снарядов.

Багговут также упоминает о двух неприятельских атаках, но первая, по его словам, была отбита, и лишь в результате второй курган был взят. «Неприятель,- пишет он,- видя неудачу своей пехотной колонны, послал другую, сильнее прежней, которая непременно хотела взять нашу батарею и уже стрелки ее были у подошвы оной ... Двукратное нападение неприятеля не могло иметь желаемого для него успеха почему принужден был удалиться за лес и батарея его совершенно замолчала». Во время этой контратаки был ранен пулею в грудь генерал Тучков, шедший во главе павловских гренадеров, и команду над отрядом принял генерал Олсуфьев, а вскоре затем Багговут.⁷²

«Мы были отброшены с холма,- признавал Понятовский,- но мы сумели удержаться в лесной поросли..., и я велел моим батареям продолжать обстреливать вершину холма, где неприятель имел двенадцать пу-

М. Греков. Лейб-гренадерский полк в сражении при Бородино

шек большого калибра». По мнению Кукеля, это произошло около 13 часов. После этого, по словам Солтыка, «завязалась оживлённая перестрелка в зарослях и в лесу между дивизией Красинского и москвитями и продолжалась в течение двух часов без заметного преимущества тех, или других». Все польские батальоны оказались распушенными в стрелки, но и русские войска были разделены на небольшие колонны и рассыпаны в стрелки.⁷³

* * *

Слева до вестфальцев доносился оглушительный шум боя за деревню Семёновское, а когда последняя была взята французами, стал ослабевать и огонь противостоящих им русских егерей. Похоже, что тогда маршал Ней в очередной раз велел вестфальцам двинуться вперёд. «В 1 час дня,- пишет Лоссберг,- наш 8-й корпус получил приказание продолжить начатое им движение на правый фланг для подкрепления 5-го корпуса. После упорного кровопролитного боя лес был взят нашим корпусом, развернувшимся в линию и имевшим несколько батальонов в резерве, однако правая его часть, где лес был глубже и связывался с тылом посредством лежащих позади перелесков, всё ещё оставалась в руках русских, почему мы принуждены были занять здесь фланговую позицию». По словам Конради, русские отступали в полном порядке, постоянно отстреливаясь и нанося вестфальцам значительный урон. «Шум бушевавшей

справа от нас борьбы,- пишет он,- всё больше ускорял наше наступление, несмотря на то, что мы находились в сфере самого действенного огня неприятельской артиллерии. Лес стал немного реже, и я смог, двигаясь верхом рядом с моей гренадерской ротой, обозревать уже часть поля боя 5-го корпуса». В два часа пополудни вестфальцы установили, наконец, связь с 5-м корпусом и остановились на отвоеванной позиции, чтобы немного отдышаться.⁷⁴

Между тем Багговут всё настойчивее требовал к себе 4-ю пехотную дивизию, оставленную севернее д. Семёновское, но без разрешения Барклая де Толли Евгений Вюртембергский не мог этого сделать. Лишь после того, как А.И. Остерман-Толстой с 24-й дивизией сменил его, он двинулся на левый фланг с Кременчугским и Минским полками бригады Д.И. Пышницкого, оставив 1-ю бригаду (атакованную в тот момент французской кавалерией) в центре позиции. Поскольку возле Семёновской и южнее её шла борьба, принцу Евгению пришлось идти окольным путём. «Когда я,- пишет Е. Вюртембергский,- проходил со 2-ю бригадою недалеко от московской милиции, то начальники ее, вообразив, что я отступаю, встревожились». Эту бригаду,- пишет

Дивизионный генерал А.Л. Окс (1759-1823)

Вестфальские егеря гвардии

Багговут, - «я поставил между нашим левым флангом и отрядом генерал-майора графа Сиверса, имея таким образом связь с сим генералом, артиллерию же с ним прибывшую поставил 6 орудий 4-й батареей вместо же батареей № 17-й, а другие 6 орудий командировал к отряду графа Сиверса». Кременчугский полк был оставлен прикрывать батарею, а Минский - отряжен в стрелки. По словам квартирмейстерского офицера 2-го пехотного корпуса Г.В. Хофмана, «был 1 час дня, когда эта бригада прибыла на левый фланг. Вместо ожидаемого сражения всё здесь было совершенно спокойно».⁷⁵

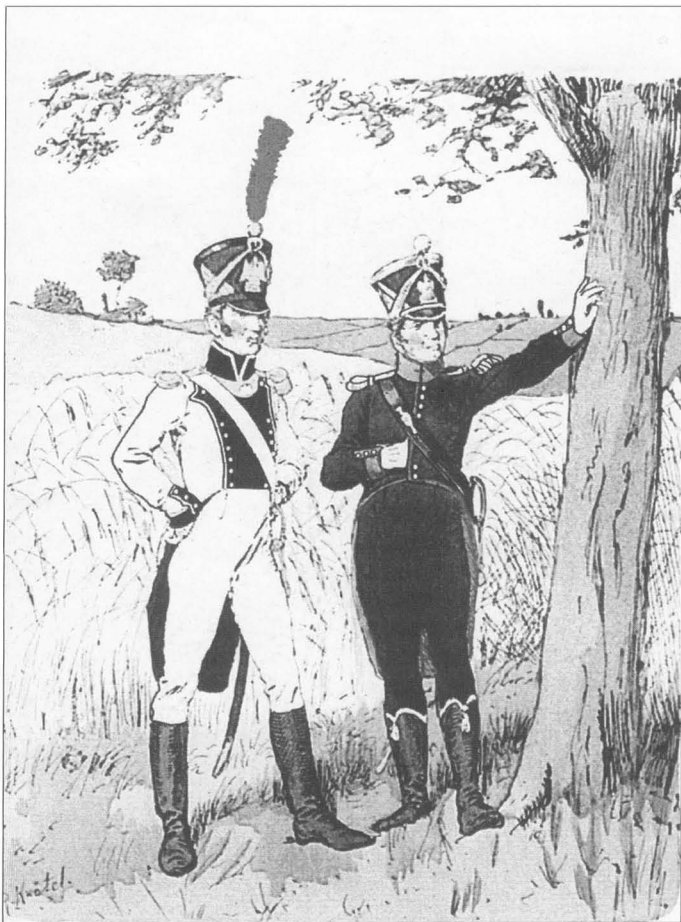
После того как 23-я вестфальская дивизия продвинулась вперёд, генерал Окс, «который до сих пор стоял со 2-й [24-й] дивизией позади укреплений для их прикрытия, теперь спустился на равнину. Подполковник фон Раушенплатт с 1-м лёгким пехотным батальоном находился во главе (колонны) и был тотчас атакован сильным неприятельским кавалерийским полком, но он открыл по нему с короткой дистанции такой эффективный батальный огонь, что тот отступил с большими потерями. Генерал Окс последовал теперь с вестфальской гвардией и успешной дальнейшей атакой овладел равниной». Другие источники говорят, что батальон Раушенплатта отразил несколько атак русской кавалерии, «но его хорошо направленный огонь в упор расстроил противника, и фронт батальона был покрыт его трупами».

Быть может, к этому времени можно отнести эпизод, описанный старшим вахмистром 2-го кирасирского полка О. Тирионом. После безуспешных атак на русские гвардейские каре кавалерия Нансути долгое время стояла в первой линии, подвергаясь губительному обстрелу русских орудий. «Наконец,- рассказывает Тирион,- подошла вестфальская дивизия и стала позади нас, отделённая от русских двумя шеренгами наших

лошадей, совершенно нами прикрытая, но когда поворотом «повзводно направо» мы открыли интервалы между взводами, по которым пехота могла бы пройти вперёд, стать перед нами и вступить в бой, то бедные вестфальцы, наполовину рекруты, изумлённые подобной близостью орудий,... начали кричать: «Wir bleiben nicht hier!» (Мы не останемся здесь) - и пожелали присоединиться к нашему отступательному движению.

Это обстоятельство вынудило нас вернуться, чтобы поддержать или, вернее, успокоить пехоту, по пятам которой шли наши лошади. Этим маневром мы продвинули пехоту эту к краю оврага, в который и заставили её спуститься на несколько шагов, с расчётом укрыть людей от огня русской артиллерии... Эта пехота из оврага немедленно открыла огонь по артиллерии и прикрывающей её кавалерии. Тогда русская артиллерия и кавалерия, очутившейся в 85 шагах под огнём пехоты вестфальцев, только и оставалось, что отойти назад и дать место своей пехоте, которая и завязала ружейный огонь с вестфальцами. Нас отодвинули назад, чтобы вывести из сферы ружейного огня. лейтенант 111-го полка Л. Гардье находился возле маршала Даву и «был свидетелем ярости, в которую пришёл он, увидев вестфальскую армию в величайшем беспорядке и убегающую с позиции, где ей нечего было опасаться, где неприятель не мог её побеспокоить». Маршал приказал лейтенанту воссоединить вестфальцев, «восстановить подавленное мужество этих союзников, сказав им брать пример с французской армии и стараться быть более достойными сражаться в её рядах».⁷⁶

Сиверс пишет, что по его просьбе Багговут «откомандировал ко мне шесть орудий батареей роты № 4-го под командою поручика Вейде. Я приказал ему занять высоту на правой стороне, и сия батарея успешно действовала и неприятельскую, много вредившую

Р. Кнётель. **Офицер гренадеров линейной пехоты и офицер лёгкой пехоты (Вестфалия), 1812 г.**

нашей кавалерии, заставила замолчать». Любенков рассказывает, что «Сиверс, не имея уже при себе адъютантов, которые были все разосланы, и заметив, что неприятельские колонны сильно напирают, сказал мне: Я останусь вместо вас, скачите скорее к поручику Вейде (он стоял с 6-ю орудиями правее нашей батареи); пусть он обратит все свои выстрелы против колонн, а не против неприятельских батарей». Любенков пустился в карьер, пронёсся посреди неистовой схватки Малороссийских кирасир с французскими латниками и потерял лошадь. «Достигнув пешком батареи Вейде, я увидел храброго офицера с пробитой пулею рукой, кровь текла из нее, но он не обращал внимания» и продолжал командовать. «Неприятельская пехотная колонна и кавалерия,- пишет Сиверс,- были остановлены в овраге встретившими их картечными выстрелами; сия батарея, выстрелив также заряды..., отступила тогда уже с высоты, когда центр 2-й армии подался назад». Из этих показаний видно, что батарея И.Г. фон Дервейде 1-го располагалась на правом фланге отряда Сиверса, соприкасаясь с кирасирами. В наградном документе сказано, что орудия Дервейде своим огнём заставили «молчать находившуюся впереди неприятельскую батарею, облегли к прибывшему тогда к сим орудиям прикрытию опрокинуть наступавшую неприятельскую колонну».⁷⁷

Продвижение вестфальцев опять застопорилось. Адъютант генерала Жакино капитан В. Дюпюи рассказывает, что, воспользовавшись небольшой передышкой после взятия батареи Раевского (то есть, между 3 и 4 часами дня), он «сопровождал генерала Жакино во время визита, который он нанёс герцогу д'Абрантес, который находился с вестфальцами на небольшом расстоянии от нашего правого фланга. Тот обедал и предложил нам сделать то же самое, на что мы с удовольствием

Р. Кнётель. **Гренадеры гвардии в выходной и походной форме, офицер в походной форме (Вестфалия)**

согласились. Лет восемь или десять назад я видел в Булонском лагере красавца генерала Жюно, который лицом, осанкой и манерами превосходил всех офицеров армии! Но какая перемена! Вместо адъютанта императора, которым восхищался весь мир, я увидел толстого человека со сгорбленной спиной, с лицом, поглупевшим и отталкивающим, одетого с небрежностью в скверный сюртук».⁷⁸

По словам капитана Ж.М. Жиро де л'Эна, вскоре после двух часов дня маршал Ней послал его к генералам Фридриксу и Жюно с приказом наступать. «Генерал Фридрикс,- пишет капитан,- повиновался приказу и занял позицию так, что имел вестфальцев в аррьергарде, соприкасаясь справа с польским корпусом князя Понятовского». Видимо, с 4-й дивизией двинулся и испанский полк «Жозеф Наполеон», который прикрыл её левый фланг. «Жюно я нашёл,- продолжает Жиро,- на лесной поляне. Он сошёл с лошади и приказал солдатам составить ружья в козлы. По-видимому, он не был расположен тронуться с места. На всё сказанное мною он не обратил ни малейшего внимания и вёл себя так же, как и при Валутиной горе». Вместо того, чтобы идти вперёд, Жюно потребовал выдвижения войск 5-й дивизии, стоявших к югу от «флешей». Генерал П.Ж. Гюйярде, командовавший 25-м и 61-м линейными полками 5-й дивизии, доносил: «В 2 с половиной часа я получил приказ герцога д'Абрантес двинуться вперёд для поддержки корпуса вестфальцев, который двинулся вперёд для вытеснения из леса, располагавшегося на краю равнины, находившиеся там колонны неприятеля». Судя по рассказам Гардые и старшего сержанта В.А. Фоссе-на, это же движение исполнил и 111-й линейный полк той же дивизии.⁷⁹ Однако, рапорты французских генералов и сочинения мемуаристов не содержат никакой информации о боевых действиях в этом районе.

5. Второй приступ

Понятовский пишет, что поляки оставались на позиции возле деревни «до двух часов пополудни (*du soir*), когда я, заметив, что достигнут значительный прогресс в центре, приказал [произвести] новую атаку на холм, каковая была поддержана кавалерией, достигшей обратной стороны холма почти в тот же момент, когда пехота сумела там утвердиться. Неприятель предпринимал усилия, чтобы взять его обратно; он не только был резко отбит, но я преследовал его более одного льё [более 4,5 км] с пехотой, кавалерией и конной артиллерией. Кавалерия несколько раз атаковала пехоту, которая понесла большие потери. Пленных совсем не было, так как кавалерия рубила всё, что попадалась ей под руку». В этом рапорте картина боя значительно упрощена, да и время указано неверно.

По словам Колачковского, «около 3-х часов дня князь Понятовский, которого торопил своими приказаниями император, решил возобновить отбитую атаку всеми своими силами. Построив обе дивизии в сомкнутые колонны, он лично повёл их на холм и, благодаря поддержке кавалерии с фланга, стремительным натиском отобрал его вторично и поставил на гребне свою артиллерию». Солтык пишет, что Понятовский пошёл в наступление после двух часов отдыха, то есть в 15 час. «В то время, как его пехота пошла развёрнутым строем (*en ligne*) прямо на позицию, занятую московитами, тринадцатый полк польской кавалерии (гусарский) под командой полковника Толиньского, во главе которого находился генерал Себастьяни, пошёл через деревню Мышина (*Muszyna*) и обошёл левый фланг неприятеля, продвигаясь по местности заросшей и покрытой кустарниками». По приказу Себастьяни, впереди полка широким рассыпным строем (*en fourrageurs*) скакал через заросли эскадрон капитана Станислава Гавроньского, который стремительно атаковал русских стрелков. За этим эскадроном последовали другие с двумя конными орудиями, заходя русским в тыл. Дивизия казаков, обойдённая этим движением, в беспорядке отступила; три других польских кавалерийских полка живо её преследовали.⁸⁰

На крайнем южном фланге против поляков действовали следующие войска. Майор Богданович из Таврического полка «командирован был на левый фланг 6 [3-го] корпуса с стрелками 1-го батальона, и когда неприятель стремился обойти левый фланг нашей армии, то он ... неоднократно опрокидывал колонны и линию стрелков с утра от 4-х и до самого вечера 4-х часов»; при этом его солдаты «троекратно наступали на неприятельскую линию стрелков, которую с большим уроном опрокидывали и истребляли». Когда обер-аудитор 17-й дивизии Жаглевский был послан Олсуфьевым «на самой левой фланг для отыскания казаков, то встретил неприятельскую колонну, хотевшую нам зайти во фланг, почему он, собрав до ста человек рассеянных стрелков, устроив из них цепь и ободряя, приказал вступить в дело; между тем с отличною скоростью донес генерал-лейтенанту Олсуфьеву о сем и по приказанию его отвел на то место Белозерского полка батальон». Из наградных документов выясняется, что майор Белозерского полка Ермолаев «пополудни ... находился с двумя ротами в стрелках против неприятельских стрелков»; поручик Сукачев был «после полудня со взводам стрелков в подкреплении майора Ермолаева при отражении неприятельских егерей», а прапорщик Мироненко во время этого боя взял в плен неприятельского офицера.

Генерал-лейтенант З.Д. Олсуфьев 3-й (1773-1835)

Здесь же, на самом крайнем фланге битвы находились и казаки из отряда Карпова 2-го. Когда в полуденные часы «неприятель потянулся с нашего левого фланга к стороне отряда ... Сиверса», Багговут, «заметья сие, послал сильную партию казаков полка генерал-майора Карпова открыть на нашем левом фланге неприятеля, которые подъезжая к деревне, где он занимал позицию, нашли его несколько колонн и артиллерии скрытых в лесу. Неприятель щол оное за атаку, немедленно выдвинул свои орудия, выслав стрелков и открыв огонь по казакам».⁸¹

* * *

Биограф Окс пишет, что «около 3 часов пополудни Ней получил приказ прорвать неприятельскую линию слева от этого леса недалеко от Семёновской; но русские, которые, вероятно, догадались об этом намерении, стянули на этот пункт большие массы войск, и началась смертельная борьба. Особенно разрушительно действовал артиллерийский огонь неприятеля. По категоричному приказанию Нея, вестфальский егерско-карабинёрный батальон, вооружённый нарезными ружьями, должен был поэтому в развёрнутом строю приблизиться к русским батареям, чтобы прицельным огнём убить неприятельских канониров». Унтер-офицер этого батальона Л. Флекк рассказывает, что когда егеря проходили мимо батальона А. Раушенплатта, тот «принял нас за русских из-за нашего зелёного обмундирования и велел нас обстрелять. Наше счастье, что мы находились довольно далеко от этого батальона, поэтому пули ранили лишь немногих из нас, попав в ноги и обувь. В наказание за эту ошибку названный майор фон Раушенплатт должен был со своим батальоном вместо нас произвести атаку на противника, каковой приказ он исполнил с величайшею храбростью». Подобные недоразумения были не единичны. «В этом лесу,-

А. Ежов. Вестфальские гвардейские егеря-карабинеры в Утицком лесу, 7 сентября 1812 г.

пишет Лоссберг, - против русских сражались не только поляки и вестфальцы, но также несколько французских батальонов, так что многие люди были убиты своими же, ибо здесь, как и во всяком лесном бою, царил большой беспорядок, особенно до того момента, пока мы не вышли на одну линию с поляками. Несколько часов мы провели в бездействии, ожидая приказаний, и в это время потеряли нескольких солдат от ружейных пуль, о которых никто не знал, откуда они выпущены. Так, правее нас был ранен командир наших гвардейских гренадеров (майор Мюльднер).⁸²

Вероятно, 4-я дивизия Фридрикса атаковала бригаду графа Ивелича, о чём пишет в рапорте Багговут: «Генерал сей с 4-я ротами Брестского пехотного полка пошел на неприятельскую колонну, сделал залп из ружей, бросился с штыками на превосходство неприятеля орудия, у него в колонне находящейся, не допустили совершить его намерение», однако, получив жестокое ранение, «должен был податься несколько назад, довольствуясь только тем, что не допустил сбить наши батареи». Командир Брестского полка пишет, что командир Рязанского полка «Ореус был смертельно ранен подле меня и сдал мне команду, а затем и граф Ивелич, тяжело раненый, передал мне бригаду». Наградные документы гласят, что офицеры Брестского полка «поощряли молодых солдат, удерживали их в своих местах и бросались перед ними сами вперед, также собственным примером удерживали от робости и тем понудили жестоко ударить в штыки». (Очевидно, что речь идёт о рекрутах, приведённых к армии Милорадовичем, и распределённых по полкам). Что касается Рязанского полка, то часть его под командой майора Нелидова была откомандирована в стрелки, а батальон майора Лау находился «в прикрытии батарей при наступлении неприятельской колонны, бросился в штыки, рассеяв оную, и преследовал до неприятельской батареи».⁸³

Генерал-майор П.И. Ивелич 2-й (1772-1816)

Эту стычку подробно описал Любенков: «Колонна французских гренадеров, до пяти тысяч с красными распущенными знаменами, музыкою и барабанным боем, как черная громовая туча, неслась прямо на нас... У нас потеря была значительна; храбрая бригада Брестского и Рязанского полков, бросаясь в продолжение дня несколько раз в штыки, расстроила себя. Генерал граф Ивелич, командующий ею, был ранен, но не оставил своего места. Мужественный Литовский уланский полк не менее потерпел от непрерывных атак, нам оставалось погибнуть. Неустрашимый граф Сиверс ободрял нас, мы решились идти на смерть. Офицеры артиллерии были перебиты, оставались только я и боевой поручик Тишинин... Мы обнялись с ним и хладнокровно ожидали врагов, не желая им дать даром ни выстрела, и с уверенностью объявили прикрытию, что на его долю будет половины этой колонны».

Французы «с диким криком приблизились, мы встретили их картечью, и страшная колонна поколебалась. Начальники их кричали: *allons! avancez!* Ряды мгновенно замещались, они выстраивались чрез трупы своих и двигались плавно, величественно. Брызгнули еще картечью. Новое поражение, колонна смешалась, но крики начальников не умолкали и она, опять стройная, двигалась. Для нанесения решительного поражения и замедления ее на ходу мы начали действовать залпами из полубатарей, выстрелы были удачны, разредела эта страшная туча, музыканты и барабаны замолкли, но враги опять шли на смерть... Эскадроны Уланского полка бросились в атаку, но по малому числу людей не могли выдержать ее; колонна открыла убийственный батальный огонь, кавалерия наша была отбита и возвратилась. Граф Сиверс, бесстрашие которого в этот день было выше всякого описания, видя, что не остается у нас более зарядов, приказал взять на передки, и

В. Келерман. **Московские ополченцы в боях на Старой Смоленской дороге**

прикрыл наше отступление егерями». Сам Сиверс писал: «Когда неприятель в третий раз покусился атаковать батарею из пяти орудий под лесом находящуюся, за неимением при орудиях зарядов, нечем было неприятеля встретить; тогда приказал я и сии пять орудий свезти, что и учинено было под прикрытием атаки Литовского уланского полка на неприятельскую пехотную колонну; но другая колонна, по опушке леса следующая за ложиною, понудила уланский полк к отступлению, которой, пройдя кустарники, пристроился опять к батареям на левом фланге кирасирской дивизии».

«Мы сделали,- продолжает Любенков,- последний прощальный залп из целой батареи. Французы совершенно смешались, но опять строились почти пред батареей; тут Рязанский и Брестский полки грянули ура! и бросились в штыки. Здесь нет средств передать всего ожесточения, с которым наши солдаты бросались; это бой свирепых тигров, а не людей, и тогда как обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками, рукопашный бой ужасен, убийство продолжалось с полчаса. Обе колонны ни с места, они возвышались, громоздились на мертвых телах. Малый последний резерв наш, с громовым ура! бросился к терзающимся колоннам, более ни кого уже не оставалось - и мрачная колонна французских гренадеров опрокинута, рассеяна и истреблена; мало возвратилось и наших. Единоборство колонн похоже было на бойню».⁸⁴ Итак, судя по рассказу Любенкова, на правый фланг отряда Сиверса наступали французские части.

На левый же его фланг двинулись вестфальцы. Багговут пишет, что Ивелич, «уведомив между тем и меня о сем происшествии, прося себе подкрепление. Для чего командировал я генерал-майора Ватковского с Вильманстрандским пехотным полком, дав ему в подкреп-

ление из Московского военного ополчения 500 человек и приказав ему также соединиться с Рязанским полком и опрокинуть непременно неприятеля, который едва только что с сим отрядом показался; невзирая на сильной ружейной огонь бросился в штыки и опрокинул неприятеля, причем он получил сильную контузию, а полковник Сокарев, командующий Вильманстрандским полком, ранен пулею». Из наградных документов видно, что упомянутый полк первоначально «был рассыпан в стрелках», а затем собран в колонну и «атаковал два раза в штыки». Вступивший в командование полком майор И.В. Гремов «высылал стрелков, где требовала надобность». «Штабс-капитан Лосенков с помощью подпоручика Гротгуза и прапорщика Путиловского, собрав до двух сот человек, вторично послан был по повелению графа Орлова-Денисова в стрелки, где удерживали неприятеля до самой ночи». Прочие офицеры «с ревностью помогали собирать рассыпанных людей», а подпоручик «Моллер 1-й сам лично взял в плен старшего адъютанта герцога Дабрантиса, маршала Жунота, полковника Делия - графа».⁸⁵ Речь идет об адъютанте генерала Жюно шефе батальона А. Делаграве, и следовательно, полк сражался против вестфальцев.

«В самое сие время, как оно происходило,- продолжает Багговут, имея в виду атаку на бригаду Ивелича,- неприятельские сильные две колонны с 4-я орудиями пробирались лесом между нашим левым флангом и бригадою графа Ивелича дабы совершенно отрезать сего последнего от соединения со мной и зайтить ему в тыл. Батальон Таврического гренадерского полка, находившийся в сей дирекции, встретил неприятеля сильным ружейным огнем и тем его приостановил, потом рассыпав две роты в стрелки, а с остальными двумя ротами отступил на дорогу, которая нас соединила с центром армий, я уведомивши об оном коман-

Полковник Н.С. Сулима (1777-1840)

дировал генерал-майора князя Шаховского с Минским пехотным полком, приказав ему отразить непременно неприятеля, которой экспозицию сию окончил весьма удачно, ибо неприятель немедленно отступил». У Евгения Вюртембергского сей момент описан немного иначе: «Одна вестфальская колонна прорвалась... в промежуток между нами и прочею армией. Багговуд не согласился со мною, чтобы это был неприятель. Князь Шаховский взялся разведать это с стоявшим под рукою Минским пехотным полком и своими егерями. Но Минский полк, не соблюдая должной предосторожности, пошел прямо на встречу вестфальцам, был встречен картечью и потерпел некоторый урон». При этом шеф Минского полка полковник А.Ф. Красавин, «находясь под сильным пушечным огнем... получил сильную в ногу от ядра контузию», а принявший после него команду майор П.О. Годлевский 2-й, «быв отряжен с полком в стрелки», также получил ранение и заменён майором Д.Д. Красноперским.

Генерал П.А. Строганов пишет, что когда неприятель «начал форсировать кустарник, разделяющий наш правый фланг от левого второй армии, и для удержания его был отряжен туда Таврический гренадерский полк под командою полковника Сулимы». В наградных документах сказано, что Н.С. Сулима «во весь день» со своим полком удерживал неприятеля «на пространстве находящиеся между Старою Смоленскою дорогою и левым флангом 2-й армии». Но в данной «дирекции» действовал, похоже, только батальон майора Соколова, который «командирован был с вверенным ему 3-м баталионом в стрелки в интервал между 2-ю армиею и 6-м [3-м - А.П.] корпусом для удержания неприятеля, стремившегося там прорваться, рассыпав стрелков, неоднократно опрокидывал неприятельские колонны»; при этом офицеры «усердием своим наблюдали должный порядок в

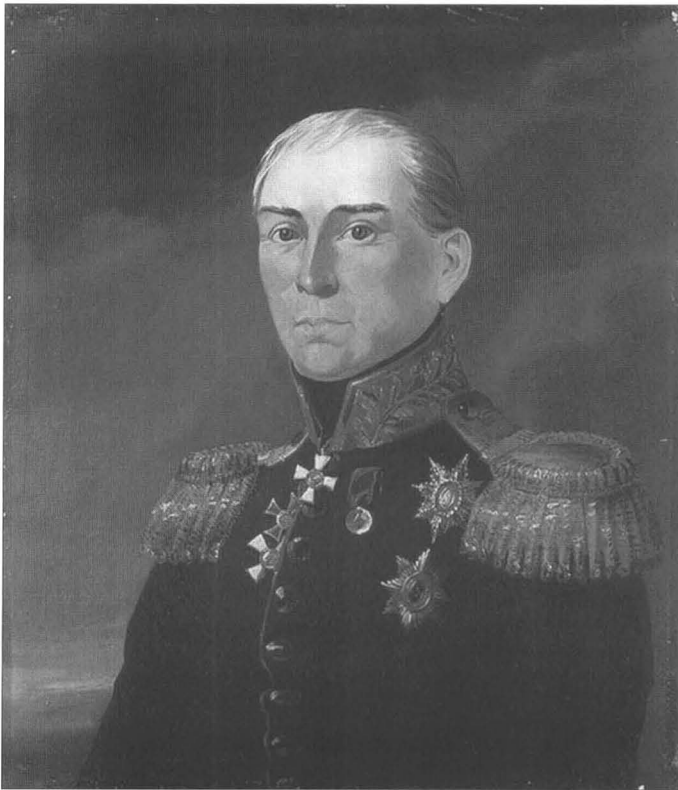

Пеший казак и егерь Московского ополчения

цепях рассыпанных стрелков», а гренадеры «неустранимо отражали штыками» противника, «открывали закрывающегося неприятеля в кустах, выгоняли его из оных и истребляли».⁸⁶

Видимо, в этом месте наступление вели вестфальцы под командой генерала Окса. «Батарея, выставленная на одной возвышенности в этом лесу,- пишет биограф генерала,- а также большое число скрытно расположенных в нём снайперов, казалось, не хотели отступать и причиняли вестфальцам много вреда. Поэтому Ней поручил генералу фон Оксу взять штурмом этот лес. Поскольку генералы 1-й дивизии были убиты или ранены, то Окс, с согласия маршала, оставил 2-ю дивизию и отправился к 1-й бригаде 1-й дивизии, стоявшей ближе всего в лесу». По словам адъютанта Окса капитана Борке, это произошло около 16 час. Генерал прискакал к 6-му линейному полку, встал во главе 2-го батальона подполковника Х.В. Юнкурта и, сделав поворот направо, повёл войска беглым шагом против кургана. «Русские были так заняты отражением атаки на их фронт,- пишет Конради,- что заметили наше приближение только тогда, когда мы бросились на них с громким «Ура!». Хотя они держались храбро, но ... дабы избежать уничтожения, начали отступление. Вскоре лес скрыл их из виду».⁸⁷

Что касается упомянутого выше боя за расположенную в лесу возвышенность (Утицкий курган), то здесь показания сторон почти совсем не сходятся. Вестфальцы уверяют, что они взяли его с боя вместе с поляками. Строганов об оставлении кургана вообще не упоминает, а говорит лишь о том, что «продолжался сей кровопролитный бой до самых сумерек». Багговут же сообщил, что в конце дня неприятель «решился наконец сделать решительный удар на наш левой фланг, устроив силь-

Полковник Д.И. Пышницкий (1764-1844)

ную колонну из пехоты, поставив по флангам кавалерию, с приметною быстротою бросился на нашу батарею, командуемую штабс-капитаном Лесковым и уже кавалерия его на половине горе очутилась», но полковник Пышницкий с Кременчугским полком бросился со штыками наперевес, «и в одну минуту неприятель был согнан с батареи». Заметим, что эта батарея, поставленная на возвышенности, состояла из шести батарейных орудий 4-й батарейной роты, причём С.Я. Лесков до этого «наводимую неприятелем против той высоты батарею сбил несколькими выстрелами, чем и воспрепятствовал навесть оную»; на крайнем левом фланге находилось несколько орудий 33-й лёгкой роты, которые «содействовали к вытеснению неприятельских колонн из кустарника», дважды опрокидывали неприятельские колонны и кавалерию, которая «выстроилась в линию с намерением напасть на наш левый фланг». Кременчугский же полк, направленный в атаку Е. Вюртембергским, первоначально был оставлен Багговутом левее отряда Сиверса, а значит, позднее, возможно, в 16 час., был передвинут к югу. «После чего я,- продолжает Багговут,- приказал войскам собраться к дороге, ведущей к городу Можайску, дабы в случае надобности мог соединиться с армией, по этому ж обстоятельству и батарею с высоты приказал снять. Неприятель, воспользовавшись сим случаем, устремил все свои силы меня преследовать, почему я принужден был построить вторично войски по обеим сторонам дороги, а 4 орудия роты подполковника Башмакова приказал действовать по неприятелю, которой сделал несколько удачных выстрелов, а стрелки наши стороною леса зашли ему во фланг, чем самым паки обратили его в бегство».

«Около 5 часов пополудни,- пишет Лоссберг,- поляки продвинулись вперёд и стали на одной линии с нами. После этого мы начали совместное наступление, при котором 2-я дивизия (состоявшая из 4-х батальонов) и 1-я бригада нашей дивизии продвинулись вправо, благодаря чему попали в менее густой лес и выбили здесь, под командою нашего дивизионного генерала фон

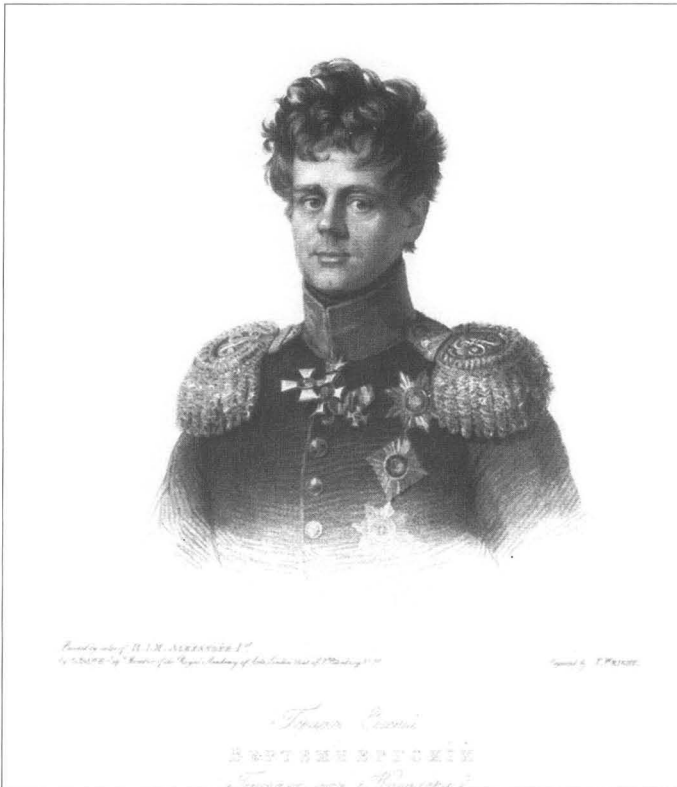
ГЕНЕРАЛЬ ЛЕЙТЕНАНТЪ БАГГОВУТЪ

Сей неустрашимый воин столько же отличился на войне, сколько и в мирное время, в особенности в сражении при Бородине, где он был ранен в ногу. Он был ранен в ногу, но выжил, и впоследствии был награжден орденом Святого Александра и орденом Святого Владимира.

Генерал-лейтенант К.Ф. Багговут (1761-1812)

Окса русских из последней их позиции (возвышенность в 20-30 футов высотой)».

В то время, когда основные силы вестфальцев помогали полякам в атаке на Утицкий курган, 2-я бригада 23-й дивизии, при которой находился Жюно, наносила удар по фронту. Она выстроилась в лесу в колонну, имея впереди 3-й линейный полк, за ним два батальона 7-го линейного (3-й батальон был оставлен в одном из захваченных укреплений, где потерял множество людей от артиллерийского огня). 2-й лёгкий пехотный батальон Бёдикера ещё раньше выдвинулся левее колонны в нескольких сотнях шагов и сражался в развёрнутом строю. Во время атаки колонна прошла через правый фланг этого батальона, рассыпавшегося в цепь, после чего они вместе продолжили наступление. Капитан этого батальона Линзинген вспоминал, что после получения известия о взятии центрального редута, около 16 часов «наша бригада также пошла теперь в атаку. Стрелки впереди, батальон следовал в колонне. Сначала русские осыпали нас огнём, но затем, не дожидаясь нашей атаки, в хорошем порядке отошли на расположенную позади новую позицию. Они удержали занятым только небольшой лесок слева от нас. Наш батальон получил приказ захватить его. Батальон двинулся против него беглым шагом. Наш командир, подполковник Бёдикер, шёл впереди батальона, воодушевляя его словом и своим примером, когда получил пулю в рот». Сам Бёдикер, потерявший уже трёх лошадей и вынужденный идти пешком, писал, что около 16 часов он был послан преследовать отходящих русских, причём, «у берёзового леса выдержал ещё один сильный бой, который, хотя и вёлся только ружейным огнём, однако причинил батальону чрезвычайные потери. В течение дня были потеряны убитыми и ранеными только один офицер и около 50 солдат, а после этого сильного огневого боя потери батальона убитыми и ранеными достигли 10 офицеров и 341 солдата. В конце боя я сам получил выстрел через рот в левую челюсть, так что пуля наполовину застряла там. Поскольку этот выстрел свалил меня на землю, старший адъютант Шпангенберг

Генерал-майор Е. Вюртембергский (1787-1857)

велел нескольким солдатам отнести меня назад на двух ружьях».

«Поскольку,- продолжает Линзинген,- оба старших капитана батальона были уже ранены, я принял командование. Русские удерживали опушку леса и стреляли в нас до тех пор, пока мы не подошли на 40 шагов, затем они отошли назад. В лесу вскоре вновь завязалась борьба. С обеих сторон сражались ожесточённо. Наконец, русские отступили из леса. Я занял опушку и велел из всех сил обстреливать отходящего неприятеля». Лоссберг, получивший сильную контузию выше колена, рассказывает, что по выходе в поле бригада «развернулась и стояла так некоторое время под сильным огнём ядер и картечи, затем она наступала вправо и сомкнулась в колонну, в которой бегом бросилась в атаку на линию русской пехоты, пытаясь охватить её с двух сторон. Противник подпустил нас на 100 шагов, после чего нас остановили, так что он отошёл в лесок, лежащий в 100 шагах позади». Адьютант Лоссберга младший лейтенант Бауке был убит в тот момент, когда он хотел передать ему устное приказание полковника Бернара, чтобы бригада остановилась. «Второй посланный офицер (капитан фон Вольф) из штаба генерала фон Борстеля, подвергся такой же участи: проговорив несколько непонятных слов, он упал с лошади: пуля пробилла ему голову; после этого прискакал полковник Бернар и подал команду: «бригада - стой!», которую, я не скрываю, повторил весьма неохотно, так как я был убеждён в том, что, если бы мы бросились в атаку на неприятельскую линию, то потеряли бы на половину меньше людей, чем дав противнику время в порядке отступить к расположенному позади лесу. Впрочем, на этом месте командовал сам Жюно, и генерал фон Борстель, бывший при бригаде, поручил исполнение полковнику Бернару». Во избежание напрасных потерь от картечного огня, Лоссберг построил свой полк в линию перед лесом. Жюно в тот момент находился в 20-ти шагах от правого фланга полка, и, когда подполковник подошёл к нему, «он сказал: «Вы хорошо сделали, выстроив полк в линию; как фамилия того ка-

Подполковник Е.Ф. Керн (1765-1841)

питана, который командует вашими гренадерами?» - «Лёффен,- ответил я,- но он пока только лейтенант». После этого он перебил меня: «Этот офицер храбр, он заслуживает награды». В это время офицер этот, с величайшим хладнокровием, сомкнул ряды, разреженные только что перед этим картечным залпом, причём его кивер был прострелен несколькими пулями, что было замечено и Жюно». По мнению Лоссберга, Жюно не стал менее храбрым, чем прежде, но полководческих способностей он был лишён начисто.⁸⁸

По словам Е. Вюртембергского, около 18 часов «Багговуд отступил до возвышенности, впереди Псарева, и остановился здесь почти на одной высоте с фронтом левого крыла остальной армии. Отряд, находившийся ближе других к неприятелю, решил снова овладеть только что оставленным местом; но ни Багговуд, ни Коновницын, который в это время был опять здесь, не думали о наступлении. Багговуд вскричал с жаром: «А! так я возьму горсть гренадеров и с ними остановлю смельчаков!» - Кременчугскому и Минскому полкам показалось, что слова корпусного командира относились к неприятелю, и эта ошибка стоила им еще несколько сот человек: их ревностное усердие восторжествовало над просьбами и возражениями Багговуда ... Наконец и я испросил у Багговуда и Коновницына позволение снова овладеть оставленною высотой, но едва не заплатил за это весьма дорого: я уж сбил с нее неприятеля, как вдруг поляки напали в превосходных силах на мои два полка и следовавшую за ними бригаду Керна (прежде графа Ивелича). 2-я бригада 4-й пехотной дивизии (Кременчугский и Минский полки, в которых оставалось на тот момент около 500 чел. с 4 орудиями), была встречена залпом польской пехоты, а затем атакована 12-м уланским полком и отступила с уроном. Колачковский заметил, что Багговуд «напрасно старался овладеть потерянной позицией».

«Мои часы показывали 6, когда сражение на всех пунктах было решено в нашу пользу,- зафиксировал Лоссберг.- Только в лесу, впереди нашего фронта, держался ещё упорно аррьергард значительной силы. Но и началь-

Потери 8-го армейского корпуса, согласно рапорту начальника штаба корпуса Ж. Ревеса

Подразделение	Офицеры		Солдаты	
	ранено	убито	ранено	убито
3-й батальон лёгкой пехоты	4			
2-й полк линейной пехоты	4	3		24
6-й полк линейной пехоты	3	2		56
2-й батальон лёгкой пехоты	3			
3-й полк линейной пехоты	3			5
7-й полк линейной пехоты	9	2		78
Егерско-карабинерский батальон	1	1		
Батальон егерей гвардии	2	4		
Батальон гренадеров гвардии	1	1		
1-й батальон лёгкой пехоты	6	1		

ник дивизии фон Окс, которому Жюно в этом месте поручил командование 3 вестфальскими пехотными бригадами (это произошло около 18 часов, А.П.), выслал из всех полков вольтижёров, чтобы очистить лес от неприятельской пехоты, приносящей нам значительные потери; при этом мы понесли опять некоторый урон убитыми и ранеными. Все эти потери были вызваны тем, что наша 2-я бригада, при её последней атаке, была остановлена по приказанию Жюно перед лесом, вместо того, чтобы на плечах русских ворваться в него». «Генерал фон Борстель,- пишет Линсинген,- который ещё во время сражения с перевязанной рукой принял вновь руководство над нами, вечером приказал мне с моим батальоном прикрыть фронт бригады, которая расположилась биваками на своей последней боевой позиции».⁸⁹ Следует отметить, что в лесном бою вестфальская пехота действовала без поддержки своей артиллерии, кроме может быть полковых пушек. Впрочем, известно, что полковые пушки 2-го, 3-го и 7-го линейных полков не были при них.

* * *

Согласно наградным документам, русские «удерживали место сражения до поздней ночи», до 21 часа. Сиверс писал, что оба полка князя Шаховского, «подкрепленные одним [Минским] полком корпуса генерала Багговута, удерживали стремление неприятеля до наступления ночи». Командир Брестского пехотного полка майор П.А. Чертов 1-й вспоминал, что его бригада, «когда уже стемнело и сражение прекратилось, выведена из лесу на дорогу и представлена мною Багговуту с примкнувшими к ней егерями, в числе до 6.000. Он не ожидал этого числа сохранных войск и сказал: «Теперь я опять корпусный командир». Таким образом, 1-я бригада 17-й дивизии соединилась с отрядом Багговута лишь в самом конце сражения. Казаки Карпова до самой темноты следили за действиями неприятеля и информировали об этом Багговута.⁹⁰

Поскольку Кутузов поначалу решил продолжить сражение на следующий день, Барклай дал следующее распоряжение Багговуту: «Главнокомандующий всеми армиями... приказал армиям стать в боевой порядок и завтра возобновить с неприятелем сражение, почему рекомендую вашему превосходительству со 2 и 3 корпусами занять позицию, которая вами ныне занимает, примкнув правым флангом к войскам генерала Дохтурова, и стараться всеми силами удерживать Старую Смоленскую дорогу и ни под каким видом оную неприятелю не отдавать. Кавалерию свою поставьте в резерве сзади пехоты. Артиллерию приведите в порядок и пополните артиллерийскими снарядами, которые ротами в зарядных ящиках отправлены назад. Оные влите тотчас привести к ротам. Ночью поставьте впереди линии егерскую цепь, а впереди оной, буде можно, то и кавалерийскую».⁹¹

«Наши дивизии,- говорит Колачковский,- провели ночь на отнятой позиции, не принимая особенных предосторожностей». По словам Ельского, «кавалерия и шестнадцатый пехотный полк провели ночь в кустах на дороге в Можайск, а артиллерийская батарея на только что захваченном холме была прикрыта вторым и восьмым пехотными полками». Как тут не подивиться заявлению Багговута, будто его войска вечером обратили неприятеля в бегство и преследовали, но «несколько остановились, ибо темнота ночи не дозволила более пользоваться сим случаем, послав только партию казаков наблюдать его отступление, которые потом возвратясь донесли мне, что неприятель отступил за Москову реку».⁹²

Понятовский донёс Бертье, что поляки захватили один зарядный ящик от 12-фунтового орудия, некоторое количество гаубичных зарядов и пленных, которые будут доставлены в Главную квартиру на следующее утро; пока же он посылает маршалу «одного офицера, который явился, покинув русские знамёна, желая, как поляк, служить своей родине. Он в состоянии дать нам очень ценные сведения». Князь сообщил, что против него сражался «армейский корпус Тучкова, состоявший из гренадерской дивизии Строгонова, называемой второй гвардией (la seconde garde) и дивизии Кановницына, кроме того, два батальона гренадеров резерва, два полка милиции, один полк улан и один - гусар».⁹³

По словам мемуаристов, вестфальский корпус понёс большие потери: 400-600 убитых и 2500 раненых. В 15 пехотных батальонах было убито 9 и ранено 80 офицеров; в том числе 23-я дивизия лишилась 63 офицеров. В 7-м линейном полку из 1600 чел. осталось 700, в 3-м линейном - из 1200 чел. - 800. 2-й легкий батальон из 700 чел. потерял 10 офицеров и 341 солдата; 6-й линейный полк из 965 чел. недосчитался 9 офицеров и 397 солдат. Убитому генералу Дама, прозванному «вестфальским Баярдом», боготворившие его солдаты соорудили небольшой деревянный памятник на поле боя. Уважаемый вестфальцами генерал Тарро умер от раны 27 сентября и был предан земле под сосною позади Колоцкого монастыря. Жюно написал своей супруге, что он весь день провёл под обстрелом, под ядрами и пулями и «все без исключения офицеры моего штаба, которые были вокруг меня, убиты или ранены».⁹⁴ Борке пишет, что «к вечеру весь армейский корпус растаял до 1500 человек и был в столь расстроенном состоянии, что отныне, собственно, существовал только на бумаге». Правда, позже часть без вести пропавших вернулась в строй, но большая часть раненых впоследствии умерла, главным образом из-за недостатка в медицинском уходе.⁹⁵

Согласно рапорту начальника штаба корпуса Ж. Ревеса от 16 сентября вестфальцы потеряли убитыми 22 офицера и 294 солдата, ранеными 117 офицеров и 1 тыс. нижних чинов.²³

6. ИТОГИ

Необходимо заметить, что участники сражения с русской стороны были убеждены, что маневр, предписанный Тучкову, был легко осуществим, и вину за его неисполнение первоначально возлагали на Тучкова. Так, принц Евгений писал, что особенное затруднение для Наполеона представляли «довольно обширные кустарники и рожи по флангам

ложения. Нам они благоприятствовали». Поэтому «наступательное движение с левого нашего фланга против Понятовского ... уже по одному этому должно было бы оказать лучшее действие, чем демонстрация на правом, где она совершенно была открыта для неприятеля». «Очевидцы этого дня утверждают,- писал Бутурлин,- что бездеятельность генерала Тучкова много способствовала потере сражения ..., что Тучков мог убедиться в слабости атаки Понятовского, что французы с этой стороны не были особенно сильны, должен был оставить несколько отрядов для охраны старой Смоленской дороги, а с остальным своим корпусом направиться прямо к селу Семеновскому ... Но Тучков не воспользовался таким прекрасным случаем. Повинуясь старинной неприязни против князя Багратиона, он не захотел присоединиться к главной армии, чтобы не очутиться под начальством Багратиона».⁹⁶ Обвинения эти необоснованны; так рассуждали сгоряча те, кто не был на месте боя и не знал реального соотношения сил и характера местности.

Некоторые участники войны порицали Наполеона за отказ от обхода. Так, Бутурлин считал ошибкой его лобовые атаки на русский левый фланг. «Не поступил ли бы он лучше, совершая лишь ложные атаки на этот левый фланг с тем, чтобы направить главную массу своих войск на старую Смоленскую дорогу против корпуса Тучкова? Можно сказать с уверенностью, что этот последний не мог бы долго сопротивляться... и тогда наша армия была бы вынуждена покинуть позицию; если же она стала бы упорствовать на ее сохранении, то гибель ее сделалась бы неизбежною. В самом деле, неприятель, живо преследуя Тучкова, мог выйти на большую дорогу, в тыл нашей армии, которая таким образом оказалась бы отрезанною от Можайска и отброшенною, как бы в западню, между реками Москвою и Колочью». Впрочем, признавал историк, Наполеон действовал в чужой стране, у него не было ни карт, ни проводников, и он никогда не удалялся от большой дороги.⁹⁷ Полагаем, что эти обвинения также безосновательны, ибо исходят только из положения дел на карте, без учёта реального соотношения сил и характера местности, в полном соответствии с известной присказкой: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Стремительное наступление по лесной дороге было невозможно, тем более что применение кавалерии было почти невозможно, а Багратион, не подвергавшийся бы в таком случае сильнейшему давлению, мог выделить подкрепление Тучкову. Помимо прочего, Наполеон уже не имел на тот момент численного превосходства, чтобы позволить себе выделить для обхода значительное число войск.

«Действия 5-го корпуса,- подвёл итог Кукель,- планировавшиеся как обход левого крыла неприятеля, на деле превратились в лобовое столкновение. Силы польского корпуса были слишком малы, чтобы сокрушить сопротивление русских и затем совершить обход; дело здесь дошло до упорного боя, долго остававшегося нере-

шительным по причине лесистой местности. Поляки и вестфальцы заняли, в конце концов, поле боя, но бой в Утицком лесу не дал решительных результатов, и оказал лишь косвенное влияние на ход великой битвы».

Кукель считал, что маневр, как его планировал Наполеон, не удался ни по времени, ни по предусмотренной форме. «Усилия поляков, поддержанные усилиями батальи, притянув два армейских корпуса неприятеля», вызвав ослабление противника возле Семёновской, последовательно сокрушив сопротивление противостоявших им сил, постоянно навязывая инициативу в течение всего дня. «История дня 7 сентября для 5-го корпуса проста. «Наполеон,- говорит Жомини,- считал, что Понятовский совершит манёвр без больших помех, чтобы обойти противника; напротив, пришлось действовать против сил, вдвое больших, чем у него». Точнее не скажешь. Действительно, соотношение сил менялось в ходе сражения. С силою в 18 батальонов Понятовский сначала сражался с 16 батальонами (первая гренадерская дивизия и два егерский полка 3-й); затем, после прибытия Олсуфьева, это будут 20 батальонов; наконец, после прибытия Вюртембергского (с одним полком 4-й и двумя – 17-й) это будет (не считая егерей и гренадерского полка, сражавшихся против Жюно) двадцать четыре батальона.

50 орудиям Понятовского русские противопоставили сначала 70 орудий, затем как минимум 80. 16 эскадронов поляков имели дело с 30 сотнями казаков. Это не считая 7.000 русских ополченцев (miliciens), одна часть которых сражалась, а остальные изображали и играли роль «внушительных резервов»; не считая, далее, частей, задействованных против вестфальцев. Вместе Понятовский и Жюно могли использовать в момент финального усилия только 28 батальонов и 76 орудий против 32 батальонов и 90 орудий Багговута, который, к тому же, смог уже присоединить остатки 12 отосланных батальонов (3-й и 4-й дивизий).

К этому численному превосходству противника следует прибавить «характер местности». Понятовский сражался на очень лесистой территории, где оценка реальных сил неприятеля была почти невозможна, где крайняя осторожность была действительно необходимой, где, наконец, ведение боя было затруднено и, естественно, вело к его затягиванию. В данных обстоятельствах было почти невозможно достичь более скорых и более решительных результатов. Можно только согласиться с заключением Шамбрэ: «Если Понятовский не смог исполнить того, что ему было приказано, то это происходило из местности и числа войск, которые были ему противопоставлены».⁹⁸

В рассуждениях польского историка есть, конечно, передержки, но, следует признать, что польские войска со своей задачей не справились. Планируемый императором обход русской позиции не удался. Посланные на поддержку поляков вестфальцы также увязли в лесном бою. Нужно отметить недостаток решительности и инициативы в действиях обоих корпусных командиров. Войска вводились в бой постепенно, численного преимущества достичь не удалось; русские успевали подтя-

H. Enob
2009

гивать сюда резервы. В итоге, дело свелось к лобовому столкновению, к постепенному вытеснению русских с их позиций. По большому счёту, характер действий был таким же, как и на других участках сражения, только примерное равенство сил и характер местности привели к затяжным боям; не случайно Баггвут отвлёл свои войска позднее других.

Что касается действий русских войск на крайнем левом фланге, то их необходимо оценивать дифференцировано. Сен-При, Е. Вюртембергский, Шербинин, учитывая задачу, которая стояла перед войсками Тучкова, отмечали, что она не была выполнена, и даже обвиняли этого генерала или Беннигсена. Действительно, «пустить скрытное войско в тыл» противника не удалось, но в этом, конечно, нет вины ни русского Тучкова, ни немца Беннигсена. На самом деле, в неисполнении кутузовского замысла «виновен» был расчётливый противник, направивший на левый русский фланг столько войск, что думать о контрударе уже не приходилось, но только об отчаянной защите.

Русское командование не ожидало, что Наполеон двинет по этой дороге значительные силы, а сам Тучков был вынужден отослать одну дивизию Багратиону. В такой ситуации ему приходилось думать лишь об обороне. Нерасторопность Понятовского дала время подойти русским подкреплениям. Далее противники постепенно наращивали свои силы на этом участке битвы, и задачей принявшего команду Баггвута стало одно - удержание позиции, в чём ему способствовал характер местности. С этой задачей русские войска полностью справились.

Даже много лет спустя, участники сражения, как с русской (Е. Вюртембергский), так и с неприятельской стороны (Я. Вейсенхоф) высказывали уверенность, что и те и другие легко могли совершить в этом районе обходной маневр, или фланговую атаку. Однако то, что произошло на деле, заставляет усомниться в столь оптимистических прогнозах. Даже обладая некоторое время численным превосходством над Тучковым, Понятовский (о чём он, впрочем, мог и не догадываться) не смог совершить обход его войск.

Наиболее точно относительно боя в Утицком лесу высказался Витмер: «Если Кутузов направил 3-й корпус Тучкова на старую Смоленскую дорогу для того, чтобы внезапно атаковать французские войска, направления против Семеновских высот, то и Наполеон направляет на старую Смоленскую дорогу корпус Понятовского с аналогичной целью обойти наши позиции с левого фланга. Оба главнокомандующие, таким образом, желали действовать здесь во фланг неприятелю - русские наступающему, французы - обороняющему позиции, и как тот, так и другой были парализованы распоряжениями противника, так что вместо обходов, как Тучкову, так и Понятовскому, пришлось сражаться друг против друга, не задаваясь более никакими посторонними вне этой борьбы целями».⁹⁹ Одним словом, противники довольно легко парализовали запланированные перед сражением намерения друг друга. Но далее боевые действия развёртывались уже не в пользу поляков, ибо задачей их было наступление, а русских - оборона, и ясно, что лесистая местность способствовала последним. В конечном итоге русские войска отошли, но на других участках сражение к тому времени уже завершилось.

Подводя итоги нашего исследования, следует подчеркнуть следующее. В связи с тем, что главный удар противника пришёлся на Багратионовы «флешы» и д. Семёновское, туда были стянуты основные силы 2-й русской армии и большая часть подходов на левый фланг подкреплений. В связи с этим на крайнем

левом фланге 2-й армии осталось очень мало войск (Литовский уланский полк, конно-артиллерийская рота и часть московских ополченцев), чтобы прикрыть его от обхода и держать связь с группой Тучкова 1-го. С другой стороны, противник, понеся тяжёлые потери при взятии «флешей», с трудом пробивался через Утицкий лес, постепенно наращивая свои силы за счёт вестфальцев и некоторых полков 4-й и 5-й пехотных дивизий. Русским также пришлось остановить здесь часть войск Баггвута, изначально направленных на усиление группы Тучкова. Количество противоборствующих войск с обеих сторон постепенно росло, и соотношение сил здесь было примерно равным. Обороняющимся помогала лесистая местность, так что быстрого продвижения у неприятеля здесь не могло получиться. Всё это обусловило затяжной характер боёв на данном участке противоборства, не принеся значительного успеха наступающей стороне. Противнику не удалось прорвать русский фронт, который отступил на одном уровне с войсками Баггвута. Несмотря на относительно небольшое количество сражавшихся здесь войск, мужество и упорство, которые они проявили, было не меньшим, чем на других участках сражения.

Примечания

¹ Толь К.Ф. Описание сражения при селе Бородине ..., рапорты Баггвута, Строганова, Шаховского кн.: Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962 (далее: Бородино); Württemberg E. Erinnerungen. Breslau, 1846; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского // Военный журнал. 1848. № 1 (далее: Вюртембергский); Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 2. СПб., 1860; Скугаревский А.П. Бородино. СПб., 1912.

² Рапорт Понятовского в кн.: Langlois C.J. Panorama de la bataille de la Moscowa. Paris, S.a.; Oginski M. Mémoires sur la Pologne et de polonais. T. IV. Paris, 1827. P. 36-37; Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. T. 1. Paris, 1912.

³ Soltysk R. Napoleon en 1812. Paris, 1836; Pamietnik generala Jana Weyssenhoffa. Warszawa, 1904 (далее: Weyssenhoff); Jelski L. Marsze i dziaianio korpusu polskiego w kampanji 1812 // Bronikowski K. Pamiktniki polskie. Vol. III. Paris, 1843. P. 46-52 (далее: Jelski); Pamiktnik Henryka Dembickiego, Jeneraia wojsk polskich. Poznac, 1860 (далее: Dembicki); Kolaczkowski K. Wspomnienia. T. I. Krakow, 1898; Rozwadowski A. Pamietniki. Lwow, 1889; Из записок генерала Я. Вейсенгофа // Военно-исторический сборник. 1912. № 2; Воспоминания генерала Колачковского о походе 1812 г. // Военский К. Исторические очерки и статьи. СПб., 1912. Рукописные воспоминания Рыбинского использованы в трудах М. Кукея и С. Пжевальского. Помощник начальника инженеров Колачковский вспоминал: «Находясь во время битвы в штабе князя Понятовского, я был неоднократно посылаем с приказами к нашей пехоте и на позиционную батарею... Когда огонь, как казалось, стихал, я с карандашом в руках зарисовывал позицию по мере нашего и неприятельского движения». 8 сентября он закончил чертить план сражения (Колачковский. 234).

⁴ Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie... Paris, 1825 (далее: Gourgaud); Исследования Гурго, Пеле и Шапюи опубликованы вместе в кн.: Bibliotheque historique et militaire. T. VII. Paris, 1853 (далее: Pelet, Chapuis).

⁵ Dembiński. 136; Kukiel. Jazda. 13, 19; Kukiel. Les Polonais. 17, 27.

⁶ Рапорт Нея в кн.: Langlois C.J. Panorama de la bataille de la Moscowa. Paris, S.a.; рапорт Хёне в кн.: Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. T. 1. Paris, 1912.

⁷ Hohenhausen L. Biographie des Generals von Ochs. Cassel, 1827.

⁸ Лоссберг. Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. № 1; Lossberg F.W. Briefe in die Heimath. Cassel, 1844; Conrady W. Aus stürmischer Zeit. Berlin, 1907; Borcke J. Kriegerleben. Berlin, 1888; Bödicker L. Die militärische Laufbahn ... // Beiheft zum Militär-Wochenblatt. 1880. Hft. 1; Meyer J. Erzählung der Schicksale und Kriegsabenteuer. Göttingen, 1838; Morgenstern F. Kriegererinnerungen aus Westfälischen

Zeit. Wolfenbüttel, 1912; Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale ... Hildesheim, 1845; Linsingen. Auszug aus dem Tagebuch // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894. Hft. 7; Wagner F.L. Tagebuch // Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine. 1899. Bd. 111; Wesemann H. Kanonier der Keisers. Köln, 1971. Ни в одном из 15 (!) немецких изданий воспоминаний Флекка он не назван по имени, но в списке пленных вестфальцев в Пензенской губернии упомянут сержант карабинеров Луи, то есть Людвиг Флек (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463. Л. 104).

⁹ В 1796 удар сабли разрубил Жюно левый висок, а в 1811 пуля поразила его в нижнюю часть лба и почти обнажила мозг. Эти ранения повлияли на его характер, вызывая приступы раздражительности. Этим объясняется его странное поведение в 1812 (Pigeard A. Les étoiles de Napoléon. Paris, 1996. P. 414-19).

¹⁰ Подробнее об этом см.: Попов А.И. Действия вестфальского корпуса под Смоленском // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005. С. 178-219.

¹¹ Лоссберг. 29, 34; Lossberg. 154-155, 165; Conrady. 269; Linsingen. 280; Fleck. 22-23; Ochs. 251; Wagner. 210; Langlois. 6, 9

¹² Pelet. 513; ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 62; Jelski. 50; Kolaczkowski. I. 120; Колачковский. 231-32; Gourgaud. 233; Kukiel. Les Polonais. 27-28.

¹³ Weysenhoff. 146; Вейсенгоф. 221; Segur. I. 380-81; Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 124; Langlois. 10; Kukiel. Jazda. 14, 63; Kukiel. Les Polonais. 28; Kukiel. II. S. 158; Богданович. II. 165-66. Солтык пишет, будто бы император желал, чтобы Понятовский повернул прямо на фланг Багратиона, куда позднее были направлены вестфальцы. Кукель верно заметил, что это противоречит диспозиции императора, где говорится о взятии деревни и об обходе; кроме того, сбивать русских егерей с опушки леса поручено было 4-й дивизии Ж.М. Дессэ. Бескровный, в своей излюбленной манере передёргивать факты, заявил, будто Наполеон отказался от предложения Даву потому, что «опасался, что русские, обнаружив эту группу войск, смогут легко ее уничтожить» (Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 377).

¹⁴ Витмер А. Бородинский бой // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 154-55.

¹⁵ Полки генерала Карпова 2-го (войсковой старшина П.А. Калинин), полковников О.В. Иловайского 10-го, Т.Д. Иловайского 11-го, В.А. Сысоева 3-го (войсковой старшина Т.Т. Рыковский), войсковых старшин И.В. Грекова 21-го (войсковой старшина В.И. Васильев) и Г.Г. Мельникова 4-го. Все расписания русских армий упоминают в составе этого отряда полки полковника В.А. Быхалова 1-го и войскового старшины Д.Д. Комиссарова 1-го (Поликарпов. 522-23; Васильев А., Елисеев А. Русские объединённые армии при Бородине ... М., 1997. С. 50). На самом же деле они незадолго перед тем были направлены прикрывать границы Калужской губернии и 26 августа находились у с. Воскресенского на границе Боровского уезда (Бессонов В.А., Попов А.И. Действия казачьих отрядов Быхалова и Темирава в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 26-27).

¹⁶ Бородино. 173, 331; ВУА. XVIII. 92, 134, 184; Bernhardt T. Denkwürdigkeiten... Tolls. II. 39-43; Kukiel. Les polonais. 75-76.

¹⁷ Толь К.Ф. Описание сражения при селе Бородине..., рапорты Багговута, Строганова, Шаховского в кн.: Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962 (далее: Бородино); Рапорт Сиверса в кн.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 2. СПб., 1860. С. 574-77 и ВУА. XVIII. 142-44; Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского // Военный журнал. 1948. № 1 (далее: Вюртембергский); Würtemberg E. Erinnerungen... Breslau, 1846; Скугаревский А.П. Бородино. СПб., 1912. Kukiel M. Jazda polska nad Moskwa. Poznan, 1919. S. 63-69; ibid. Les Polonais à la Moscova // Revue des études napoléoniennes. 1929. T. 28. Janvier. P. 10-31, 74-93.

¹⁸ Бородино. 80, 88.

¹⁹ Поликарпов. 517-18.

²⁰ ВУА. XVIII. 21, 24; Богданович. II. 574-76; Капитонов А. Одна война – четыре кампании // Родина. 2002. № 8. С. 70.

²¹ Бородино. 112, 135, 138; Бескровный. 378.

²² Бородино. 393; Бутурлин Д.П. Кутузов в 1812 г. // РС. 1894. № 10. С. 207; Мешетич Г.П. Исторические записки ... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 47; Вюртембергский Е. 52, 73, 83; Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987. С. 320.

²³ Очевидная ошибка Щербина, так как Вуич определённо находился у р. Колочь; это мог быть полковник Гогель.

²⁴ Бородино. 395-97, 393. В этом рассказе многое вызывает сомнение. Статья ближе к левому флангу 2-й армии Тучков никак не мог, ибо к северу находились заросли, а его задачей было перекрытие Смоленского тракта. Выдвинуть его вперёд можно было лишь к Утице, где он итак изображён на кроках. К тому же, ударить во фланг противнику, напирющему на Багратиона, можно было только по просёлочной дороге, идущей от северной окраины Утицы.

²⁵ Эта ошибка с тех пор пошла «кочевать» по трудам всех отечественных историков. Между тем, из рапортов Строганова и Коновницына ясно видно, что в первой линии стояла 1-я гренадерская дивизия (Бородино. 151, 165).

²⁶ Бутурлин Д.П. История нашествия ... Ч. 1. СПб., 1837. С. 258-59. Неелов Н.Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839. С. 30-31; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. 2. СПб., 1839. С. 223; он же. Император Александр I и его сподвижники. Т. IV. СПб., 1847. Тучков. С. 9.

²⁷ Богданович. 2. 152, 538; Оболевешев. Бородинский бой ... М., 1903. С. 41, 43.

²⁸ Геруа А.В. Бородино. СПб., 1912. С. 30-31; Русский инвалид. 1911. № 159. С. 3.

²⁹ Геруа. 32, 45-46; Колубакин Б.М. Бородинское сражение // Инженерный журнал. 1912. № 6-7. С. 934-35.

³⁰ Павленко Н.Г. Некоторые вопросы Бородинского сражения // ВИЖ. 1941. № 5. С. 34-35.

³¹ Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения // Исторический журнал. 1943. № 2. С. 62, 69; Прунцов В.В. Бородинское сражение. М., 1947. С. 63; Гарнич Н.Ф. Бородинское сражение // Полководец Кутузов. Сб. ст. М., 1955. С. 197-198, 202-203; он же. 1812 год. Изд. 2-е. М., 1956. С. 147-148, 150-151.

³² Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 377, 381; его же. Бородинское сражение. М., 1971. С. 35-37, 47.

³³ Жилин П., Ярославцев А. Бородинское сражение. М., 1952. С. 39, 46.

³⁴ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 151.

³⁵ Богданов Л.П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. Сб. ст. М., 1962. С. 110.

³⁶ Кочетков А.Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // ВИЖ. 1963. № 12. С. 41-42

³⁷ Пчелов Е.В. Генерал от кавалерии Л.А. Беннигсен // Отечественная война 1812 г. Бородино, 1994. С. 71.

³⁸ Жилин. 151; Богданов. 111; он же. На поле Бородинском. М., 1987. С. 27-28. Бескровный. 382. Прим. 1; Бородино. 397.

³⁹ Soltuk. 215; Геруа. 38.

⁴⁰ Автор соответствующей главы пишет, что Беннигсен изменил расположение корпуса рано утром 25-го (хотя у Щербина указан вечер), что 3-я дивизия стояла в первой линии, что Наполеон отказался от предложения Даву, так как «опасался, что русские, обнаружив эту группировку войск, смогут легко ее уничтожить»; повторяется байка о некоей «последней диспозиции» императора перед сражением; Л. Лежен рапортовал об опоздании поляков не Наполеону, а Нею; описывать бой возле Утицы по рассказу Глинки наивно, так как он не был в данном районе. Деревня Утица загорелась не от перекрестного огня, а потому, что её подошли русские при отходе. Генерал А.А. Карпов 2-й перепутан с подпоручиком артиллерии А.К. Карповым 6-м; Понятовский тогда маршалом не был. Не ясно, почему «занятие кургана войсками Понятовского ... угрожало обходом отряда Тучкова с тыла». Ободрающие слова, обращённые Коновницыным к Керну, не могли быть произнесены при отбитии Утицкого кургана, поскольку первый находился в то время у д. Семёновской. 4-я пехотная дивизия не сражалась на флешах, а в корпусе Сиверса не было кирасир; Ивелич сражался не на левом, а на правом фланге Багговута. Приводятся «свидетельства» таких «очевидцев», как «французский офицер Винтурини» и «генерал главной квартиры наполеоновской армии Капфиг»,

Дивизионный генерал М. Сокольниковский (1760-1816)

которые на самом деле являлись третьеразрядными сочинителями. Ничтоже сумняшеся повторяется ещё одна выдумка Болговского, будто Наполеон потому только не двинул вперёд свою Старую гвардию, что стоявшие позади войск Тучкова колонны Московского ополчения он принял за русскую гвардию (на самом деле отряд Маркова он попросту не мог видеть); и другая выдумка о том, будто ночью французы отошли на левый берег Колочи (Бородино. 1812. М., 1987. С. 200-215). Каждая в отдельности ошибка может показаться мелкой, но такое нагромождение их в одном месте, безусловно, ведёт к искажению реальной картины. Только С. Серков указал, что «Вентурини Карл - французский историк, автор четырехтомного сочинения», да и то допустил ошибку (Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987. С. 309. Прим. 1. Venturini C. Russlands und Deutschlands Befreiungskriege... Т. 1-4. Leipzig, 1816-1819).

⁴¹ Из дневника генерала Гартинга // Труды ИРВИО. Т. VI. Кн. 2. СПб., 1912. С. 75; Бородино. 393-94.

⁴² Бородино. 331

⁴³ Богданов. Боевой порядок. 111; Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. С. 119, 127. 10 сентября Сокольниковский сообщил, что, по показаниям русских пленных, шесть полков 1-й гренадерской дивизии имели по 800-900 чел., так что в дивизии было около 5 тыс. пехотинцев, не считая артиллеристов (Kukiel. Les polonais. 76).

⁴⁴ Langlois. 7; Solytk. 222. Колачковский уверял, что корпус двинулся после того, как в 6 часов войскам зачитали приказ императора. Судя по многим свидетельствам, приказ действительно зачитывался в 6 часов (когда стало светать), но войска уже до этого выдвигались на исходные позиции.

⁴⁵ Kolaczowski. I. 121; Колачковский. 229, 232-33; ЧО-ИДР. 1872. I. 74; Weyssenhoff. 144; Вейссенгоф. 220; Jelski. 50; Kukiel. Les polonais. 78. Колачковский отметил, что «назначение командиром нашей дивизии Себастьяни считал за немилость. Но поляков он знал и любил... Поэтому он не высказывал своего мнения и был чрезвычайно внимателен к своей дивизии, но нас предупредили, что в деле командования кавалерией он совершенно неопытен». Геруа писал, будто поляки только к 9 час. вышли на Старую дорогу (Kukiel. Jazda. 63; Zych G. Armia ksiestwa Warszawskiego. Warszawa, 1961. S. 317; Геруа. 46).

⁴⁶ Solytk. 217, 219; Kukiel. Les polonais. 77.

⁴⁷ Бородино. 151-52, 165, 168, 306, 397, 394; Dembicki. 136; Глинка. 300; Афанасьев В. Павловцы на Бородинском поле. М., 1912. С. 29-30; Богданович. II. 193; Скугаревский. С. 63, схема 4; Афанасьев. 19, 23, 26; Kukiel. Les polonais. 77; Геруа. 47. Строганов написал рапорт Коновницыну 6 сентября,

а Коновницыну Кутузову - 19 сентября; этим можно объяснить сходство их содержания. Но Коновницына наверняка был свидетелем начала боя.

⁴⁸ Langlois. 7; Solytk. 222-23, 225-26; Jelski. 50; Колачковский. 233; Oginski. IV. 36; Kukiel. Jazda. 63-64; Kukiel. Les polonais. 79-80. Заметим, что Понятовский не знал названия деревни, перепутав её с Псарёво. Толь пишет, что поляки заняли деревню «в непродолжительном времени» (Бородино. 322).

⁴⁹ «Кто же стал инициатором изменения первоначального плана движения войск Ней, которые неожиданно бросились вправо? - задался вопросом В.Н. Земцов.- В своё время Сегюр высказал мнение, что это был результат импровизации самого Ней. Гурго немедленно выступил с опровержением, заявив, что Ней только исполнял приказ, данный ему императором. Пеле... поддержал позицию Сегюра». По мнению самого Земцова, виновниками изменения первоначального плана в равной степени были Ней и Наполеон. Приказ о вступлении в сражение исходил от императора, «но приказ императора не мог не быть сформулирован только в самой общей форме - двигаться вперёд... а Ней уже на месте (скорее всего, когда уже вышел на уровень ручья Каменка) должен был принять конкретное решение, что он и сделал» (Земцов. 338-39, 530). Впрочем, это не отменяет совсем того факта, что после вступления в бой Ней сам распорядился, куда направить вестфальский корпус.

⁵⁰ Лоссберг. 30, 35-36; Ochs. 251; Fleck. 25; Borcke. 187; Bödicker. 272; Linsingen. 281-282; Langlois. 6; Smith D. Boro-dino. Gloucestershire, 1998. P. 62, 63-64.

⁵¹ Dessaix J., Folliet A. Le général Dessaix. Annecy, 1879. P. 251; Французы в России. Ч. I. М., 1912. С. 142.

⁵² Chuquet 71-72; Conrady. 272; Smith. 80, 82; Ратч Г.М. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1861. № 10. С. 810-12; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. II. СПб., 1860. С. 185. Видимо, в это время был убит генерал Дама. «Огюст Дама получил недалеко от генерала Ромёфа ядро в грудь. Смертельные результаты этого артиллерийского удара были столь скорыми, что его не смогли отвезти в мой амбуланс», - писал Ж.Д. Ларрэ. Жером Бонапарт писал, что Дама, этот «образец храбрости и чести, был убит в главе своих войск. Он настолько был душою своих войск, что на самом поле боя под Москвой вестфальские солдаты соорудили ему небольшой деревянный памятник» (Pigeard. 291).

⁵³ Chuquet. 72; Linsingen. 282; Bödicker. 272; Fleischmann Ch. Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892. S. 30.

⁵⁴ Бородино. 152, 311-12, 323; Solytk. 223; Афанасьев. 33. Вслед за Бутуринным (т.е. планом Толя) историки описывают расположение войск Тучкова так: справа от подошвы кургана стали Лейб-гренадерский и Аракчеева полки; за ними в резерве Павловский полк; левее кургана - Екатеринославский и Санкт-Петербургский полки, между которыми находилась батарея из 12-ти орудий. Невнимательно прочитав источники, они пишут, будто бы на кургане, «по тесноте его вершины, можно было поставить только четыре батарейных орудия» (Богданович. II. 193; Скугаревский. 64; Афанасьев. 32-33; Геруа. 46-47).

⁵⁵ Цит. по: Павлов И.В. Артиллерия в 1812 г. // ВИВ. 1912. Кн. 3. С. 96; Е. Вюртембергский. 63; Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837. С. 27-28; Троицкий. 151. Заметим попутно, что четыре егерских полка 2-го корпуса остались на позиции за р. Колочь, прикрывая правый фланг русской армии. Поэтому неправы те отечественные историки, которые писали, будто к концу сражения в резерве у Кутузова остались только егерские полки так называемого «Масловского отряда».

⁵⁶ Бородино. 185.

⁵⁷ Бородино. 152, 185, 311-12.

⁵⁸ Jelski. 50; Kukiel. Jazda. 64, 66; Langlois. 7.

⁵⁹ Колачковский. 233; Вейссенгоф. 220; Weyssenhoff. 144-45; Dembicki. 136.

⁶⁰ Dembiński. 136-37; Solytk. 227; Kukiel. Jazda. 66; Kukiel. Les polonais. 82. Дембинский рассказывает, что во время артиллерийского обстрела в нескольких десятках шагов от него упала граната и начала шипеть, как обычно перед тем, как лопнуть. Полковник З.А. Курнатовский подскочил к правому крылу 7-й роты и приказал ей податься назад, что сделало также левое крыло 6-й роты Дембинского. Тогда последний,

пришпорив коня, двинулся прямо на вращающуюся гранату, встал прямо над ней и стал поименно называть своих солдат, чтобы выровнять строй. Судьбе было угодно, чтобы граната не взорвалась. Этот поступок был замечен уланским полком, стоявшим позади 5-го конно-егерского, и после сражения Дембиньского хвалили за проявленное самообладание (Dembiński. 171).

⁶¹ Jelski. 50-51; Przewalski S. General Maciej Rybinski. Wrocław, 1949. S. 21; Колачковский. 233; Бородино. 303; Афанасьев. 34; Kukiel. Les polonais. 82. Наградной документ свидетельствует, что Лейб-гренадерский полк майора Демченкова находился «во время бывшей сильной канонады при прикрытии батареи с 5,5 часов утра до 11-го часа».

⁶² Soltyk. 233; Przewalski. 22.

⁶³ Przewalski. 22.

⁶⁴ Лоссберг. 35-36; Meyer. 46-47; Fleck. 26; Vie de Planat de la Faye. Paris, 1895. P. 83.

⁶⁵ Лежен пишет, что Даву «был ранен в руку, но продолжал командовать. Его начальник штаба генерал Ромёф был поражён ядром в то время, когда мы разговаривали» (Lejeune. 211; Французы в России. I. 156).

⁶⁶ Богданович. II. 576; Бородино. 138, 185; Soltyk. 225; Smith. 82; Бородино: Документальная хроника. М., 2004. С. 227; Письмо П.А. Чертова С.А. Маслову // Маслов С.А. Воспоминание в 1865 г. Бородинской битвы... М., 1865. С. 11 (далее: Чертов).

⁶⁷ Бородино. 245-48; Любенков. 29-31. Судя по рассказу Любенкова, артиллерия 2-го корпуса прибыла на новую позицию раньше пехоты. Ларионов верно заметил, что Багговут упоминает о действиях с корпусом только 4-й и 17-й батарейных и 33-й лёгкой рот (Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. Сб. статей. М., 1962. С. 127).

⁶⁸ Любенков. 38-40; Богданович. II. 576.

⁶⁹ Чертов. 11; Conrady. 273-74; Лоссберг. 32; Soltyk. 234; Smith. 82.

⁷⁰ Бородино. 169, 137, 226, 241-43, 302, 305-09, 323; Kukiel. Les polonais. 83-84. Упомянутое Данилевским обращение Коновницына: «Славно, Керн! Будь в моей воле, я снял бы с шеи моей Георгиевский крест и надел его на тебя» (Бородино. 1812. М., 1987. С. 209) нельзя относить ко времени этой атаки, поскольку в то время генерал находился у Семёновского ручья.

⁷¹ Langlois. 7; Przewalski. 22-23; Колачковский. 233-34; Kukiel. Jazda. 66-67; Kukiel. Les polonais. 84; Афанасьев. 34. Колачковский обвинял Понятовского в том, что тот «всегда водил батальоны в огонь по одному, причём выделялся своим прекрасным рыцарским видом» и «не брал сразу несколько батальонов из резервов, или из второй линии. Этот ошибочный приём, заимствованный им от австрийцев, был гибелен для нашей пехоты».

⁷² Soltyk. 237-38; Kolaczowski. I. 120; Jelski. 51-52; Бородино. 185-86; Афанасьев. 35; Kukiel. Les polonais. 84.

⁷³ Langlois. 7; Soltyk. 228, 238; Kukiel. Jazda. 67; Kukiel. Les polonais. 85-86; Геруа. 59.

⁷⁴ Лоссберг. 37; Lossberg. 170; Conrady. 275.

⁷⁵ Е. Вюртембергский. 69, 70; Бородино. 186; Hoffmann. Tagebuch des 2-ten russischen Corps... Th. 1. Münster. 1830. S. 42. Из рапорта Багговута не ясно взаиморасположение бригад Ивелича и Пышницкого, но можно догадаться, что последняя встала слева от отряда Сиверса.

⁷⁶ Ochs. 252-53; Chuquet. 72, 73; Лоссберг. 38; Французы в России. I. 152; Thirion A. Souvenirs militaires. Paris-Nancy, 1892. P. 186; Gardier L. Un journal de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1999. P. 50. Следует заметить, что рассказы Тириона и Гардье сложно «разместить во времени», и «примирить» с показаниями немецких источников, которые постоянно подчёркивают отвагу вестфальцев. Так, рапорт Хёне гласит: «Вестфальские линейные полки, которые в этот день впервые находились в бою, так же как и лёгкая пехота, проявили такое хладнокровие и стойкость, что Е.В. Император соизволил сказать, что они превзошли его ожидания».

⁷⁷ Богданович. II. 576; Любенков. 56, 59-60; Бородино. 238. Некоторые авторы неточно пишут, будто часть орудий 4-й и 17-й батарейных рот сражались возле флешей (Ларионов. 127; Крылов В.М. Кадетские корпуса... СПб., 1998. С. 236-37).

⁷⁸ Dupuy V. Souvenirs militaires. Paris, 1892. P. 179.

⁷⁹ Французы в России. I. 143-44; Girod de l'Ain M. Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 à 1815. Paris, 1873. P. 86-87; Ternaux-Compans N.D. Général Compans. Paris, 1912. P. 358; Фоссен. 471; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 353.

⁸⁰ Langlois. 7; Колачковский. 234; Soltyk. 238-39; Jelski. 52; Kukiel. Jazda. 68; Morawski R., Wielecki H. Wojsko księstwa Warszawskiego. Kawaleria. Warszawa, 1994. S. 96-97.

⁸¹ Бородино. 311, 228-29, 242-43, 186.

⁸² Ochs. 253; Fleck. 28-29; Лоссберг. 40-41.

⁸³ Бородино. 186, 238-40; Чертов. 11-12.

⁸⁴ Любенков. 45-50; Богданович. II. 577. Любенков пишет, что эта атака началась через четверть часа после того, как их батарея обстреляла колонну, в которой ехал сам Наполеон. Император покинул свой командный пункт в 15-16 часов. О том, что это наступление вела 4-я дивизия Фридерикса свидетельствует, помимо рассказа Жиро де л'Эна и то, что команды отдавались на французском языке, а на знамёнах вестфальской пехоты не было красного цвета. Капитан 85-го полка Шапюи описал, каким образом ещё утром приказал наступать Фридерикс - быстрым шагом и под бой всех барабанов (Французы в России. I. 143; Chapuis. 578).

⁸⁵ Лоссберг. 38; Lossberg. 172; Linsingen. 283; Bödicker. 273; Бородино. 186, 244-45. Молодых рекрутов во 2 корпус поступило 2786, в то время как в 3 корпус - всего 451. «Подполковник Андрей Де-ла-Грав» отбывал плен в Саратове (Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 253).

⁸⁶ Бородино. 186-187, 152-153, 169; 310-311.

⁸⁷ Ochs. 253-54; Borcke. 188; Conrady. 276.

⁸⁸ Чертов. 12; Linsingen. 283; Lossberg. 171; Лоссберг. 38, 42.

⁸⁹ Лоссберг. 37; Lossberg. 171; Conrady. 276; Linsingen. 283.

⁹⁰ Бородино. 152, 187, 227, 239, 240, 247-48; Jelski. 52; Kolaczowski. I. 123; Soltyk. 237; Brandt. II. 418; Колачковский. 234; Чертов. 12; Богданович. II. 217-18; Афанасьев. 26; Kukiel. Les polonais. 88-89; Коршиков Н. Донские казаки в Бородинском сражении // Дон. 1987. № 9. С. 154. Е. Вюртембергский говорит, что лично прибыл к Багговуту около 16 час. и застал на этом участке затишье; он замечает, что об этом случае «до сих пор ничего не было писано». Действительно, ни Багговут, ни Коновницын не упомянули об этом в своих донесениях (Hofmann-Chappuis A. Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und... Hofmann... Cannstatt, 1883. S. 66; Вюртембергский. 74-76).

⁹¹ История СССР. 1963. № 1. С. 230.

⁹² Jelski. 52; Колачковский. 234; Kukiel. Les polonais. 90.

⁹³ Langlois. 7. Возможно, речь идёт о майоре Ингерманландского драгунского полка Пиотровском; с его слов генерал Крайсинский написал Наполеону, что русские потеряли при Бородино 30-35 тыс. чел. (ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 10. Л. 56-59).

⁹⁴ Под его адъютантом капитаном Прево были убиты две лошади, а сам он был ранен (Hourtoulle F.G. Borodino-La Moskowa. Paris, 2000. P. 96).

⁹⁵ Лоссберг. 31, 39; Ochs. 255; Conrady. 277; Fleck. 28; Bödicker. 273; Linsingen. 284; Borcke. 188; Lucas-Dubreton J. Junot, dit «La Tempête». Paris, O. d. P. 216. Несколько лет спустя генерал Окс, будучи хессенским посланником в Петербурге, рассказывал Ф. Шуберту о больших потерях, понесённых вестфальцами в Бородинском сражении (Schubert F. Unter dem Doppeladler. Stuttgart, 1962. S. 239).

⁹⁶ Hourtoulle. 98.

⁹⁷ Е. Вюртембергский. 73; Бутурлин. Кутузов в 1812 г. 207.

⁹⁸ Бутурлин. Кутузов в 1812 г. 205-06; Vaudoncourt G. Memoires pour servir a l'histoire de la guerre... Londres, 1815. P. 177-78; Weysenhoff. 146. Обзор мнений историков по этому вопросу см.: Земцов В.Н. Французская армия 6 сентября 1812 г. ... // Отечественная война 1812 г. Бородино, 1998. С. 75-77.

⁹⁹ Jomini. IV. 127; Chambray. I. 316; Kukiel. Jazda. 63, 69; Kukiel. Les polonais. 91-92.

⁹⁹ Витмер. 150.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
-----------------	----------

В.Н. Земцов

Глава I. Бой за Семёновские высоты	4
1. Подготовка к бою	6
2. Жаркая борьба за «флеши»	22
3. Атака и захват д. Семёновское. Итоги	41

А.И. Попов

Глава II. Боевые действия в Утицком лесу	58
1. «Засадный отряд» Тучкова	62
2. Начало сражения	70
3. «Немного левее центра...»	79
4. Русская контратака	84
5. Второй приступ	90
6. Итоги	97

В.Н. Земцов А.И. Попов

Бородино Южный фланг

Книга ведущих исследователей Отечественной войны 1812 г. В.Н. Земцова и А.И. Попова “Бородино. Южный фланг” продолжает публикацию работ, приуроченных к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. Данное исследование посвящено важнейшим эпизодам Бородинского сражения – борьбе за Семёновские укрепления и бою в Утицком лесу. На основе обширной документальной базы авторы предлагают наиболее убедительную на сегодняшний день картину хода и результатов событий, разыгравшихся на южном фланге Бородинского сражения.